ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА КРИСТИ

1933

СМЕРТЬ ЛОРДА ЭДЖВЕРА

Agatha Christie®

Смерть лорда Эджвера
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Смерть лорда Эджвера
Глава 1. Вечер в театре
Глава 2. Ужин
Глава 3. Человек с золотым зубом
Глава 4. Беседа
Глава 5. Убийство
Глава 6. Вдова
Глава 7. Секретарь
Глава 8. Допустимые вероятности
Глава 9. Вторая смерть
Глава 10. Дженни Драйвер
Глава 11. Эгоистка
Глава 12. Дочь
Глава 13. Племянник
Глава 14. Пять вопросов
Глава 15. Сэр Монтегю Корнер
Глава 16. Обмен мнениями
Глава 17. Дворецкий
Глава 18. Другой
Глава 19. Гранд-дама
Глава 20. Таксист

Глава 21. История Рональда
Глава 22. Странное поведение Эркюля Пуаро
Глава 23. Письмо
Глава 24. Новость из Парижа
Глава 25. Званый обед
Глава 26. Париж?
Глава 27. Касательно пенсне
Глава 28. Пуаро задает вопросы
Глава 29. Пуаро держит речь
Глава 30. История
Глава 31. Показательный документ

Аннотация

Американская актриса Джейн Уилкинсон уже давно не скрывала, что хотела бы расстаться со своим мужем, лордом Эджвером. Ведь у нее на примете был мужчина и познатнее, и побогаче… Поэтому, когда Эджвера нашли мертвым у него в кабинете, ни у кого не возникло сомнений в виновности Джейн. Тем более что некоторые обстоятельства указывали на ее прямое участие в смерти мужа. Актриса попросила великого детектива Эркюля Пуаро помочь ей спасти свое имя от несмываемого позора. Но как сыщик может поверить Уилкинсон, что она невиновна, если совсем недавно новоиспеченная вдова просила Пуаро совсем об иной услуге – помочь ей избавиться от своего мужа?..

Агата Кристи
Смерть лорда Эджвера

Посвящается доктору и миссис Кэмпбелл Томпсон

Глава 1
Вечер в театре

Память публики коротка. Вызвавшее пристальный интерес и ажиотаж убийство Джорджа Альфреда Сент-Винсент Марша, четвертого барона Эджвера, уже стало историей и забыто. Его место заняли другие сенсации.

Имя моего друга, Эркюля Пуаро, никогда открыто не упоминалось в связи с тем расследованием. Что, позволю себе заметить, в полной мере отвечало его собственным пожеланиям. Он вмешался в него не по собственной воле. Все лавры достались другим — и это его вполне устроило. Более того, на особый взгляд Пуаро, то дело было одной из его неудач. Он постоянно уверяет меня в том, что по верному пути его направила лишь случайная ремарка прохожего на улице.

Как бы то ни было, но то дело было раскрыто только благодаря его гению. Если б не Эркюль Пуаро, сомневаюсь, что преступник получил бы по заслугам.

В связи с этим я чувствую, что настало время изложить на бумаге все, что мне известно. Я знаю

все тонкости того дела, а еще, рассказав обо всем, я, признаюсь честно, исполню желание одной очаровательной дамы.

Я часто вспоминаю тот день, когда все мы сидели в тщательно прибранной маленькой гостиной Пуаро, и мой друг, расхаживая взад-вперед по ковровой дорожке, с неподражаемым мастерством посвящал нас в удивительные подробности того дела. Я хочу начать свое повествование оттуда же, откуда его повел и он, — из лондонского театра в июне прошлого года.

В тот период Карлотта Адамс была в большой моде. За год до этого она дала пару дневных спектаклей, которые имели огромный успех. В этом году у нее был трехнедельный ангажемент, и то был предпоследний вечер ее выступлений.

Американка Карлотта Адамс обладала удивительным талантом без грима и декораций в одиночку делать скетчи. Она с легкостью говорила, казалось, на всех языках. Ее скетч о вечере в иностранном отеле был потрясающим. На сцене друг за другом появлялись американские туристы, немецкие туристы, семейства английских буржуа, сомнительные дамочки, обедневшие русские аристократы и усталые сдержанные официанты.

Ее скетчи вели зрителя от грусти к веселью и обратно. От умирающей в больнице женщины из Чехословакии у всех на глаза наворачивались слезы, а горло сдавливал спазм. И в следующую минуту все покатывались от хохота, глядя на то, как дантист, занимаясь своим ремеслом, оживленно болтает со своими жертвами.

Программа Карлотты закрывалась тем, что она назвала «Имитации».

В этом Адамс опять показала себя на удивление искусной. Без какого-либо грима ее черты неожиданно растворялись — и складывались в лицо какого-нибудь знаменитого политика, или известной актрисы, или светской красавицы. В каждом образе она произносила короткую и очень характерную речь. Эти речи, кстати, были чрезвычайно умными. Они как бы подчеркивали все слабые стороны выбранного персонажа.

Одним из последних перевоплощений была Джейн Уилкинсон — молодая талантливая американская актриса, которую хорошо знали в Лондоне. Образ получился великолепно. С языка Карлотты одна за другой слетали глупости с таким сильным эмоциональным зарядом, что зрители поневоле чувствовали: каждое слово несет в себе мощное основополагающее значение.

Красивый, с легкой хрипотцой голос, которым Карлотта владела с удивительным мастерством, действовал на всех завораживающе. Голос дополняли сдержанные жесты, каждый из которых был наполнен особым смыслом, и едва заметное покачивание тела, и вместе все это создавало впечатление сильной физической красоты — не представляю, как у нее это получалось!

Я всегда восхищался красавицей Джейн Уилкинсон. Она потрясла меня и в эмоциональном плане; и перед лицом тех, кто признавал ее красоту, но не считал ее актрисой, я утверждал, что она обладает удивительным талантом действовать на зрителя.

Я слушал так хорошо знакомый голос и те фаталистические перепады интонации, которые так часто брали меня за душу; я видел знакомые жесты — как медленно в страдании раскрывается и закрывается ладонь, как резким поворотом головы с лица отбрасывается прядь волос, — и мне было немного неуютно от этого, пока я не сообразил, что Карлотта Адамс всегда к закрытию давала драматическую сцену.

Джейн Уилкинсон была одной из тех актрис, что покидали подмостки сразу после свадьбы, чтобы вернуться через несколько лет.

Три года назад она вышла замуж за богатого, но немного эксцентричного лорда Эджвера. Поговаривали, что вскоре после этого Джейн бросила его. Как бы то ни было, через полтора года после свадьбы она уже снималась в фильмах в Америке, а в этом сезоне сыграла в имевшей большой успех пьесе в Лон- доне.

Наблюдая за Карлоттой Адамс в этой умной, но одновременно злобной имитации, я задался вопросом, сколько из этих воплощений видели сами прообразы. Понравилась ли им такая известность… такая своеобразная реклама? Или возмутило намеренное выставление напоказ их маленьких профессиональных хитростей — чем, по сути, представление и было? Не ставит ли себя Карлотта Адамс в положение соперничающего фокусника, который говорит: «О, это старый трюк! Все просто. Я покажу вам, как это делается»?

Я пришел к выводу, что если б я был прообразом перевоплощения, то сильно возмутился бы. Конечно, я скрыл бы свое раздражение, но в глубине души мною владела бы обида. Нужно обладать величайшей терпимостью и отточенным чувством юмора, чтобы должным образом оценить это безжалостное экспозé.

Едва я сделал это умозаключение, как услышал сзади эхо очаровательного хрипловатого смеха на сцене.

Я резко повернулся. В кресле прямо позади меня, чуть подавшись вперед и приоткрыв губы, сидел прообраз перевоплощения — леди Эджвер, известная всем как Джейн Уилкинсон.

Я сразу понял, что все мои умозаключения оказались неправильными. На лице Джейн Уилкинсон отражался восторг, ее глаза светились восхищением.

Когда «имитация» закончилась, она принялась громко аплодировать. Смеясь, повернулась к своему спутнику, высокому, очень красивому, похожему на греческого бога мужчине, в котором я узнал актера, прославившегося не только в кино, но и на сцене. Это был Брайан Мартин, самый популярный на тот момент герой экрана. Он и Джейн Уилкинсон вместе снимались в нескольких фильмах.

— Потрясающе, правда? — сказала леди Эджвер.

Он засмеялся.

— Джейн… у тебя такой восторженный вид!

— Но она действительно хороша! Глумится лучше, чем я думала.

Я не расслышал ответ Брайана Мартина — Карлотта Адамс начала новую импровизацию.

То, что случилось потом, я всегда буду считать очень любопытным совпадением.

После представления мы с Пуаро отправились ужинать в «Савой».

За соседним столиком расположились леди Эджвер, Брайан Мартин и еще двое незнакомых мне людей. Я обратил на них внимание Пуаро, и, пока разъяснял ему, кто есть кто, столик через один от нас заняла пара. Лицо женщины показалось мне знакомым, однако, как это ни странно, я сразу не смог вспомнить ее.

И вдруг меня осенило: так это же Карлотта Адамс! Ее спутника, ухоженного мужчину с жизнерадостным, немного глуповатым лицом, я не знал. Он был не из тех, кем я всегда восхищался.

Карлотта Адамс была одета скромно, во все черное. Ее подвижное, чувственное лицо не привлекало внимания окружающих и не способствовало мгновенному узнаванию, однако именно благодаря ему она с величайшим мастерством овладела искусством мимикрии. Оно могло без труда принимать черты другой личности, но его собственные черты не отличались характерностью.

Я поделился своими соображениями с Пуаро. Он внимательно слушал, слегка склонив набок похожую на яйцо голову и то и дело бросая пристальные взгляды на два столика, за которыми сидели обсуждаемые персоны.

— Так это леди Эджвер? Да, помню — я видел ее игру. Она *belle femme*[1].

— И замечательная актриса.

— Возможно.

— Вы, как я вижу, сомневаетесь.

— Я думаю, друг мой, это зависит от окружающей обстановки. Если она в центре спектакля, если все вращается вокруг нее — то да, она хорошо играет свою роль. Я сомневаюсь, что она смогла бы должным образом сыграть маленькую роль или такую, что называется характерной. Пьеса должна быть написана о ней и для нее. Мне кажется, она из тех женщин, которым интересны только они сами. — Пуаро помолчал и неожиданно добавил: — Таких людей на их жизненном пути подстерегает опасность.

— Опасность? — спросил я, удивленный.

— Вижу, я использовал слово, которое удивило вас, друг мой. Да, опасность. Потому что, понима-

---

[1] notes: 1

Красивая женщина (*фр.*). — *Здесь и далее прим. пер.*

ете ли, такая женщина видит только одну вещь — себя. Подобные ей не видят опасности и риски, что окружают их, — миллион противоречивых интересов и взаимоотношений. Нет, они видят только собственную дорогу вперед. И вот — рано или поздно — катастрофа.

Мне стало интересно. Я был вынужден признать, что такая точка зрения не приходила мне в голову.

— А другая? — спросил я.

— Мисс Адамс? — Взгляд Пуаро переместился к ее столику. — Ну? — сказал он, улыбаясь. — Что вы хотите, чтобы я рассказал о ней?

— Только то, какое впечатление она производит на вас.

– *Mon cher*[2], разве я сегодня предсказатель судьбы, который читает по ладони и видит человека насквозь?

— У вас это получается лучше, чем у большинства, — ответил я.

— Это все ваша великая вера в меня, Гастингс. Я тронут. Разве вы не знаете, друг мой, что каждый из нас — это мрачная тайна, лабиринт противоречивых страстей, и желаний, и жизненных

---

[2] notes: 2
Мой дорогой (*фр.*).

позиций? *Mais oui, c'est vrai*[3]. Человек выносит свое суждение — но девять раз из десяти неправильно.

— Только не Эркюль Пуаро, — сказал я с улыбкой.

— Даже Эркюль Пуаро! О, я точно знаю, что вы всегда придерживаетесь идеи, что я самодоволен, однако в самом деле уверяю вас: я действительно очень скромный человек.

Я рассмеялся.

— Вы — и скромный!..

— Именно так. Если не считать — я это признаю, — что я чуть-чуть горжусь своими усами. Нигде в Лондоне я не видел таких, что могли бы сравниться с ними.

— Вы в полной безопасности, — заверил его я. — И не увидите. Так вы не будете рисковать и высказывать свое мнение о Карлотте Адамс?

– *Elle est artiste!*[4] — просто сказал Пуаро. — Это говорит почти обо всем, не так ли?

— Как бы то ни было, вы не считаете, что ей на ее жизненном пути угрожают опасности?

— Нам всем они угрожают, друг мой, — мрачно

---

[3] notes: 3
Но да, это верно (*фр.*).

[4] notes: 4
Она артистка (*фр.*).

проговорил мой друг. — Несчастья так и ждут, чтобы наброситься на нас… Но что до вашего вопроса, мисс Адамс, думаю, преуспеет. Она дальновидна, и не только. Вы наверняка заметили, что она еврейка?

Я не заметил. Но когда он заговорил об этом, я увидел слабые следы семитского происхождения. Пуаро кивнул.

— Это способствует успеху — так-то. Хотя все же присутствует один путь к опасности — ведь мы об опасности говорим…

— В каком смысле?

— Любовь к деньгам. Это может побудить ее свернуть с благоразумного и осмотрительного пути.

— Такое может случиться с любым из нас, — сказал я.

— Это верно, но вы или я увидели бы подстерегающую нас опасность. Мы могли бы взвесить все «за» и «против». Однако если тебя заботят только деньги, ты и видишь только деньги, а все остальное остается в тени.

Я посмеялся над его серьезностью.

— Эсмеральда, цыганская королева, в отличной форме, — поддразнил его я.

— Интересна психология характера, — сказал

Пуаро, ничуть не задетый. — Нельзя интересоваться преступлениями и не интересоваться психологией. Специалиста увлекает не сам акт убийства, а то, что стоит за ним. Вы следите за моей мыслью, Гастингс?

Я сказал, что внимательно слежу за его мыслью.

— Я заметил, что, когда мы вместе работаем над делом, вы, Гастингс, всегда подталкиваете меня к физическим действиям. Вы настаиваете, чтобы я обмерял следы обуви, исследовал сигаретный пепел, ползал на брюхе, выискивая улики… Вы так и не поняли, что, развалившись в кресле и закрыв глаза, можно подойти к решению любой проблемы. В таком положении человек видит мысленным взглядом.

— Я не вижу, — сказал я. — Когда я с закрытыми глазами лежу в кресле, со мной происходит одно-единственное!

— Я это заметил. Это странно. В такие моменты мозг должен работать лихорадочно, а не погружаться в вялую негу. Мысленная активность — ведь это так интересно! Это возбуждает! Заставлять работать маленькие серые клеточки — это же ментальное наслаждение. Они, и только они, способны провести нас через туман к истине…

Боюсь, у меня выработалась привычка отвлекаться каждый раз, когда Пуаро заговаривает о серых клеточках. Я слишком часто слышал его сентенции на эту тему.

Вот и сейчас мое внимание переключилось на тех четверых, что сидели за соседним столом. Когда монолог моего друга закончился, я со смешком заметил:

— Да вы произвели впечатление, Пуаро. Прекрасная леди Эджвер не сводит с вас глаз.

— Без сомнения, ей сообщили, кто я такой, — сказал Пуаро, стараясь выглядеть скромно и приниженно.

— Думаю, дело в знаменитых усах, — сказал я. — Она потрясена их красотой.

Пуаро исподтишка погладил их.

— Это правда, они уникальны, — признался он. — Эх, друг мой, та, как вы говорите, «щеточка», что вы носите, — это ужас… зверство… злонамеренное издевательство над даром природы. Прекратите это, друг мой, умоляю вас.

— Бог мой, — произнес я, не обратив внимания на призыв Пуаро. — Дама встает. Полагаю, она собирается сюда, чтобы поговорить с нами. Брайан Мартин возражает, но она отказывается его слушать.

И точно, Джейн Уилкинсон порывисто встала со стула и направилась к нашему столику. Пуаро поднялся и поклонился, я тоже встал.

— Месье Эркюль Пуаро, не так ли? — спросила она тихим голосом с хрипотцой.

— К вашим услугам.

— Месье Пуаро, я хочу поговорить с вами. Я должна поговорить с вами.

— Конечно, мадам. Соблаговолите присесть?

— Нет-нет, не здесь. Я хочу говорить с вами наедине. Мы с вами поднимемся наверх, в мой номер.

Успевший подойти к нам Брайан Мартин отреагировал на ее слова пренебрежительным смешком:

— Джейн, неужели нельзя подождать? Мы только сели ужинать. И месье Пуаро тоже.

Но заставить Джейн Уилкинсон свернуть с пути к цели было не так-то просто.

— И что, Брайан? Какое это имеет значение? Мы сделаем так, чтобы ужин принесли нам в номер. Договорись с ним, ладно? Кстати, Брайан…

Тот пошел прочь, и Джейн, поспешив за ним, стала его в чем-то убеждать. Однако он не сдавался, как я понимаю; лишь качал головой и хмурился. Тогда Джейн заговорила с еще большей

горячностью, и в конечном итоге Мартин пожал плечами, капитулируя.

Споря с ним, Джейн раз или два бросала взгляд на столик, за которым сидела Карлотта Адамс, и мне стало интересно, не связано ли то, о чем она собирается говорить, с этой американкой.

Добившись своего, Джейн вернулась, вся сияя.

— Мы немедленно понимаемся наверх, — сказала она, одарив своей восхитительной улыбкой и меня.

Кажется, ей не приходила в голову мысль, что мы можем не согласиться с ее планом. Она сдернула нас с места, не испытывая даже намека на угрызения совести.

— Это огромное везение, что сегодня вечером я встретила здесь вас, месье Пуаро, — сказала она, направляясь к лифтам. — Просто замечательно, как все удачно складывается для меня. Я думала и гадала, что мне дальше делать, и тут вдруг поднимаю глаза и вижу вас за соседним столиком. И тогда я сказала себе: «Месье Пуаро посоветует мне, что делать».

Прервав саму себя, она бросила мальчику-лифтеру: «Второй этаж».

— Если я могу вам чем-то помочь… — начал Пуаро.

— Уверена, что можете. Я слышала, что на свете нет человека прекраснее вас. Кто-то же должен вытащить меня из этой передряги, и я чувствую, что вы именно тот, у кого это получится.

Мы вышли на втором этаже, и Джейн повела нас по коридору. Затем, открыв нужную дверь, прошла в один из роскошнейших номеров «Савойи». Бросив белую меховую накидку на стул, а маленькую, украшенную драгоценными камнями сумочку — на стол, плавно опустилась в кресло и воскликнула:

— Месье Пуаро, тем или иным способом, но я вынуждена избавиться от своего мужа!

Глава 2
Ужин

Пуаро довольно быстро пришел в себя от изумления. Его глаза заблестели.

— Но, мадам, — сказал он, — я не специализируюсь на том, чтобы избавляться от мужей.

— Естественно, я знаю об этом.

— Вам требуется адвокат.

— Вот тут вы ошибаетесь. Я уже сыта по горло адвокатами. У меня были и честные и нечестные адвокаты, и ни от одного не было проку. Адвокаты просто знают закон, а вот естественного здравого смысла у них нет.

— И вы думаете, что у меня он есть?

Она рассмеялась:

— Я слышала, что в вас есть изюминка, мистер Пуаро.

– *Comment?*[5] Изюминка? Я не понимаю.

— Ну… что вы тот самый.

— Мадам, я могу иметь или не иметь мозги — между прочим, они у меня есть, зачем при-

---

[5] notes: 5
Как-как? (*фр.*)

творяться? Но ваше маленькое дельце — это не мой *genre*[6].

— Не понимаю, почему бы не взяться. Ведь это проблема.

— О! Проблема!

— Причем сложная, — продолжала Джейн Уилкинсон. — Признаюсь, я считала вас человеком, который не робеет перед трудностями.

— Я отдаю должное вашей проницательности, мадам. И все же повторюсь: я не делаю расследования для разводов. Это совсем не… *ce métier là*[7].

— Послушайте, дорогуша, я не прошу вас шпионить. Это все равно ничего не дало бы. Мне просто нужно избавиться от мужа, и, я уверена, вы можете рассказать мне, как это сделать.

Пуаро помолчал, а когда заговорил, в его голосе появились новые интонации:

— Первым делом объясните мне, мадам, почему вам так не терпится, так сказать, избавиться от лорда Эджвера?

Джейн ответила быстро и без колебаний. Ее слова прозвучали твердо и решительно:

— Да без проблем. Я хочу снова выйти замуж. А

---

[6] notes: 6
Жанр, стиль (*фр.*).

[7] notes: 7
Не мое ремесло (*фр.*).

какая еще может быть причина? — Она с невинным видом распахнула свои голубые глаза.

— А разве получить развод не проще?

— Вы не знаете моего мужа, месье Пуаро. Он… он… — Актриса поежилась. — Даже не представляю, как это объяснить. Он чудной… он не такой, как другие. — Помолчав, она продолжила: — Ему не следовало жениться — ни на ком. Я знаю, о чем говорю. Просто я не могу описать его, он… чудной. Первая жена сбежала от него. И оставила трехмесячного ребенка. Он так и не развелся с ней, и она умерла в нищете где-то за границей. Потом он женился на мне. В общем… я не смогла этого вынести. Я была напугана. Я уехала от него в Штаты. У меня нет оснований для развода, а если я дам их ему, то он просто не придаст им значения. Он… он своего рода фанатик.

— Вы, мадам, могли бы получить развод в некоторых американских штатах.

— Мне от этого никакой пользы, раз я собираюсь жить в Англии.

— Вы хотите жить в Англии?

— Да.

— А кто тот человек, за которого вы хотите выйти замуж?

— В том-то и дело. Герцог Мертон.

Я довольно громко охнул. Герцог Мертон давно стал бедствием для одержимых матримониальными планами мамаш. Молодой человек со склонностью к монашескому образу жизни, ярый англокатолик, он, как утверждали, находился под тяжелым каблуком у своей матери, грозной вдовствующей герцогини, державшей его в крайней строгости. Герцог собирал китайский фарфор и обладал, как считалось, эстетическим вкусом. Предполагали, что он совсем не интересуется женщинами.

— Я просто без ума от него, — с жаром произнесла Джейн. — Он ни на кого не похож, я таких не встречала, а его резиденция, Мертон-Касл, слишком прекрасна. Все, что связано с ним, для меня окружено ореолом романтики. К тому же он еще и красив… как король монахов из грез. — Она замолчала. — Я собираюсь бросить сцену после того, как выйду замуж. Мне она больше не интересна.

— И на пути к этим романтическим грезам, — сухо произнес Пуаро, — стоит лорд Эджвер.

— Да… и это крайне удручает меня. — Она в задумчивости откинулась на спинку. — Конечно, если б мы были в каком-нибудь Чикаго, я запросто устроила бы так, чтобы его кокнули, но здесь

найти человека с оружием не так-то просто.

— Здесь, — с улыбкой сказал Пуаро, — мы считаем, что любой человек имеет право на жизнь.

— Ну, не знаю… Думаю, вы вполне обошлись бы без некоторых из ваших политиков, а если б знали об Эджвере то, что знаю я, он не стал бы для вас большой потерей — скорее наоборот.

В дверь постучали, и в номер вошел официант. Джейн Уилкинсон продолжила обсуждение своей проблемы, игнорируя его присутствие.

— Но я, месье Пуаро, не хочу, чтобы вы убили его для меня.

– *Merci*, мадам.

— Я подумала, что вы могли бы как-то по-умному поговорить с ним. Подвести его к идее развода. Уверена, что смогли бы.

— Полагаю, вы переоцениваете мою силу убеждения, мадам.

— Ой! Но вы же наверняка можете что-нибудь придумать! — Джейн подалась вперед, ее голубые глаза снова распахнулись. — Вы же хотите, чтобы я была счастлива, правда? — Ее голос прозвучал мягко, тихо и восхитительно чарующе.

— Я хотел бы, чтобы все были счастливы, — осторожно проговорил Пуаро.

— Да, но я имела в виду не всех. Я имела в виду

себя.

— Осмелюсь заметить, мадам, вы всегда имеете в виду только себя. — Он улыбнулся.

— Вы считаете меня себялюбивой?

— О! Я так не говорил, мадам.

— Ну, а я такая, полагаю. Только, видите ли, я ненавижу быть несчастной. Это даже сказывается на моей игре. И я буду страдать, пока он не согласится на развод… или не умрет. В общем, — задумчиво добавила она, — было бы лучше, если б он умер. В том смысле, что тогда я точно избавилась бы от него. — Посмотрела на Пуаро в поисках сочувствия. — Ведь вы поможете мне, правда, месье Пуаро? — Встала, подхватила белую накидку и устремила на моего друга полный мольбы взгляд. Я услышал голоса в коридоре. Дверь была приоткрыта. — Если вы не… — начала она.

— Если я не, мадам?

Джейн рассмеялась:

— Мне придется вызвать такси, приехать к нему и кокнуть его самой.

Смеясь, она скрылась в соседней комнате именно в тот момент, когда в дверях появился Брайан Мартин с американкой, Карлоттой Адамс, ее спутником и той парой, что ужинала вместе с ним и Джейн Уилкинсон. Пару мне представили

как мистера и миссис Уидберн.

— Приветствую всех! — сказал Брайан. — А где Джейн? Я хочу сообщить ей, что с успехом выполнил ее поручение.

Из спальни тут же появилась Джейн с губной помадой в руках.

— Ты привел ее? Восхитительно. Мисс Адамс, я в восторге от вашего выступления. Я поняла, что должна обязательно познакомиться с вами. Идите ко мне, поговорите со мной, пока я буду поправлять лицо. Я просто ужасно выгляжу.

Карлотта Адамс приняла приглашение. Брайан Мартин плюхнулся в кресло.

— Ну, что, месье Пуаро, — сказал он, — ловко вас взяли в плен? Джейн убедила вас сражаться за ее интересы? Рано или поздно вы все равно сдались бы. Она не знает слова «нет».

— Возможно, она с ним не сталкивалась.

— Очень интересный характер у нашей Джейн, — сказал Брайан Мартин, откинул голову на спинку и лениво выпустил клуб сигаретного дыма в потолок. — Табу для нее — пустой звук. Никаких нравственных устоев. Я не хочу сказать, что она безнравственна — вовсе нет. Правильнее сказать, аморальна, я думаю. В жизни видит только одно — то, что хочет сама

Джейн. — Он рассмеялся. — Подозреваю, она бы охотно кого-нибудь убила — и чувствовала бы себя оскорбленной, если б ее схватили и захотели вздернуть на виселице. Проблема в том, что ее схватили бы. У нее нет мозгов. Ее представление об убийстве — это подъехать на такси, назваться собственным именем и выстрелить.

— Интересно, что заставляет вас так говорить? — пробормотал Пуаро.

— Э?..

— Ведь вы, месье, хорошо ее знаете?

— Я бы сказал, что да. — Мартин снова рассмеялся, и я обратил внимание на то, что его смех полон горечи. — Вы же согласны со мной, не так ли? — обратился он к остальным.

— О, Джейн эгоистка, — сказала миссис Уидберн. — Но актриса должна быть таковой. Ну, если она хочет выразить себя как личность.

Пуаро не участвовал в беседе. Его задумчивый взгляд не отрывался от Брайана Мартина, а на лице появилось очень любопытное выражение, которое я так и не смог понять.

В этот момент из соседней комнаты выплыла Джейн. За ней следовала Карлотта Адамс. Как я понимаю, Джейн уже «поправила лицо» — что бы это ни значило — и была вполне довольна

результатом. На мой же взгляд, оно выглядело таким же, как и раньше, и совсем не нуждалось в улучшениях.

Ужин прошел в веселой атмосфере, однако у меня время от времени появлялось ощущение, что вокруг множество скрытых течений, которые мне так и не удалось ухватить.

Джейн Уилкинсон, по моим наблюдениям, была лишена хитрости и коварства. Эта молодая женщина могла единовременно видеть лишь что-то одно. Она пожелала переговорить с Пуаро, настояла на своем и без промедления добилась желаемого. И теперь пребывала в великолепном настроении. Ее желание заполучить к себе на ужин Карлотту Адамс было, как я понял, простой прихотью. Она пришла в дикий восторг — такой же, в какой пришел бы любой ребенок, — от того, что кто-то ловко притворился ею.

Нет, те течения, что я уловил, не имели никакого отношения к Джейн Уилкинсон. Тогда куда же они стремятся?

Я по очереди изучал гостей. Брайан Мартин? Он держится очень неестественно. Но это, сказал я себе, может быть характерной чертой любой кинозвезды. Преувеличенное самомнение тщеславного человека, который привык играть роль

и легко выходить из нее.

А вот Карлотта Адамс была вполне естественна. Она держалась спокойно, говорила приятным низким голосом. Теперь, когда у меня появилась возможность, я внимательно изучал ее вблизи. Она обладает, решил я, определенным шармом, но это шарм негативного порядка. Он состоит из отсутствия каких-либо резких или пронзительных нот. Она — своего рода персонифицированное мягкое соглашение. Ее внешность напоминает негатив. Темные волосы, бесцветные бледно-голубые глаза, бледное лицо и подвижный чувственный рот. Лицо, которое нравится, но которое не узнаешь, если при следующей встрече Карлотта будет одета, скажем, по-другому.

Создавалось впечатление, что ей приятны комплименты и доброжелательность Джейн. Да и любой было бы приятно на ее месте, подумал я. А потом, именно в этот момент, мне в голову пришла мысль, которая вынудила меня отказаться от этого поспешного вывода.

Карлотта Адамс через стол посмотрела на хозяйку, которая, повернув голову, беседовала с Пуаро. Взгляд девушки был очень внимательным — она словно подводила итог. И вдруг я заметил в ее бледно-голубых глазах явную враждебность.

Возможно, мне это почудилось. А может быть, это была профессиональная ревность. Джейн, как актриса, уже добилась большого успеха; Карлотта же только начала взбираться по лестнице.

Я оглядел остальных троих гостей. Мистер и миссис Уидберн, кто они такие? Он — высокий, с бледным, будто у мертвеца, лицом; она — пухленькая, светленькая, склонная к сентиментальности. Судя по всему, они богаты и помешаны на всем, что имеет отношение к театру. Здесь, за столом, они категорически отказываются говорить на иную тему. Обнаружив, что недавнее пребывание за границей мешало мне следить за последними новостями, миссис Уидберн в конечном итоге повела пухлым плечиком, отвернулась от меня и больше не вспоминала о моем существовании.

Третьим был спутник Карлотты, темноволосый молодой человек с круглым добродушным лицом. С самого начала мне показалось, что он не совсем трезв. После того как он выпил шампанского, это стало совершенно очевидно.

Складывалось впечатление, что молодой человек страдает от глубокой обиды. Первую половину ужина он провел в мрачном молчании. Во второй принялся изливать мне душу, очевидно,

приняв меня за кого-то из своих давних друзей.

— Что я хочу сказать, — заговорил он. — Не так. Нет, старина, не так… — Я не передаю его заплетающийся язык. — Я хочу сказать, — продолжал он. — Вот скажи, если девушка… ну, в смысле… лезет не в свое дело. Сует во все свой нос и все портит. Я же ей ни слова не сказал. Я же понимаю, что нельзя. Она не из таких. Ну, видишь ли… отец пуританин… «Мэйфлауэр»…[8] и все такое. Черт подери — уж больно она прямолинейна. Что я хочу сказать… о чем это я?

— О своей горькой доле, — спокойно сказал я.

— Ну, к черту все это, вот о чем. Проклятье, мне пришлось взять в долг у своего портного ради этой вечеринки. Кстати, очень услужливый парень, мой портной. Я уже много лет должен ему кучу денег. У нас с ним установилась своего рода связь. Ведь крепче уз нет, правда, дружище? Ты и я. Ты и я. Кстати, а ты кто такой, черт побери?

— Меня зовут Гастингс.

— Во дела… Я готов был поклясться, что ты Спенсер Джонс. Эх, милый старина Спенсер Джонс… Встречался с ним в Итоне и Хэрроу, за-

---

[8] notes: 8

«Мэйфлауэр» — название английского судна, на котором пересекли Атлантический океан 102 пилигрима из Старого Света — первые поселенцы Новой Англии.

разился от него лихорадкой. Я что хочу сказать: одно лицо очень похоже на другое — вот я о чем. Если б мы были китаезами, то не различали бы друг друга. — Он грустно покачал головой, затем встрепенулся и отпил шампанского. — Как бы то ни было, я не чертов ниггер.

Это умозаключение, кажется, привело его в такой восторг, что в его следующих замечаниях зазвучала надежда.

— Взгляни на вещи оптимистически, старина, — воззвал он ко мне. — Я что хочу сказать, взгляни на вещи оптимистически. Скоро — когда мне будет семьдесят пять или около этого — я стану богатым. Когда помрет мой дядюшка. Вот тогда я и расплачусь со своим портным.

Эта перспектива вызвала на его лице счастливую улыбку.

Как ни странно, молодой человек не вызывал антипатии. Абсурдно крохотные усики на его круглом лице вызывали ассоциацию с горсткой людей, заблудившихся в пустыне.

Я заметил, что Карлотта Адамс то и дело смотрит на него. После одного такого взгляда она встала и начала прощаться.

— Очень любезно с вашей стороны было прийти сюда, — сказала Джейн. — Я люблю делать

дела под влиянием момента, а вы?

— А я — нет, — сказала мисс Адамс. — Боюсь, я всегда очень тщательно планирую, прежде чем делать что-то. Это избавляет… от беспокойства.

В ее голосе слышалось легкое раздражение.

— Ну, во всяком случае, ваш результат оправдывает себя, — рассмеялась Джейн. — Даже не знаю, когда я получала от чего-то такое же удовольствие, как от вашего представления.

Лицо американки прояснилось.

— Вы очень любезны, — тепло произнесла она. — И я высоко ценю то, что вы сказали мне об этом. Я нуждаюсь в одобрении. Мы все нуждаемся.

— Карлотта, — заговорил молодой человек с черными усиками. — Пожми руку тете Джейн, поблагодари ее за вечер, и пошли.

Он явил чудо концентрации, пройдя в дверь и ничего не задев. Карлотта быстро последовала за ним.

— И кого тут к нам занесло? — сказала Джейн. — Что это за тип, что назвал меня тетей Джейн? Что-то я раньше его не замечала.

— Моя дорогая, — воскликнула миссис Уидберн, — вам вообще не пристало замечать таких. Когда-то он был самым выдающимся актером

в ДООУ[9]. Сейчас и не скажешь, правда? Мне больно видеть, как подающий надежды талант заканчивает ничем. Нам с Чарльзом пора.

Уидберны откланялись, Брайан Мартин ушел вместе с ними.

— Итак, месье Пуаро?

Он улыбнулся Джейн.

– *Eh bien*[10], леди Эджвер?

— Ради всего святого, не называйте меня так. Позвольте мне забыть об этом! А то я решу, что вы самый жестокосердный человек в Европе.

— О нет, о нет, я не жестокосердный.

Кажется, подумал я, Пуаро перебрал шампанского; вероятно, последний бокал был лишним.

— Так вы встретитесь с моим мужем? Заставите его сделать то, чего я хочу?

— Я встречусь с ним, — осторожно пообещал Пуаро.

— А если он откажет вам — а он откажет, — вы придумаете умный план. Говорят, вы, месье Пуаро, умнейший человек в Англии.

— Мадам, когда вы называете меня жестокосердным, вы говорите о Европе. Но для моего ума

---

[9] notes: 9
ДООУ — Драматическое общество Оксфордского университета.

[10] notes: 10
Итак (*фр.*).

вы выделили лишь Англию.

— Ну, если вы так ставите вопрос, то я сказала бы, что во вселенной.

Пуаро поднял руку, останавливая ее.

— Мадам, я ничего не обещаю. Попытаюсь организовать встречу с вашим мужем, но только ради интереса к психологии.

— Психоанализируйте его сколько угодно. Может, это пошло бы ему на пользу… Но вам придется добиться результата — ради меня. Моя любовная история, месье Пуаро, должна иметь романтичное завершение. — Помолчав, она мечтательно добавила: — Только представьте, какой это станет сенсацией.

Глава 3
Человек с золотым зубом

Несколько дней спустя, когда мы сидели за завтраком, Пуаро бросил мне через стол письмо, которое он только что вскрыл и прочитал.

— Ну, *mon ami*, что вы об этом думаете?

Письмо было от лорда Эджвера. Сухим, формальным языком тот назначал встречу на одиннадцать часов утра следующего дня.

Должен признаться, что я был крайне удивлен. Я предполагал, что Пуаро дал свое обещание под влиянием момента, и не догадывался, что он и вправду предпримет определенные меры для его выполнения.

Пуаро, отличавшийся проницательностью, прочитал мои мысли, и его глаза лукаво заблестели.

— Именно так, *mon ami*, дело было не только в шампанском.

— Я ничего и не говорю.

— Э, нет… нет… вы подумали: бедный старикан, поддался атмосфере веселья и наобещал всякого, хотя заниматься этим у него намерения нет. Вы

ошибаетесь, друг мой, обещания Эркюля Пуаро священны. — При последних словах он величественно вскинул голову и расправил плечи.

— Конечно. Конечно. Я знаю, — поспешно проговорил я. — Но я подумал, что, возможно, вы приняли решение под… я бы сказал, под влиянием момента.

— У меня нет привычки принимать решения под «влиянием», как вы, Гастингс, выразились. Лучшее сухое шампанское, самые обольстительные женщины с самыми прекрасными золотистыми волосами — ничто не способно повлиять на решение Эркюля Пуаро. Нет, *mon ami*, мне интересно, вот и всё.

— Вас заинтересовала любовная связь Джейн Уилкинсон?

— Не совсем. Ее любовная связь, как вы это называете, — обычное дело. Следующий шаг в успешной карьере очень красивой женщины. Если б у герцога Мертона не было ни титула, ни богатства, его романтического сходства с мечтательным монахом не хватило бы, чтобы поддерживать интерес нашей дамы. Нет, Гастингс, во всем этом меня интересует психология. Взаимодействие характеров. Я хватаюсь за шанс изучить лорда Эджвера при ближайшем рас-

смотрении.

— Вы не рассчитываете на успешное завершение своей миссии?

– *Pourquoi pas?*[11] У каждого человека есть слабое место. Не воображайте, Гастингс, что если я намерен изучить дело с точки зрения психологии, то не приложу все усилия, чтобы успешно выполнить возложенное на меня поручение. Я всегда радуюсь возможности потренировать свою смекалку.

Я испугался упоминания о серых клеточках и обрадовался, когда Пуаро не затронул эту тему.

— Итак, завтра в одиннадцать мы на Риджент-Гейт? — спросил я.

— Мы? — Мой друг вопросительно изогнул бровь.

— Пуаро! — воскликнул я. — Неужели вы не возьмете меня с собой? Я же всегда сопровождаю вас.

— Если б это было преступление, какое-нибудь таинственное отравление, убийство — о, тогда бы да, ваше сердце радуется от такого. Но здесь простой вопрос социального урегулирования!

— Без разговоров, — твердо заявил я. — Я с

---

[11] notes: 11
Почему бы нет? (*фр.*)

вами.

Пуаро тихо засмеялся, и в этот момент нам доложили, что прибыл один джентльмен. К нашему величайшему изумлению, посетителем оказался Брайан Мартин.

При дневном свете актер выглядел старше. Он оставался красивым, но его красота была своего рода подпорченной. У меня промелькнула мысль, что Мартин, вероятно, принимает наркотики. В нем чувствовалось какое-то нервное напряжение, которое и навело меня на эту мысль.

— Доброе утро, месье Пуаро, — бодро поздоровался он. — Рад видеть, что вы с капитаном Гастингсом завтракаете в разумное время. Полагаю, вы сейчас заняты каким-то делом?

Пуаро дружелюбно улыбнулся ему.

— Нет, — ответил он. — В настоящее время у меня нет никакого мало-мальски важного дела.

— Не поверю. — Брайан рассмеялся. — Никаких вызовов в Скотланд-Ярд? Никаких просьб от королевских особ решить щекотливые вопросы? С трудом верится.

— Вы путаете выдумку с реальностью, друг мой, — весело сказал Пуаро. — Уверяю вас, в настоящий момент у меня нет никакой работы,

хотя я еще и не безработный. *Dieu merci*[12].

— Ну, тогда мне повезло. — Брайан снова рассмеялся. — Надеюсь, вы возьметесь за одно дело для меня.

Пуаро задумчиво оглядел молодого человека.

— У вас для меня есть проблема… так? — сказал он через минуту или две.

— Ну… вроде того. И есть, и нет.

На этот раз его смех прозвучал нервно. Продолжая задумчиво разглядывать его, Пуаро жестом предложил ему сесть. Молодой человек опустился на стул лицом к нам — я сидел сбоку от Пуаро.

— А теперь, — сказал мой друг, — мы готовы выслушать вас.

Кажется, у Брайана Мартина возникли определенные трудности с тем, как начать.

— Проблема в том, что я не могу рассказать все, что хотелось бы. — Он заколебался. — Видите ли, история началась еще в Америке…

— В Америке? И?..

— Сначала мое внимание привлек один инцидент. Я путешествовал поездом и случайно заметил одного типа. Маленького, уродливого, чисто выбритого, в очках и с золотым зубом.

---

[12] notes: 12
Слава богу (*фр.*).

— О, с золотым зубом!

— Именно. В этом-то и суть.

— Я начинаю понимать. Продолжайте.

— В общем, как я сказал, я заметил этого типа. Я, кстати, ехал в Нью-Йорк. Шесть месяцев спустя я оказался в Лос-Анджелесе — и снова увидел того типа. Не знаю почему, но… я заметил его. Пока ничего особенного.

— Продолжайте.

— Еще месяц спустя мне понадобилось поехать в Сиэтл — и представьте, кого я увидел вскоре после того, как прибыл в город? Опять того типа. Только на этот раз он был с бородой.

— Чрезвычайно любопытно.

— Не правда ли? Естественно, в то время я не допускал мысли, что это как-то связано со мной, но когда я снова увидел его в Лос-Анджелесе, уже без бороды, потом в Чикаго, с усами, и в горной деревушке, где он выдавал себя за бродягу, — вот тут я стал задаваться вопросами.

— Понятно.

— Все это показалось мне странным… у меня не вызывало сомнения, что этот тип следует за мной… как бы это сказать… словно тень.

— Очень примечательно.

— Действительно. После того раза я стал про-

верять. Где бы я ни оказывался, рядом всегда появлялась моя тень в различных обличьях. К счастью, его выдавал золотой зуб.

— А, золотой зуб!.. Очень счастливая случайность.

— Именно так.

— Прошу простить меня, месье Мартин, но вы хоть раз заговаривали с ним? Спрашивали о причине столь настойчивого преследования?

— Нет, не спрашивал. — Актер заколебался. — Я подумывал об этом, но каждый раз отказывался от этой идеи. Мне казалось, что нужно просто быть начеку и делать вид, будто ничего не происходит. Я предполагал, что, как только они узнают, что я заметил его, они пустят по моему следу кого-то другого — того, кого я не смогу распознать.

– *En effet*...[13] кого-то без такого заметного золотого зуба.

— Вот именно. Возможно, я ошибался… но тогда я рассудил именно так.

— Месье Мартин, вы только что упомянули «они». Кого вы имели в виду под «они»?

— Это просто фигура речи, для убедительности. Я допускал — не знаю почему, — что за всем этим

---

[13] notes: 13
Действительно (*фр.*).

стоят какие-то смутные «они».

— У вас были основания для такого вывода?

— Никаких.

— Вы хотите сказать, что у вас не было никакого представления о том, кто вас преследует и с какой целью?

— Ни малейшего. Во всяком случае…

– *Continuez*[14], — ободряюще произнес Пуаро.

— И все же одна идея у меня есть, — медленно проговорил Брайан Мартин. — Это всего лишь догадка.

— Иногда догадки бывают удачными, месье.

— Это касается одного инцидента, случившегося в Лондоне около двух лет назад. Инцидент был незначительным, но при этом необъяснимым и памятным. Я часто размышлял над ним. Просто потому, что в то время я не смог найти ему объяснения, сейчас я склонен считать, что то преследование каким-то образом связано с ним — но вот как, я понять не могу.

— Возможно, я смогу.

— Да, но видите ли… — Брайан Мартин пришел в замешательство. — Дело в том, что я не могу рассказать вам всего… сейчас во всяком случае.

---

[14] notes: 14
Продолжайте (*фр.*).

Только через день или два. — Вопросительный взгляд Пуаро побудил его продолжить, поэтому он в отчаянии произнес: — Видите ли… здесь замешана одна девушка.

— А! *Parfaitement!*[15] Англичанка?

— Да. А при чем тут?..

— Все просто. Сейчас вы рассказать не можете, но надеетесь сделать это через день или два. Это означает, что вы хотите получить согласие молодой дамы. Следовательно, она находится в Англии. Еще она наверняка была в Англии в тот период, когда за вами следили, — ведь если б она жила в Америке, вы разыскали бы ее там еще тогда. Следовательно, если последние восемнадцать месяцев она проживает в Англии, она скорее всего, но необязательно, англичанка. Это верная логическая цепочка, да?

— Абсолютно. А теперь скажите мне, месье Пуаро, если она даст свое разрешение, вы займетесь моим делом?

Повисла пауза. Кажется, мой друг мысленно дискутировал с самим собой. Наконец он спросил:

— А зачем вы обратились ко мне, предвари-

---

[15] notes: 15
Превосходно! (*фр.*)

тельно не переговорив с ней?

— Ну, я подумал… — Брайан помолчал. — Я хотел убедить ее… прояснить все… в смысле позволить вам прояснить все. Я имею в виду, что, если вы будете расследовать дело, ничто не станет достоянием гласности, верно?

— Это зависит от многого, — спокойно сказал Пуаро.

— То есть?

— Если есть какая-то связь с преступлением…

— О, тут нет никакого преступления.

— Вы этого не знаете. Связь может быть.

— Но вы же сделаете все возможное ради нее… ради нас?

— О да, естественно. — Помолчав, он спросил: — Скажите, а этот преследователь… эта тень… какого он был возраста?

— О, довольно молодой. Около тридцати.

— А! — воскликнул Пуаро. — Это и вправду примечательно. Да, это делает историю гораздо более интересной.

Я уставился на него. И Брайан Мартин тоже. Уверен, для нас обоих его замечание прозвучало непонятно. Брайан вопросительно посмотрел на меня и изогнул бровь. Я покачал головой.

— Да, — пробормотал Пуаро. — История стано-

вится очень интересной.

— Возможно, он был старше, — с сомнением проговорил Брайан, — но я не уверен.

— Нет-нет, я убежден, что ваше наблюдение, месье Мартин, абсолютно точно. Крайне интересно… чрезвычайно интересно.

Ошарашенный загадочными словами Пуаро, Брайан Мартин не знал, что говорить или делать дальше. Поэтому он резко сменил тему:

— Забавная и удивительная была вчера вечеринка. На свете нет более своевольной женщины, чем Джейн Уилкинсон.

— Она монофокальна, — с улыбкой сказал Пуаро. — Единовременно видит только одно.

— И выходит сухой из воды, — сказал Мартин. — Как только люди терпят это, не знаю!

— Люди многое готовы стерпеть от красивой женщины, друг мой, — лукаво глядя на него, сказал Пуаро. — Если б у нее был поросячий нос, желтоватая кожа, сальные волосы, тогда — увы! — у нее не получалось бы «выходить сухой из воды», как вы выразились.

— Наверное, нет, — согласился Брайан. — Но иногда это приводит меня в бешенство. И в то же время я искренне предан Джейн, хотя, поверьте, изредка мне кажется, что она немного не в себе.

— Как раз напротив. Должен сказать, что действует она вполне здраво.

— Я имел в виду не это. Джейн вполне способна позаботиться о своих интересах; она наделена великолепной деловой проницательностью. Нет, я имею в виду, в моральном плане.

— А, в моральном…

— Она лишена нравственных устоев. Для нее не существует «плохо» и «хорошо».

— Припоминаю, что вы на днях говорили нечто в этом роде.

— Вот мы с вами сейчас говорили о преступлении…

— Да, друг мой. И что?

— Ну, меня не удивило бы, если б Джейн совершила преступление.

— Вы наверняка хорошо ее знаете, — задумчиво проговорил Пуаро. — Вы вместе с ней играли, не так ли?

— Да. Думаю, я вижу ее насквозь, досконально знаю ее. И могу легко представить, как она убивает.

— О, у нее горячий нрав, да?

— Нет, вовсе нет. Она холодна, как огурец. В том смысле, что, если кто-нибудь оказывается у нее на пути, она просто убирает его — не задумыва-

ясь. И ее нельзя осуждать за это — с точки зрения нравственности, я имею в виду. Она считает, что всякий, кто мешает Джейн Уилкинсон, должен быть устранен.

В его последних словах прозвучала горечь — впервые за всю беседу. Мне стало интересно, каким воспоминанием порождена эта горечь.

— Вы думаете, она пошла бы… на убийство? — Пуаро устремил на него внимательный взгляд.

Брайан глубоко вздохнул:

— В глубине души — да. Возможно, рано или поздно вы вспомните мои слова… когда узнаете ее, что ли. Она способна убить с той же легкостью, как выпить утренний чай. Я серьезно, месье Пуаро.

Брайан поднялся.

— Да, — тихо произнес мой друг, — я понимаю, что вы серьезны.

— Я знаю ее, — сказал Брайан Мартин, — знаю досконально.

Нахмурившись, он помолчал немного, а потом совсем другим тоном сказал:

— Что до того дела, о котором мы говорили… Через несколько дней я дам вам знать, месье Пуаро. Ведь вы возьметесь за него, не так ли?

Пуаро несколько мгновений смотрел на него.

— Да, — наконец ответил он. — Я возьмусь за него. Я нахожу его… интересным.

Было нечто странное в том, как он произнес последнее слово.

Я пошел провожать Брайана Мартина. Уже стоя у двери, тот спросил у меня:

— Вы уяснили, что он имел в виду, когда говорил о возрасте того типа? Почему история стала интересной оттого, что ему около тридцати? Я совсем ничего не понял.

— Я понял не больше вашего, — признался я.

— Для меня все это какая-то бессмыслица. Может, он просто шутит со мной?

— Нет, — ответил я. — Пуаро не таков. Уверяю вас, этот аспект важен, раз он так говорит.

— Только я этого не вижу, черт побери. Рад, что я не один — вы ведь тоже не видите. Ужасно противно чувствовать себя полнейшим идиотом.

Он ушел, а я вернулся к своему другу.

— Пуаро, — спросил я, — какое значение имеет возраст преследователя?

— Разве вы не видите? Бедняга Гастингс! — Он улыбнулся и сокрушенно покачал головой. — А что вы вообще думаете о нашей беседе?

— Тут так мало о чем можно судить… Трудно сказать. Если б мы знали больше…

— Даже без знания большего, разве вам, *mon ami*, некоторые идеи не приходят в голову сами собой?

Звонок телефона спас меня от позорного признания в том, что мне в голову не приходят никакие идеи. Я взял трубку.

Зазвучал женский голос, сухой, по-деловому четкий:

— Говорит секретарь лорда Эджвера. Лорд Эджвер сожалеет о том, что вынужден отменить назначенную на завтрашнее утро встречу с месье Пуаро. Завтра у него состоится непредвиденная поездка в Париж. Он мог бы встретиться с месье Пуаро на несколько минут сегодня в двенадцать пятнадцать, если месье Пуаро будет удобно.

Я посоветовался с Пуаро.

— Конечно, друг мой, мы сегодня туда поедем.

Я повторил его слова в трубку.

— Очень хорошо, — ответили мне деловым тоном. — Сегодня в двенадцать пятнадцать.

И она отсоединилась.

Глава 4
Беседа

Предвкушая интересную беседу, я вместе с Пуаро прибыл в дом лорда Эджвера на Риджент-Гейт. Хотя у меня не было присущей Пуаро склонности к «психологии», все же те слова, которыми леди Эджвер описывала мужа, пробудили мое любопытство. Мне не терпелось вынести собственное суждение.

Особняк — добротный, красивый и немного мрачноватый — выглядел импозантно. На окнах не было цветочных ящиков и прочих фривольностей подобного рода.

Нам сразу же открыли дверь, причем открыл ее не пожилой седовласый дворецкий, как можно было бы ожидать, а молодой человек, красивее которого я в жизни не видел. Высокий, светловолосый, он мог бы позировать скульптору для создания Гермеса или Аполлона. Однако, несмотря на красивую и мужественную внешность, в его голосе присутствовала некая женственная мягкость, которая мне совсем не понравилась. А еще, как это ни странно, он кого-то мне напоми-

нал — кого-то, с кем я не так давно встречался. Правда, я так и не вспомнил, кого именно.

Мы попросили проводить нас к лорду Эджверу.

— Сюда, сэр.

Молодой человек повел нас мимо лестницы в конец холла. Там, открыв дверь, он тем же мягким голосом, который на подсознательном уровне вызывал у меня недоверие, объявил о нашем приходе.

Мы оказались в библиотеке. Вдоль стен стояли шкафы, мебель была строгой, темного дерева, но очень красивой. Кресла не отличались изяществом и удобством.

Лорд Эджвер — высокий мужчина лет пятидесяти — поднялся нам навстречу. Его темные волосы были тронуты сединой, на узком лице выделялся изогнутый в презрительной усмешке рот. Выглядел наш хозяин раздраженным и недовольным. Я обратил внимание на странное выражение его глаз. И точно, подумал я, в его глазах есть что-то необычное.

Он держался напряженно и официально.

— Месье Эркюль Пуаро? Капитан Гастингс? Прошу, садитесь.

Мы сели. В комнате было прохладно. Единственное окно пропускало мало света, и царивший

полумрак лишь усиливал ощущение зябкости.

Лорд Эджвер держал в руке письмо, которое, как я увидел, было написано рукой моего друга.

— Естественно, месье Пуаро, мне знакомо ваше имя. А кому нет? — Тот с поклоном принял комплимент. — Но я не совсем понимаю вашу позицию. Вы утверждаете, что хотите видеть меня по поручению… — он сделал паузу, — моей жены.

Последние слова хозяин дома произнес так, будто ему пришлось прилагать усилия, чтобы вытолкнуть их изо рта.

— Именно так, — сказал мой друг.

— Как я понимаю, вы, месье Пуаро, расследуете… преступления?

— Разбираюсь с проблемами, лорд Эджвер. Конечно, есть криминальные проблемы. Есть и другие.

— В самом деле? И какая проблема на этот раз? — В его словах явственно слышался сарказм. Пуаро не обратил на него внимания.

— Я имею честь беседовать с вами от имени леди Эджвер, — ответил он. — Она, как вам известно, желает… развода.

— Мне об этом прекрасно известно, — холодно произнес лорд Эджвер.

— Ее предложение состояло в том, чтобы мы с вами обсудили этот вопрос.

— Тут нечего обсуждать.

— Так вы отказываетесь?

— Отказываюсь? Естественно, нет.

Не знаю, чего ожидал Пуаро, но вот этого он точно не ожидал. Я редко видел своего друга ошарашенным, и сейчас был как раз такой случай. При этом выглядел он чрезвычайно забавно: челюсть отвисла, брови подняты, глаза выпучены. Пуаро напоминал карикатуру в юмористическом журнале.

– *Comment?* — вскричал он. — Как такое может быть? Вы не отказываетесь?

— Я в растерянности, месье Пуаро: я не понимаю причины вашего изумления.

– *Ecoutez*[16], вы действительно желаете развестись со своей женой?

— Естественно, желаю. Она отлично это знает. Я написал ей и подтвердил на словах.

— Написали и подтвердили на словах?

— Да. Полгода назад.

— Но я ничего не понимаю. Я совсем ничего не понимаю.

---

[16] notes: 16
Послушайте (*фр.*).

Лорд Эджвер ничего не сказал.

— Насколько я уяснил, вы принципиально были против развода.

— Мои принципы не должны вас касаться, месье Пуаро. Это правда, что я не развелся со своей первой женой. Совесть не позволила мне сделать это. Мой второй брак — признаю честно — оказался ошибкой. Когда жена предложила развестись, я отказался наотрез. Полгода назад она снова написала мне и настоятельно потребовала развода. Подозреваю, она хотела снова выйти замуж — за какого-то актера кино или еще кого-то. К тому времени мои взгляды претерпели изменения. О чем я и написал ей в своем письме, адресованном в Голливуд. Поэтому мне трудно понять, зачем она направила вас ко мне. Полагаю, тут вопрос денег. — Его губы изогнулись в презрительной ухмылке.

— Очень любопытно, — пробормотал Пуаро. — Очень любопытно. Здесь есть нечто, чего я совсем не понимаю.

— Что касается денег, — продолжал лорд Эджвер, — моя жена ушла от меня по собственному желанию. Если она желает снова выйти замуж, я готов предоставить ей свободу, но не вижу оснований выделять ей какие-то деньги, хоть пенс.

Поэтому она ничего не получит.

— Вопрос о каких-либо финансовых договоренностях не стоит.

Лорд Эджвер изогнул брови.

— Должно быть, Джейн выходит за богатого, — язвительно пробормотал он.

— Однако же есть нечто, чего я не понимаю, — сказал Пуаро. Он задумчиво хмурился, на его лице было озадаченное выражение. — Как я понял со слов леди Эджвер, она многократно обращалась к вам через своих адвокатов. Это так?

— Все верно, — сухо подтвердил лорд Эджвер. — Английских, американских — в общем, через адвокатов разного рода, вплоть до мошенников. В конечном итоге, как я сказал, она сама написала мне.

— До этого вы отказывали ей?

— Да.

— Но по получении ее письма вы передумали. Почему вы изменили свое решение, лорд Эджвер?

— Ничего в письме не имело к этому отношения, — резко заявил он. — Просто мои взгляды изменились, и всё.

— Эта перемена была несколько неожиданной.

Лорд Эджвер промолчал.

— Какие особые обстоятельства вынудили вас изменить мнение?

— А вот это мое дело, месье Пуаро. Я не собираюсь обсуждать эту тему. Скажем, я стал видеть все больше преимуществ в том, чтобы разорвать союз, который — простите меня за прямоту — считал унизительным для себя. Мой второй брак был ошибкой.

— Ваша жена говорит то же самое, — тихо произнес Пуаро.

— Вот как?

В глазах лорда Эджвера на одно короткое мгновение появился странный блеск — и тут же исчез. Он встал, своим видом давая понять, что разговор окончен. Мы начали прощаться, и его манеры утратили изначальную чопорность.

— Вы должны простить меня за то, что я перенес нашу встречу. Завтра утром мне предстоит ехать в Париж.

— Замечательно… замечательно.

— Между прочим, на распродажу произведений искусства. Я приглядел одну маленькую статуэтку — совершенной красоты вещицу… но красоты мрачной. Я люблю все мрачное. Всегда любил. У меня своеобразный вкус.

И опять на его лице появилась эта странная

улыбка. Я оглядел книги, стоявшие в ближайшем ко мне шкафу. Там были мемуары Казановы, сочинение о маркизе де Саде, еще одно о средневековых пытках.

Я вспомнил, как Джейн Уилкинсон ежилась, когда рассказывала о своем муже. То не было игрой. Все ее эмоции были подлинными. И мне стало интересно, что за человек Джордж Альфред Сент-Винсент Марш, четвертый барон Эджвер.

Он учтиво попрощался с нами и позвонил в колокольчик. Мы вышли из комнаты. В холле нас поджидал похожий на греческого бога дворецкий. Закрывая за собой дверь в библиотеку, я напоследок оглянулся. И едва сдержал восклицание.

Лицо лорда Эджвера успело трансформироваться. Учтивая улыбка уступила место оскалу, в глазах загорелся огонь почти безумной ярости.

Теперь мне стало ясно, почему обе жены сбежали от лорда Эджвера. Зато железная выдержка этого человека привела меня в восхищение. Надо же, всю беседу продержать себя в руках, изображая исключительную вежливость!

Когда мы подходили к парадной двери, дверь справа отворилась и на пороге появилась девушка. При виде нас она сделала шаг назад.

Девушка была высокой и стройной, с темными волосами и чистой белой кожей. Взгляд ее темных глаз на мгновение встретился с моим. В следующее мгновение она метнулась обратно в комнату и закрыла за собой дверь.

Вскоре мы уже были на улице. Пуаро поймал такси. Мы забрались на сиденье, и мой друг велел шоферу везти нас к «Савойю».

— Итак, Гастингс, — сказал Пуаро, — эта встреча прошла совсем не так, как я рассчитывал.

— И правда. Удивительный человек этот лорд Эджвер.

Я рассказал, как оглянулся, прежде чем закрыть дверь библиотеки, и что тогда увидел. Пуаро медленно и задумчиво кивнул.

— Думаю, Гастингс, он очень близко подошел к черте, отделяющей его от сумасшествия. Допускаю, он злоупотребляет многими необычными пороками и под маской спокойствия прячет глубоко укоренившуюся жестокость.

— Неудивительно, что обе жены от него сбежали.

— Вы правы.

— Пуаро, а вы заметили девушку, когда мы уходили? Темноволосую и белокожую?

— Да, я заметил ее, *mon ami*. Молодую даму,

которая была чем-то напугана и выглядела несчастной.

— Как вы думаете, кто она?

— Наверное, его дочь. Ведь у него есть дочь.

— Она была так испугана, — медленно проговорил я. — Этот дом слишком мрачен для юной барышни.

— Да, верно… Ну вот, мы и приехали, *mon ami*. Расскажем ее светлости добрую весть.

Джейн была дома, и клерк за стойкой, поговорив с ней по телефону, сообщил нам, что мы можем подняться наверх. Коридорный проводил нас до номера.

Дверь открыла аккуратная женщина средних лет в очках и с тщательно уложенными седыми волосами. Из спальни раздался низкий и хрипловатый голос Джейн:

— Эллис, это месье Пуаро? Попроси его присесть. Сейчас найду какую-нибудь одежонку и через минуту выйду.

В представлении Джейн Уилкинсон «одежонкой» было тончайшее, как паутинка, неглиже, которое больше открывало, чем скрывало.

— Ну? — бодрым шагом проходя в комнату, спросила Джейн.

Пуаро встал и склонился к ее руке.

— Рад сообщить, мадам, что все хорошо.

— Как… что вы имеете в виду?

— Лорд Эджвер полностью согласен на развод.

— Что?

То ли ее изумление было искренним, то ли она действительно была великолепной актрисой.

— Месье Пуаро! У вас все получилось! В одно мгновение! Вы истинный гений! Как, ради всего святого, вам удалось этого добиться?

— Мадам, я не могу принять незаслуженные комплименты. Шесть месяцев назад ваш муж в своем письме снял свои возражения.

— О чем вы говорите? Он мне написал? Куда?

— Как я понял, он писал вам, когда вы были в Голливуде.

— Я не получала никакого письма. Наверное, оно затерялось… Надо же, а я все эти месяцы придумывала, как выкрутиться, строила планы, волновалась и едва не сошла с ума!

— У лорда Эджвера сложилось впечатление, что вы желаете выйти замуж за актера.

— Естественно. Я так ему и сказала. — Джейн улыбнулась и стала похожа на довольного ребенка. Неожиданно ее лицо приняло встревоженное выражение. — Ой, месье Пуаро, вы же не рассказали ему обо мне и герцоге?

— Нет-нет, уверяю вас. Я умею хранить тайны. Ведь этого не надо было делать, верно?

— Видите ли, у него до странности подлая натура. Брак с Мертоном в его глазах выглядел бы как мой шаг вперед — и тогда он обязательно поспешил бы мне нагадить. А с актером все по-другому. Хотя я все равно удивлена. Да, очень. А ты, Эллис, удивлена?

Я уже давно обратил внимание на то, что горничная ходит по комнате и собирает разбросанные повсюду вещи. У меня было стойкое впечатление, что она слушает разговор. Теперь выяснилось, что Эллис пользуется полным доверием Джейн.

— Да, очень, миледи. Его светлость, вероятно, очень сильно изменился с тех пор, — злорадно сказала она.

— Да, вероятно.

— Вы не можете понять его отношение? Оно ставит вас в тупик? — спросил Пуаро.

— О да. Но не надо переживать из-за этого. Какая разница, что заставило его изменить свое мнение, если он его изменил?

— Допускаю, что вам это безразлично, а вот меня это очень интересует, мадам.

Джейн не обратила внимания на его слова.

— Главное — что я свободна… наконец-то.

— Еще нет, мадам.

Она раздраженно посмотрела на него:

— Ну, скоро буду. Это одно и то же.

На лице Пуаро явственно отражалось сомнение.

— Герцог в Париже, — сказала Джейн. — Я должна срочно телеграфировать ему. Моя… его мамаша будет в ярости!

Пуаро поднялся.

— Я рад, мадам, что все обернулось в соответствии с вашим пожеланием.

— До свидания, месье Пуаро, и огромное вам спасибо.

— Я ничего не сделал.

— Как-никак вы принесли мне добрую весть, и я благодарна вам за это. От всей души.

— Вот так-то, — сказал мне Пуаро, когда мы вышли из номера. — Единственная идея — она сама! Ни предположений, ни любопытства по поводу того, что письмо так и не дошло до нее. Обратите внимание, Гастингс, в деловом плане она проницательна сверх меры, а вот интеллекта лишена начисто. Что ж, добрый боженька не способен одаривать всем.

— Вы, Пуаро, исключение, — сухо произнес я.

— Вы смеетесь надо мной, друг мой, — безмятежно проговорил он. — Пойдемте, я хочу прогуляться по набережной. Мне нужно навести порядок в мыслях и систематизировать их.

Я терпеливо хранил молчание, пока оракул не счел нужным заговорить.

— Письмо, — резюмировал он, неторопливо вышагивая вдоль реки. — Оно заинтриговало меня. У проблемы, друг мой, есть четыре решения.

— Четыре?

— Да. Первое: оно затерялось на почте. Такое бывает, знаете ли. Но нечасто. Да, нечасто. Если бы был некорректный адрес, оно уже давно вернулось бы к лорду Эджверу… Нет, я склонен отбросить это решение — хотя, конечно, оно может быть правильным.

Решение второе: наша очаровательная дама *лжет*, утверждая, что не получала его. Это, конечно, вполне возможно. Наша красавица способна с непосредственностью ребенка произнести любую ложь, если ей так выгодно. Однако я, Гастингс, не вижу, в чем тут ее выгода. Если она знает, что он разведется с ней, зачем ей было посылать меня к нему? Тут нет логики.

Решение третье: *лжет* лорд Эджвер. Если кто-то и *лжет*, то, мне кажется, скорее он, чем его

жена. Однако я не вижу для него смысла лгать. Зачем придумывать несуществующее письмо, отправленное полгода назад? Почему просто не согласиться на мое предложение? Нет, я склонен думать, что письмо он все же отправил, — хотя что побудило его так неожиданно изменить свое мнение, понять не могу.

Итак, мы подошли к четвертому решению — что кто-то перехватил письмо. И тут, Гастингс, мы ступаем в очень интересную сферу предположений, потому что письмо могли перехватить на обоих концах — в Америке и в Англии. И тот, кто перехватил его, не хотел, чтобы брак распался. Я бы многое отдал, чтобы узнать, что за всем этим стоит. А что-то действительно есть — клянусь вам, Гастингс. — Помолчав, Пуаро медленно добавил: — Нечто такое, на что мне удалось взглянуть только одним глазком.

Глава 5
Убийство

На следующий день было тридцатое июня.

В половину десятого нам доложили, что нас настоятельно желает видеть инспектор Джепп из Скотланд-Ярда. Прошло уже несколько лет с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз[17].

– *Ah, ce bon Japp*[18], — сказал Пуаро. — Интересно, что ему понадобилось?

— Помощь, — хмыкнул я. — Ему оказалось не по плечу какое-то дело, и он пришел к вам.

Я в отличие от Пуаро относился к Джеппу без всякой снисходительности. И вовсе не потому, что тот эксплуатировал мозги Пуаро — как-никак моему другу это льстило, и работать головой ему нравилось. Меня раздражало лицемерие Джеппа, который делал вид, будто он не пользуется результатами чужого умственного труда. Мне в людях всегда импонировала открытость. Я так и сказал, и Пуаро рассмеялся.

---

[17] notes: 17
Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Загадка Эндхауза».

[18] notes: 18
А, этот славный Джепп (*фр.*).

— Гастингс, вы ведь истинный англичанин! Но почему-то забываете, что бедняге Джеппу нужно сохранить лицо. Поэтому-то он и устраивает этот маленький спектакль. Это же естественно.

Я считал, что это глупо, и сказал об этом. Пуаро не согласился.

— Внешняя форма — это *bagatelle*[19], но он очень много значит для людей. Внешняя форма помогает им сохранять *amour propre*[20].

Лично я считал, что Джеппу не повредило бы хоть раз испытать комплекс неполноценности, однако смысла спорить об этом не видел. Кроме того, мне не терпелось узнать, зачем приехал инспектор.

Он сердечно поприветствовал нас обоих.

— Как я вижу, вы собираетесь завтракать. Ну что, *мусье* Пуаро, еще не завели кур, которые несли бы для вас квадратные яйца?

Это был намек на давнюю историю, когда мой друг выразил свое недовольство разными размерами яиц и заявил, что тем самым они оскорбляют его чувство соразмерности.

— Пока нет, — улыбнулся Пуаро. — А что при-

---

[19] notes: 19
Пустяк (*фр.*).

[20] notes: 20
Самолюбие (*фр.*).

вело вас к нам в такой ранний час, мой добрый Джепп?

— Час не ранний — для меня, во всяком случае. Я уже два часа на ногах и по горло завален работой. А привело меня к вам убийство.

— Убийство?

Инспектор кивнул:

— Прошлым вечером в своем доме на Риджент-Гейт был убит лорд Эджвер. Его женой. Заколот ножом в шею.

— Его женой? — воскликнул я.

Я тут же вспомнил те слова, что вчера утром сказал Брайан Мартин. Неужели он предвидел, *что* должно случиться? Еще я вспомнил, с какой легкостью Джейн рассуждала о том, чтобы «кокнуть» мужа. Аморальная — вот как назвал ее Брайан Мартин. И ведь она действительно такая. Бессердечная, эгоистичная и глупая. Как же прав он был в своем суждении!

Все эти мысли крутились у меня в голове, а Джепп тем временем продолжал:

— Да. Ну, вы знаете, она актриса. Известная. Джейн Уилкинсон. Вышла за него три года назад. Что-то у них там не заладилось. Она ушла от него.

Вид у Пуаро был озадаченный.

— А что заставило вас предположить, что это она убила его?

— Тут нет никаких предположений. Ее опознали. Да она особо и не скрывалась. Подъехала на такси…

— На такси… — эхом повторил я и сразу вспомнил, что она говорила в «Савойе».

— …позвонила в звонок, сказала, что хочет видеть лорда Эджвера. Было десять вечера. Дворецкий сказал, что узнает у хозяина. «В этом нет надобности, — холодно заявила она. — Я — леди Эджвер. Думаю, он в библиотеке». Прошла в дом, открыла дверь, зашла внутрь и захлопнула дверь за собой. Дворецкому это показалось странным, но он отмахнулся и ушел к себе. Минут через десять услышал, как хлопнула парадная дверь. Так что пробыла она там недолго. Дворецкий запер дом на ночь около одиннадцати. Заглянул в библиотеку, но там было темно, и он решил, что хозяин ушел спать. На следующее утро тело обнаружила горничная. Удар был нанесен в заднюю часть шеи, чуть ниже линии волос.

— И никто не слышал никаких криков?

— Говорят, что нет. В библиотеке, знаете ли, звуконепроницаемые двери. А на улице шум от движения. При таком ударе смерть наступает

почти сразу. Лезвие прошло через какую-то там цистерну в продолговатый мозг, как говорит врач, — или что-то в таком роде. Если нанести удар в нужное место, убить человека можно мгновенно.

— Это предполагает знание того, куда бить. А это уже практически медицина.

— Да… верно. Довод в ее пользу. Но десять к одному, что все получилось случайно. Ей просто повезло. Некоторым людям, знаете ли, сопутствует удивительная удача.

— Какое же тут везение, *mon ami*, если в результате ей грозит виселица, — заметил Пуаро.

— Это верно. Она повела себя глупо — приехала на такси, назвала свое имя, ну и все такое прочее.

— Действительно, очень любопытно.

— Возможно, она не намеревалась убивать. Они поссорились, и она схватила перочинный ножик и ударила его.

— Так это был перочинный ножик?

— Что-то в этом роде, как говорят врачи. Что бы это ни было, она унесла его с собой. В ране он не остался.

Пуаро недовольно покачал головой:

— Нет-нет, друг мой, все было не так. Я знаю эту

даму. Она не способна на вспыльчивость, на импульсивные действия. Кроме того, маловероятно, чтобы у нее с собой был перочинный ножик. Некоторые женщины носят с собой такие ножи, но только не Джейн Уилкинсон.

— Так вы, *мусье* Пуаро, говорите, что знаете ее?

— Да. Я ее знаю.

Дальше он ничего не сказал. Джепп устремил на него вопросительный взгляд. Наконец он не вытерпел:

– *Мусье* Пуаро, у вас туз в рукаве?

— О! — произнес тот. — Вы как раз напомнили… Что привело вас ко мне? А? Ведь не желание провести день в обществе старого друга? Наверняка нет. У вас есть ничем не прикрытое убийство. У вас есть преступник. У вас есть мотив… кстати, а каков мотив?

— Хотела выйти за другого. Кто-то слышал, как она рассказывала об этом меньше недели назад. Еще слышали, как она угрожала. Говорила, что подъедет на такси и кокнет его.

— А! — сказал Пуаро. — Вы очень-очень хорошо осведомлены… очень осведомлены. Некто оказал вам большую услугу.

Мне показалось, что в глазах инспектора появился вопрос, но, если и так, Джепп промолчал.

— Мы многое слышим, *мусье* Пуаро, — невозмутимо произнес он.

Мой друг кивнул и потянулся к открытой утренней газете. Ее читал Джепп, пока ждал нас, а потом отложил в сторону, когда вошел в комнату. Пуаро машинально закрыл ее, сложил и разгладил. Его взгляд был прикован к газете, но мозг его трудился над решением какой-то загадки.

— Вы так и не ответили, — наконец сказал он. — Раз все так гладко, зачем вы пришли ко мне?

— Я слышал, что вчера утром вы были на Риджент-Гейт.

— Ясно.

— И, только узнав об этом, я сказал себе: «Тут что-то есть». Его светлость послал за *мусье* Пуаро. Зачем? Что он заподозрил? Чего боялся? И я решил: прежде чем предпринимать конкретные действия, надо бы пойти к нему и поговорить.

— Что вы имеете в виду под «конкретными действиями»? Арест дамы, как я понимаю?

— Именно.

— Вы еще с ней не виделись?

— О, виделся. Первым делом поехал в «Савой». Не хотел рисковать — а вдруг она сбежала бы…

— А! — сказал Пуаро. — Так вы… — Он замолчал. До этого мгновения его невидящий взгляд

был устремлен на лежавшую перед ним газету, но тут он поднял голову и заговорил совсем другим тоном: — И что же она сказала? А, друг мой? Что она сказала?

— Я, естественно, выдал ей обычный набор насчет желания сделать заявление и предостерег ее… вы не можете утверждать, что английская полиция несправедлива.

— На мой взгляд, она именно такова, причем до глупости. Но продолжайте. Что сказала миледи?

— Впала в истерику… вот что она устроила. Хохотала до упаду, заламывала руки, а в конечном итоге повалилась на пол. О, она великолепно сыграла — отдаю ей должное. Мастерская игра.

— А! — бесстрастно произнес Пуаро. — Значит, у вас сложилось впечатление, что ее истерика была фальшивой?

Джепп по-свойски подмигнул:

— А вы что думаете? Меня такими трюками не проведешь. Она не падала в обморок — нет! А вот пыталась, это точно. Клянусь, она играла с удовольствием.

— Да, — задумчиво сказал Пуаро. — Должен признаться, это было вполне возможно. Что дальше?

— Эх, в общем, она пришла в себя… в смысле

сделала вид. И застонала… она стонала и стонала, а ее горничная с кислой физиономией хлопотала вокруг нее с нюхательной солью, пока хозяйка не пришла в себя настолько, чтобы вызвать адвоката. Она вообще отказалась говорить без адвоката. То у нее истерика, то она требует адвоката — и я вас спрашиваю, сэр, разве это естественное поведение?

— В данном случае — вполне естественное, я бы сказал, — спокойно ответил Пуаро.

— Вы хотите сказать, что это потому, что она виновна и знает это?

— Вовсе нет, я хочу сказать, что это из-за ее темперамента. Сначала она выдает вам свое понимание того, как надо играть роль жены, которая неожиданно узнает о смерти мужа. Затем, после того как удовлетворила свой актерский инстинкт, данная ей природой дальновидность вынуждает ее послать за адвокатом. То, что она искусственно создает роли и с удовольствием играет их, не является доказательством ее вины. Это указывает исключительно на то, что она прирожденная актриса.

— Ну, я не допускаю мысли, что она невиновна. Такое точно невозможно.

— Вы очень самоуверенны, — сказал Пуаро. — Я

предполагаю обратное. Вы говорите, она не делала заявлений? Никаких?

Джепп усмехнулся:

— Сказала, что без адвоката не произнесет ни слова. Горничная телефонировала ему. Я оставил там двоих из моих людей и поехал к вам. Хотел поучиться у вас уму-разуму и понять, что происходит, прежде чем продолжать.

— И все же вы абсолютно уверены?

— Естественно, я уверен. Но хотел бы иметь как можно больше фактов. Видите ли, это убийство наделает много шуму. Провести расследование тайком не удастся. Газеты просто вцепятся в него. А вы знаете, что такое газеты.

— Кстати, о газетах, — сказал Пуаро. — Как объясните вот это, друг мой? Вы не очень внимательно читали утреннюю прессу.

Его палец уперся в раздел светских новостей. Джепп принялся читать вслух:

— «Званый ужин, устроенный сэром Монтегю Корнером вчера вечером в его доме на реке в Чизике, имел огромный успех. Среди гостей были сэр Джордж и леди дю Фисс, мистер Джеймс Блант, известный театральный критик, сэр Оскар Хаммерфелдт из киностудии «Овертон», мисс Джейн Уилкинсон (леди Эджвер) и другие».

Джепп явно был ошарашен. Но через мгновение он оправился:

— А при чем тут это? Эту штуку отправили в газету заранее. Вот увидите. Вы увидите, что нашей дамочки там не было или что она приехала с опозданием — часов в одиннадцать или около того. Господь с вами, сэр, не надо верить всем сплетням, что появляются в газетах. Уж вам это известно лучше других.

— О! Это да. Просто данная новость показалась мне любопытной, вот и всё.

— Совпадения случаются. *Мусье* Пуаро, я по горькому опыту знаю, что вы закрыты, как устрица. Но, может, все же снабдите меня кое-какими сведениями, а? Расскажете, зачем лорд Эджвер посылал за вами?

Пуаро покачал головой.

— Лорд Эджвер не посылал за мной. Это я попросил его о встрече.

— Серьезно? А по какой причине?

Мой друг с минуту колебался.

— Я отвечу на ваш вопрос, — медленно проговорил он. — Но отвечу на него по-своему.

Джепп застонал. Мне даже стало жалко его. Временами Пуаро может страшно раздражать.

— Я попрошу, — продолжал тот, — чтобы вы да-

ли мне разрешение позвонить одному человеку и пригласить его сюда.

— Какому человеку?

— Брайану Мартину.

— Кинозвезде? А он тут при чем?

— Думаю, — сказал Пуаро, — что он сможет рассказать вам много интересного — и полезного. Гастингс, сделайте одолжение!

Я взял телефонную книгу. Актер жил в квартире в жилом комплексе недалеко от Сент-Джеймс-парка.

— Виктория сорок девять, четыре, девять, девять.

Через несколько минут раздался немного сонный голос Брайана Мартина:

— Алло! Кто говорит?

— Что мне сказать? — прошептал я, прикрыв ладонью микрофон.

— Скажите ему, — ответил Пуаро, — что лорд Эджвер убит и что он окажет мне огромную услугу, если немедленно приедет сюда.

Я повторил все слово в слово. На том конце я услышал изумленный возглас.

— Господи, — произнес Мартин. — Все-таки она это сделала!.. Я скоро буду у вас.

— Что он сказал? — спросил Пуаро. Я переска-

зал. — А! — Кажется, он был доволен. — «Все-таки она это сделала…» Он именно так сказал? Все, как я и думал, как я и думал.

Джепп с любопытством уставился на него.

— Никак не пойму вас, *мусье* Пуаро. Сначала вы даете мне понять, будто считаете, что женщина этого не делала. А сейчас говорите, будто с самого начала все знали…

Пуаро лишь улыбнулся.

Глава 6
Вдова

Брайан Мартин оказался верен своему слову. Он присоединился к нам менее чем через десять минут. Пока мы его ждали, Пуаро говорил только на посторонние темы и отказывался удовлетворить любопытство Джеппа.

Нам стало очевидно, что новость страшно расстроила молодого актера. Он осунулся и был очень бледен.

— Господи, месье Пуаро, — произнес он, пожимая руки, — какой ужас. Я потрясен… но не удивлен. Я всегда подозревал, что может случиться нечто подобное. Вы же помните, я только вчера об этом говорил.

– *Mais oui, mais oui*[21], — сказал мой друг. — Я отлично помню, что вы мне вчера говорили. Позвольте представить вам инспектора Джеппа, который расследует это дело.

Брайан Мартин с укоризной посмотрел на Пуаро.

---

[21] notes: 21
Ну да, ну да (*фр.*).

— А я не знал, — пробормотал он. — Что же вы не предупредили! — Холодно кивнул инспектору и сел. — Не понимаю, зачем вы попросили меня прийти. Все это не имеет ко мне отношения.

— Я думаю, имеет, — мягко произнес Пуаро. — В случае убийства следует отбрасывать в сторону свое личное отвращение.

— Нет-нет. Я играл с Джейн. Я хорошо ее знаю. К черту все, она мой друг.

— Однако едва вы услышали о том, что лорд Эджвер убит, вы тут же сделали вывод, что именно она убила его, — сухо заметил Пуаро.

Актер вздрогнул.

— Вы хотите сказать?.. — У него глаза едва не вылезали на лоб. — Вы хотите сказать, что я ошибаюсь? Что она не имеет к убийству отношения?

В разговор вмешался Джепп:

— Нет, мистер Мартин. Это она убила его, точно.

Актер расслабленно откинулся на спинку стула.

— На какое-то короткое мгновение мне показалось, — пробормотал он, — что я совершил ужасающую ошибку.

— В данном случае вы не должны допускать, чтобы на вас влияла дружба, — решительно про-

изнес Пуаро.

— Все это замечательно, но…

— Друг мой, вы серьезно хотите принять сторону женщины, которая совершила убийство? Ведь убийство — это самое отвратительное из человеческих преступлений.

Брайан Мартин вздохнул:

— Вы не понимаете, Джейн не обычная убийца. Она… она не чувствует разницы между плохим и хорошим. Если честно, то она не несет никакой ответственности.

— А вот это уже будут решать присяжные, — сказал Джепп.

— Ладно вам, — дружелюбно произнес Пуаро. — Вы же не обвиняете ее. Ее уже без вас обвинили. Однако вы не можете отказать нам в том, чтобы рассказать все, что вам известно. Это ваш долг перед обществом, молодой человек.

— Наверное, вы правы, — сказал Брайан Мартин. — Что вы хотите от меня услышать?

Пуаро перевел взгляд на Джеппа.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы леди Эджвер — я предпочел бы назвать ее мисс Уилкинсон — произносила угрозы в адрес своего мужа? — спросил инспектор.

— Да, несколько раз.

— Что она говорила?

— Она говорила, что, если тот не даст ей свободу, она «кокнет» его.

— И это не было шуткой, да?

— Да. Я думал, Джейн говорила серьезно. Однажды она сказала, что возьмет такси, приедет к нему и убьет его. Вы ведь тоже слышали это, месье Пуаро? — с жалостным видом обратился актер к моему другу.

Тот кивнул.

Джепп продолжил задавать вопросы:

— Мистер Мартин, нам известно, что она хотела получить свободу, чтобы выйти замуж за другого. Вы знаете, за кого именно? — Брайан кивнул. — И кто же это?

— Это… герцог Мертон.

— Герцог Мертон! Надо же! — Инспектор присвистнул. — Высоко замахнулась, а? Говорят, он один из богатейших людей Англии.

Брайан уныло кивнул.

Я никак не мог понять отношения Пуаро. Он сидел в своем кресле, откинувшись на спинку и сложив вместе пальцы, и ритмично кивал. Всем своим видом он напоминал человека, который поставил на граммофон выбранную запись и теперь с наслаждением слушает.

— А муж соглашался на развод?

— Нет, он категорически отказывался.

— Вы знаете это наверняка?

— Да.

— А теперь, мой добрый Джепп, — сказал Пуаро, внезапно решив вмешаться в беседу, — я объясню, как оказался сам замешан в этом деле. Леди Эджвер попросила меня встретиться с ее мужем и уговорить его дать согласие на развод. Встреча была назначена на сегодняшнее утро.

Брайан Мартин замотал головой.

— Вы все равно ничего не добились бы, — уверенно заявил он. — Эджвер никогда не согласился бы.

— Вы так думаете? — спросил Пуаро, благожелательно глядя на него.

— Я уверен в этом. Джейн и сама знала это в глубине души. Она сомневалась, что у вас что-нибудь получится, и уже оставила надежду. У этого человека мономания на предмет развода.

Пуаро улыбнулся. Цвет его зеленых глаз вдруг стал ярче.

— Вы ошибаетесь, мой дорогой молодой человек, — ласково сказал он. — Вчера я виделся с лордом Эджвером, и он согласился на развод.

Эта новость, совершенно очевидно, поразила

Брайана Мартина настолько, что он лишился дара речи и уставился на Пуаро. Затем, запинаясь, произнес:

— Вы… вы вчера с ним виделись?

— В двенадцать с четвертью, — ответил мой друг, в своей обычной манере точно называя время.

— И он согласился на развод?

— Он согласился на развод.

— Почему вы сразу не сообщили об этом Джейн? — с упреком воскликнул актер.

— Я сообщил, мистер Мартин.

— Сообщили? — хором вскричали оба, Мартин и Джепп.

Пуаро улыбнулся.

— И это портит мотив, не так ли? — сказал он. — А теперь, месье Мартин, позвольте обратить ваше внимание вот на это.

Он показал актеру заметку в газете. Брайан прочитал ее без особого интереса.

— Вы хотите сказать, что это дает ей алиби? — спросил он. — Полагаю, Эджвера застрелили вчера вечером?

— Его ударили ножом, а не застрелили, — уточнил Пуаро.

Мартин медленно отложил газету.

— Боюсь, от этого нет никакой пользы, — с сожалением произнес он. — Джейн не поехала на этот ужин.

— Откуда вы знаете?

— Кто-то мне сказал, я уже не помню.

— Какая жалость, — задумчиво проговорил Пуаро.

Джепп вопросительно посмотрел на него:

— Никак не поймешь вас, *мусье*. Теперь мне кажется, что вам совсем не хочется, чтобы эта дамочка оказалась виновной…

— Нет-нет, мой добрый Джепп. Не считайте меня ее приверженцем. Тут иное. Признаюсь честно, то, как вы преподносите это дело, порождает возмущение ума.

— В каком смысле возмущение ума? Мой ум оно не возмущает.

Я видел, как у Пуаро задрожали губы: слова так и рвались у него с языка, но он сдержался:

— Перед нами молодая женщина, которая желает, как вы утверждаете, избавиться от своего мужа. По поводу этого я спорить не буду. Она сама мне об этом говорила. *Eh bien*, как она собирается это сделать? Она несколько раз ясно и четко, вслух, при свидетелях повторяет, что подумывает о том, чтобы убить его. Затем в один из вечеров

приезжает к нему домой, называет себя, закалывает его ножом и уходит. Как вы назовете все это, друг мой? В этих действиях есть хоть капля здравого смысла?

— Глупо, конечно, все это выглядит…

— Глупо? Да это полное безумие!

— Ну, — сказал Джепп, вставая, — полиции только польза от того, что преступники сходят с ума. Я должен ехать в «Савой».

— Вы разрешите мне сопровождать вас?

Джепп не возражал, и мы отправились в путь. Брайан Мартин с видимой неохотой покинул нас. Кажется, им владело сильное нервное возбуждение. Прежде чем уйти, он горячо попросил, чтобы ему сообщали обо всех обстоятельствах, касающихся расследования этого дела.

— Какой-то нервный тип, — прокомментировал Джепп.

Пуаро согласился.

В «Савойе» мы встретились с только что прибывшим в гостиницу солидным джентльменом и все вместе направились в номер Джейн.

— Есть что? — осведомился Джепп у одного из своих сотрудников.

— Она захотела воспользоваться телефоном.

— Кому она звонила? — встрепенулся инспек-

тор.

— В контору Джея. По поводу похорон.

Джепп еле слышно чертыхнулся. Мы вошли в номер.

Овдовевшая леди Эджвер примеряла шляпки перед зеркалом. Она была одета в нечто тонкое и полупрозрачное черно-белого цвета и приветствовала нас чарующей улыбкой.

— Ах, месье Пуаро, как мило, что вы пришли. Мистер Моксон, — обратилась она к солидному джентльмену (он оказался адвокатом), — рада видеть вас. Присаживайтесь вот сюда, рядом со мной, и рассказывайте, на какие вопросы мне надо отвечать. Кажется, этот человек думает, что я сегодня приехала к Джорджу и убила его.

— Вчера вечером, мадам, — уточнил Джепп.

— Вы говорили, что сегодня утром. В десять.

— Я сказал в десять пополудни.

— Ой, я всегда путаю — пополудни, пополуночи…

— Сейчас как раз около десяти часов, — суровым тоном добавил инспектор.

Глаза Джейн широко распахнулись.

— Мерси, — пробормотала она. — Я уже давно не просыпалась так рано. Вероятно, когда вы пришли, был ранний рассвет.

— Один момент, инспектор, — весомо произнес мистер Моксон своим официальным голосом. — Я желал бы понять, когда произошло это… прискорбное… шокирующее… событие.

— Вчера вечером, около десяти часов, сэр.

— О, ну тогда всё в порядке, — уверенно сказала Джейн. — Я была на приеме. Ой! — Она внезапно прикрыла рукой рот. — Наверное, мне не следовало говорить об этом. — И устремила робкий взгляд на адвоката.

— Если вы, леди Эджвер, вчера вечером в десять часов были… э-э… на приеме, я… э-э… не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вы проинформировали инспектора об этом факте… никаких препятствий.

— Ясно, — сказал Джепп. — Я всего лишь попросил вас сообщить о ваших передвижениях вчера вечером.

— Вы не просили. Вы сказали: в десять «по чему-то». И вообще, вы страшно шокировали меня. Я буквально упала замертво, мистер Моксон.

— Леди Эджвер, а что насчет приема?

— Его устраивал сэр Монтегю Корнер. В Чизике.

— В котором часу вы отправились туда?

— Ужин был назначен на половину девятого.

— А отсюда вы выехали… когда?

— Я тронулась в путь примерно в восемь. На минутку заехала в «Пикадилли-пэлес», чтобы попрощаться с одной знакомой американкой, которая уезжала в Штаты, — это миссис ван Дузен. В Чизике я была без четверти девять.

— В котором часу вы оттуда уехали?

— Примерно в половине двенадцатого.

— Вы поехали прямо сюда?

— Да.

— На такси?

— Нет. На собственной машине. Я арендую ее у «Даймлера».

— Во время приема вы никуда не отлучались?

— Ну… я…

— Значит, отлучались? — Джепп напомнил терьера, почуявшего крысу.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Когда мы сидели за столом, меня позвали к телефону.

— Кто вам звонил?

— Думаю, это был какой-то розыгрыш. Голос в трубке спросил: «Это леди Эджвер?» Я ответила: «Да, все верно», — они расхохотались и отключились.

— Вы выходили из дома, чтобы поговорить по телефону?

Во взгляде Джейн было искреннее недоумение.

— Естественно, нет.

— Как долго вы отсутствовали за столом?

— С полторы минуты.

После этого Джепп сдался. Я был абсолютно убежден в том, что он не поверил ни единому слову, однако, прежде чем что-либо предпринимать, ему надо было опровергнуть или подтвердить ее историю. Холодно поблагодарив Джейн, инспектор удалился.

Мы тоже собрались уходить, но Джейн остановила Пуаро:

— Месье Пуаро, вы могли бы кое-что для меня сделать?

— Конечно, мадам.

— Телеграфируйте от моего имени герцогу в Париж. Он в «Крийоне». Нужно сообщить ему о случившемся. Я не хочу делать это сама. Боюсь, мне придется неделю или две изображать из себя безутешную вдову.

— Телеграфировать надобности нет, мадам, — сказал Пуаро. — Завтра об этом будут кричать все газеты.

— Вы просто кладезь мудрости! Вы абсолютно правы. Лучше не телеграфировать. Я чувствую, что теперь, когда все разъяснилось, нужно твер-

до следовать правилам. Я хочу держаться, как положено вдове. С достоинством, понимаете ли. Я подумывала о том, чтобы послать букет из орхидей. Они самые дорогие. Вероятно, мне придется пойти на похороны. Что вы думаете?

— Сначала вам, мадам, придется пройти через дознание.

— А что, наверное, это так. — Она ненадолго задумалась. — Не понравился мне этот инспектор из Скотланд-Ярда. Напугал меня до смерти… Месье Пуаро!

— Да?

— Похоже, мне повезло, что я передумала и все же поехала на прием.

Мой друг уже шел к двери, однако при этих словах он развернулся:

— О чем вы говорите, мадам? Вы передумали?

— Да. Я не собиралась никуда ехать. Вчера днем у меня дико разболелась голова.

Пуаро судорожно сглотнул. Кажется, к нему не сразу вернулся дар речи.

— Вы… вы кому-нибудь говорили об этом? — наконец спросил он.

— Естественно. Мы большой компанией пили чай, и все звали меня на коктейльную вечеринку. А я говорила: «Нет». Сказала, что у меня раска-

лывается голова и что я вернусь домой и даже не поеду на ужин.

— Мадам, а что заставило вас передумать?

— На меня набросилась Эллис. Сказала, что я не вправе так поступать. Старый сэр Монтегю, знаете ли, держит в своих руках все нити, а он ужасно капризен — и легко обижается. Ну, а меня все это не заботило. Раз я выхожу за Мертона, все это меня больше не касается. Но Эллис всегда осторожничает. Она сказала, что не исключены случайности и все такое, и после этого я решила, что она права. В общем, я поехала.

— Вы в огромном долгу перед Эллис, мадам, — совершенно серьезно сказал Пуаро.

— Наверное, да. Тот инспектор все это записал и перепечатал, да?

Она рассмеялась. Пуаро же не засмеялся. Он сказал, понизив голос:

— И все равно… тут есть над чем задуматься. Да, есть над чем задуматься.

— Эллис, — позвала Джейн.

Горничная появилась из соседней комнаты.

— Месье Пуаро говорит, что мне очень повезло, когда ты вчера заставила меня ехать на прием.

Эллис скользнула взглядом по Пуаро. Выражение на ее лице было угрюмым и недовольным:

— Негоже нарушать договоренности, миледи. А вы этим балуетесь. Бывает, что люди не прощают этого. И обижаются.

Джейн взяла в руки шляпку, которую примеряла перед нашим приходом, и надела ее.

— Ненавижу черный, — печально проговорила она. — И никогда не ношу его. Но сейчас придется — ведь я правильная вдова… Все эти шляпки просто ужасны. Эллис, звони в тот шляпный магазин. Я не могу появляться на людях в таком виде.

Мы с Пуаро тихо выскользнули из комнаты.

Глава 7
Секретарь

Как выяснилось, предыдущий визит Джеппа был не последним. Он заявился к нам примерно час спустя, бросил свою шляпу на стол и чертыхнулся.

— Вы навели справки? — с сочувствием спросил Пуаро.

Инспектор мрачно кивнул.

— Если четырнадцать человек не лгут, то она этого не делала, — проворчал он. — Не буду скрывать, *мусье* Пуаро, что я ожидал какой-нибудь подставы. Но в свете этого не вижу, кто еще мог убить лорда Эджвера. Она единственная, у кого было хоть какое-то подобие мотива.

— Я бы так не сказал. *Mais continuez*[22].

— В общем, как уже сказал, я ожидал подставы. Вы же знаете, что собой представляет этот театральный люд — они готовы горой стоять за своего. Здесь же диспозиция иная. Вчера на приеме были одни «шишки», они не входят в круг

---

[22] notes: 22
Однако продолжайте (*фр.*).

ее близких друзей, а некоторые вообще с ней не знакомы. Так что их показания объективны и надежны. Тогда я решил выяснить, а не пропадала ли она на полчасика. Ведь она вполне могла уйти — попудрить носик или под другим предлогом. Но нет, она вставала из-за стола, только чтобы ответить на телефонный звонок, как она нам и говорила, причем во время разговора рядом с ней был дворецкий — короче, все было так, как она рассказывала. Дворецкий слышал, как она сказала: «Да, все верно. Я леди Эджвер». А потом на другом конце отсоединились. Что крайне любопытно, между прочим. Хотя к нашему делу отношения не имеет.

— Возможно, нет… но интересно. Кто звонил, мужчина или женщина?

— Кажется, она сказала, что женщина.

— Любопытно, — задумчиво произнес Пуаро.

— Не берите в голову, — с нетерпением сказал Джепп. — Давайте вернемся к более важным аспектам. Весь вечер прошел именно так, как она рассказывала. Приехала туда без четверти девять, уехала в половине двенадцатого и вернулась домой без четверти двенадцать. Я виделся с шофером, который вез ее, — он один из постоянных сотрудников «Даймлера». Да и в «Савойе» многие

видели ее и подтвердили время.

– *Eh bien*, все это вполне убедительно.

— А как же те двое на Риджент-Гейт? Ведь ее видел не только дворецкий, но и секретарь лорда Эджвера. Оба клянутся, что в десять вечера приехала именно леди Эджвер.

— И давно у них служит это дворецкий?

— Полгода. Красивый парень, кстати.

— Да, действительно. *Eh bien*, друг мой, если он служит там всего полгода, то просто не смог бы узнать леди Эджвер, так как никогда ее там не видел.

— Ну, он знал ее по фотографиям в газетах. А вот секретарь знакома с ней. Она работает у лорда Эджвера пять или шесть лет, и она единственная, кто полностью уверен.

— А! — произнес Пуаро. — Я бы хотел повидаться с секретарем.

— Ну, почему бы вам не поехать со мной?

— Спасибо, *mon ami*, я с радостью. Надеюсь, ваше приглашение относится и к Гастингсу?

Джепп усмехнулся:

— А вы как думаете? Куда хозяин, туда и собака.

Его слова я счел верхом безвкусицы.

— Все это напоминает мне дело Элизабет

Каннинг, — сказал Джепп. — Помните? Как по меньшей мере два десятка свидетелей с обеих сторон клялись, что видели цыганку Мэри Сквайрз в двух разных частях Англии. Причем достойные уважения свидетели. А ведь двух таких, как она, с такой уродливой физиономией, быть не могло. Ту тайну так и не удалось раскрыть. Похоже, здесь то же самое. Никак не связанные между собой люди готовы поклясться, что некая женщина была одновременно в двух разных местах. И кто из них говорит правду?

— Едва ли это так уж сложно выяснить.

— Так вы говорите. Но эта женщина… мисс Кэрролл, она на самом деле знала леди Эджвер. В том смысле, что жила вместе с ней в доме. Маловероятно, чтобы она ошиблась.

— Вот мы вскоре и увидим.

— К кому теперь перейдет титул? — спросил я.

— К племяннику, капитану Рональду Маршу. Никчемный тип, я бы сказал.

— А что доктор говорит насчет времени смерти? — спросил Пуаро.

— Нам, знаете ли, придется дождаться окончания вскрытия. Чтобы понять, где остановился ужин. — Я вынужден с сожалением отметить, что манера изложения Джеппа была далека от

изящной. — Но десять часов отлично вписываются. В последний раз его видели живым в начале десятого, когда он после ужина встал из-за стола и дворецкий подал ему виски с содовой в библиотеку. В одиннадцать, когда тот отправился спать, свет был выключен — то есть к тому моменту лорд Эджвер, вероятно, был уже мертв. Он бы не сидел в темноте.

Пуаро задумчиво кивнул.

Вскоре мы подъехали к дому. Жалюзи на всех окнах были опущены.

Дверь нам открыл тот самый красивый дворецкий.

Джепп, возглавляя наш отряд, прошел в дом первым. Мы с Пуаро проследовали за ним. Дверь открывалась влево, поэтому дворецкий стоял у стены слева от нас. Мой друг шел справа от меня, а так как я был значительно крупнее его, дворецкий заметил знаменитого сыщика, только когда мы миновали его. Я услышал, как он тихо охнул, и, обернувшись, обнаружил, что парень с испуганным выражением на лице таращится вслед Пуаро. Я на всякий случай взял этот факт на заметку.

Джепп прошагал в столовую, которая находилась справа от нас, и вызвал туда дворецкого.

— А теперь, Элтон, я хочу еще раз все обговорить. Значит, было десять часов, когда пришла та дама?

— Ее светлость? Да, сэр.

— Как вы узнали ее? — спросил Пуаро.

— Она сама назвала себя, сэр, к тому же я видел ее портрет в газетах. А еще я видел ее в роли.

Пуаро кивнул.

— Как она была одета?

— Во все черное, сэр. На ней было черное уличное платье и маленькая черная шляпка. Нитка жемчуга и серые перчатки.

Пуаро устремил вопросительный взгляд на Джеппа.

— Белое вечернее платье из тафты и горностаевая пелерина, — быстро перечислил тот.

Дворецкий продолжил. Он изложил именно то, что уже рассказал нам инспектор.

— В тот вечер кто-нибудь еще приходил к вашему хозяину? — спросил Пуаро.

— Нет, сэр.

— Как запирается парадная дверь?

— Там автоматический цилиндрический замок, сэр. Обычно перед сном я запираю дверь на задвижки, сэр. Часов в одиннадцать. Но вчера мисс Джеральдин была в опере, так что дверь

была не на засове.

— А сегодня утром?

— На засове, сэр. Мисс Джеральдин задвинула его, когда вернулась.

— Когда она вернулась? Вам это известно?

— Думаю, примерно без четверти двенадцать, сэр.

— Значит, весь вечер, до без четверти двенадцать, дверь нельзя было открыть снаружи без ключа? А изнутри ее можно было открыть легко, всего лишь повернув ручку?

— Да, сэр.

— Сколько всего имеется ключей?

— Один у его светлости, сэр, еще один — в ящике комода в холле. Его вчера и брала мисс Джеральдин. Есть ли еще какие-то ключи, я не знаю.

— У кого-нибудь еще в доме есть ключ?

— Нет, сэр. Мисс Кэрролл всегда звонит.

Пуаро дал понять, что это все, о чем он желал спросить, и мы отправились на поиски секретаря. И нашли ее за большим письменным столом, где она что-то сосредоточенно писала.

Мисс Кэрролл была привлекательной женщиной лет сорока пяти со светлыми, начинающими седеть волосами. Она подняла голову и сквозь пенсне устремила на нас проницательный взгляд

голубых глаз. Когда же заговорила, я узнал тот звонкий голос и деловитый тон, которые слышал в телефоне.

— А, месье Пуаро, — сказала она после того, как Джепп представил нас. — Значит, это с вами я договаривалась о встрече на вчерашнее утро.

— Именно так, мадемуазель.

Мне показалось, мисс Кэрролл произвела на Пуаро благожелательное впечатление. Что неудивительно, ведь она являла собой олицетворение аккуратности и точности.

— Итак, инспектор Джепп? — сказала секретарша. — Что еще я могу сделать для вас?

— У меня один вопрос. Вы абсолютно уверены, что женщина, которая пришла сюда вчера вечером, была леди Эджвер?

— Вы спрашиваете меня об этом уже в третий раз. Конечно, уверена. Я видела ее.

— Где вы ее видели, мадемуазель?

— В холле. Она с минуту разговаривала с дворецким, потом прошла через холл и вошла в библиотеку.

— А где были вы?

— На втором этаже… смотрела вниз.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Абсолютно. Я четко видела ее лицо.

— А вас не могло ввести в заблуждение сходство?

— Точно нет. Черты Джейн Уилкинсон довольно уникальны. Я видела именно ее.

Джепп посмотрел на Пуаро, всем своим видом как бы говоря: «Вот видите».

— У лорда Эджвера были враги? — неожиданно спросил мой друг.

— Чушь, — отрезала мисс Кэрролл.

— В каком смысле… чушь, мадемуазель?

— Враги! В наше время у людей нет врагов. Во всяком случае, в Англии!

— Но лорда Эджвера все же убили.

— Убила его жена, — заявила мисс Кэрролл.

— А разве жена не может быть врагом, а?

— Я уверена, что это — крайне исключительное явление. Я вообще не слышала о таком… я имею в виду, чтобы такое случилось с кем-то из нашего круга.

Было ясно, что в представлении мисс Кэрролл убийства совершают только пьяные представители низших классов.

— Сколько имеется ключей от парадной двери?

— Два, — быстро ответила мисс Кэрролл. — Один всегда был у лорда Эджвера. Другой хранил-

ся в комоде в холле, чтобы его мог взять любой, кому предстоит позднее возвращение домой. Был еще третий, но его потерял капитан Марш. Чрезвычайная беспечность.

— Капитан Марш часто бывал в доме?

— Раньше он жил здесь, но три года назад все изменилось.

— Почему он съехал? — спросил Джепп.

— Не знаю. Не смог поладить с дядей, я полагаю.

— Думаю, вам, мадемуазель, известно гораздо больше, — мягко проговорил Пуаро.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Я не распространяю сплетни, месье Пуаро.

— Но вы можете рассказать нам правду касательно слухов о серьезных разногласиях между лордом Эджвером и его племянником.

— Не настолько уж серьезных. Лорд Эджвер был сложным человеком, с которым непросто было иметь дело.

— Даже вы это обнаружили?

— Я говорю не о себе. У меня с лордом Эджвером никогда не было никаких разногласий. Он всегда считал меня в полной мере заслуживающей доверия.

— Но что касается капитана Марша… — не от-

ставал Пуаро, мягко подталкивая мисс Кэрролл к дальнейшим откровениям.

Та пожала плечами.

— Он был расточителен. Залез в долги. Имелись и другие проблемы — я не знаю, какие именно. Они ссорились. Лорд Эджвер запретил ему появляться в доме. Вот и всё.

Мисс Кэрролл плотно сжала губы. Очевидно, она вознамерилась больше ни о чем не рассказывать.

Комната, в которой мы беседовали, находилась на втором этаже. Когда мы выходили, Пуаро придержал меня за руку.

— Одну минутку. Гастингс, прошу вас, останьтесь здесь. Я спущусь вниз вместе с Джеппом. Дождитесь, когда мы пройдем в библиотеку, а потом идите к нам.

Я уже давно перестал задавать Пуаро вопросы, начинающиеся с «Зачем?». Как в стихотворении о легкой кавалерии, «я не вопрошал, я делал дело или умирал», хотя, к счастью, до смерти пока дело не доходило. И сейчас я решил, что он, вероятно, заподозрил дворецкого в слежке за ним и хочет проверить, так ли это.

Я наклонился над перилами и стал смотреть вниз. Пуаро и Джепп сначала подошли к парад-

ной двери — и пропали из поля моего зрения. Затем вновь появились, когда медленно шли по холлу. Мой взгляд был прикован к их спинам, пока они не скрылись в библиотеке. Я выждал минуту или две, на случай если вдруг увижу дворецкого, а потом сбежал вниз и присоединился к ним.

Тело, естественно, уже унесли. Шторы были задернуты, в комнате горел электрический свет. Пуаро и Джепп стояли в центре и оглядывались по сторонам.

— Здесь ничего нет, — сказал инспектор.

Пуаро с улыбкой ответил:

— Увы, ни сигаретного пепла… ни следов… ни дамских перчаток… Даже запаха духов не осталось! Ничего, что без труда находят детективы в книжках.

— В детективных романах полицию всегда выставляют слепой, как летучая мышь. — Джепп усмехнулся.

— Один раз я нашел ключик, — мечтательно произнес Пуаро. — Но так как он был длиной четыре фута, а не четыре сантиметра, никто в это не поверил.

Я вспомнил обстоятельства и рассмеялся. Потом вспомнил о своей миссии.

— Всё в порядке, Пуаро. Я наблюдал, но никто за вами не следил.

— Мой глазастый друг Гастингс, — с едва различимой насмешкой произнес Пуаро, — скажите, вы заметили розу у меня во рту?

— Розу у вас во рту? — изумился я.

Джепп разразился хохотом.

– *Мусье* Пуаро, вы сведете меня в могилу, — сказал он, отсмеявшись. — Вот уморили! Роза… Что дальше?

— Ну, вот захотелось мне представить себя Кармен, — с невозмутимым видом заявил Пуаро.

Я попытался понять, кто из нас сходит с ума — они или я.

— Так вы не заметили ее, а, Гастингс? — На этот раз в голосе Пуаро я услышал упрек.

— Нет, — ответил я. — Но я же не мог видеть ваше лицо.

— Не страшно. — Он покачал головой.

Неужели они насмехаются надо мной?

— В общем, — сказал Джепп, — здесь больше делать нечего. Я хотел бы еще раз повидаться с дочерью, если такое возможно. Она была слишком расстроена, чтобы о чем-то с ней разговаривать. — Он вызвал звонком дворецкого. — Спросите у мисс Марш, могу ли я увидеть ее.

Дворецкий ушел, а через несколько минут в комнату вместо него вошла мисс Кэрролл.

— Джеральдин спит, — сообщила она. — Она испытала страшный шок, бедняжка. После вашего ухода я дала ей сонные порошки, чтобы она смогла заснуть. Проснется через час или два.

Джепп кивнул.

— В любом случае ей нечего рассказать вам больше того, что я вам уже рассказала, — твердо произнесла мисс Кэрролл.

— Какого вы мнения о дворецком? — осведомился Пуаро.

— Он не сильно мне нравится, и это факт, — ответила мисс Кэрролл. — Но я не могу рассказать вам, почему.

Мы подошли к парадной двери.

— Мадемуазель, вчера вечером вы стояли вон там? — неожиданно спросил Пуаро, указывая на лестницу.

— Да. А что?

— И вы видели, как леди Эджвер прошла через холл и зашла в библиотеку?

— Да.

— И вы четко видели ее лицо?

— Естественно.

— Но вы не могли видеть ее лицо, мадемуазель.

С того места, где стояли, вы могли видеть только ее затылок.

Мисс Кэрролл густо покраснела. Она явно была ошарашена.

— Затылок, голос, походка! Все это указывало на нее. Ошибиться было невозможно! Говорю вам, это была Джейн Уилкинсон — во всех отношениях порочная женщина, как только таких земля носит…

С этими словами она резко повернулась и поспешила наверх.

Глава 8
Допустимые вероятности

Джепп был вынужден покинуть нас. Мы с Пуаро прошли в Риджент-парк и нашли свободную скамейку в уютном уголке.

— Теперь я понимаю ваш вопрос про розу, — сказал я, смеясь. — А я в тот момент решил, что вы помешались.

Пуаро без улыбки кивнул.

— Видите ли, Гастингс, секретарь — очень опасный свидетель. Опасный, потому что ее сведения недостоверны. Вы заметили, как она настаивала на том, что видела лицо посетительницы? Я уже тогда подумал, что это невозможно. Вот если б она выходила из библиотеки — тогда да, но не когда она входила туда. Вот я и провел небольшой эксперимент, который подтвердил мое предположение, а затем заманил ее в ловушку. Она тут же изменила свою позицию.

— Однако ее уверенность не поколебалась, — возразил я. — Как-никак, по голосу и походке трудно не узнать человека.

— Вовсе нет.

— Как же так, Пуаро? Я думаю, что голос и походка наиболее полно характеризуют человека.

— В этом я согласен. А поэтому их легче всего подделать.

— Вы считаете…

— Вернитесь мысленно на несколько дней назад. Помните, как мы сидели в театре…

— Карлотта Адамс? О!.. Но тогда она просто гений.

— Знаменитую личность не так-то трудно сымитировать. Однако я согласен в том, что она наделена необычным талантом. Я верю, что она смогла бы проделать этот трюк без помощи огней рампы и сцены…

Мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Пуаро! — вскричал я. — Неужели вы думаете, что такое возможно… нет, это было бы слишком большим совпадением.

— Все зависит от того, Гастингс, как на это посмотреть. Под определенным углом зрения это вовсе не выглядит совпадением.

— Но зачем Карлотте Адамс убивать лорда Эджвера? Она даже незнакома с ним.

— Откуда вы знаете, что она с ним незнакома? Не надо допущений, Гастингс. Не исключено, что между ними может существовать какая-то связь,

о которой мы не знаем. Не могу сказать, что это моя основная версия.

— Значит, у вас есть версия?

— Да. Я с самого начала допускал вероятность того, что Карлотта Адамс причастна к убийству.

— Но, Пуаро…

— Подождите, Гастингс. Позвольте привести вам несколько фактов. Леди Эджвер при полном отсутствии скрытности обсуждает свои отношения с мужем и даже грозится убить его. Это слышим не только вы и я. Официант слышит, ее горничная, вероятно, слышала много раз, Брайан Мартин слышит и, я подозреваю, Карлотта Адамс тоже. Есть еще и те, кому все эти люди пересказывают услышанное. Затем, в тот же вечер, обсуждается выступление Карлотты Адамс и то, с каким мастерством она изображала Джейн. У кого был мотив убить лорда Эджвера? У его жены.

А теперь предположим, что кто-то хочет разделаться с лордом Эджвером. Ведь козел отпущения у него уже есть. И в тот день, когда Джейн Уилкинсон объявляет, что у нее болит голова и что она собирается провести спокойный вечер дома, план претворяется в жизнь.

Необходимо, чтобы все увидели, как леди Эджвер входит в дом на Риджент-Гейт. Это и

происходит. Более того, она называет себя. *Ah! C'est peu trop, ça!*[23] Это пробудило бы подозрения даже у устрицы.

И еще один момент — правда, маленький, признаю. Женщина, которая зашла в дом вчера вечером, была в черном. Джейн Уилкинсон никогда не надевает черное; мы слышали, как она это говорила. Тогда давайте предположим, что женщина, которая вчера вечером пришла в дом, была не Джейн Уилкинсон — что эта женщина просто изображала из себя Джейн Уилкинсон. И тогда кто убил лорда Эджвера? Эта женщина? Или был кто-то третий? Если да, то когда он пришел — до или после предполагаемого визита леди Эджвер? Если после, то что эта женщина сказала лорду Эджверу? Как объяснила свое появление? Возможно, она обманула дворецкого, который не знал ее, и секретаршу, не разглядевшую ее издали. Но она не могла рассчитывать на то, что ей удастся обмануть мужа. Или к тому моменту в комнате уже был труп? Не получилось ли так, что лорд Эджвер был убит до того, как она вошла в дом, примерно между девятью и десятью часами?

---

[23] notes: 23
А! Вот это уже перебор! (*фр.*)

— Постойте, Пуаро! — прервал я его рассуждения. — У меня уже голова идет кругом.

— Нет-нет, друг мой. Мы только рассматриваем допустимые вероятности развития событий. Это все равно что примерять одежду. Хорошо ли сидит? Не морщит ли в плечах? А может быть, еще вот это? Да, смотрится лучше, но немного тесновато. А это вообще мало. И так далее, пока не найдем то, что сидит идеально, — истину.

— Кого вы подозреваете в этом злодействе? — спросил я.

— Еще рано говорить. Сначала нужно решить вопрос, у кого был мотив. Кто желал смерти лорду Эджверу. Есть, естественно, племянник, к которому переходит наследство. Вероятно, это слишком очевидно. Несмотря на безапелляционные заявления мисс Кэрролл, нужно решить вопрос с врагами. Лорд Эджвер видится мне как человек, который с легкостью наживал себе врагов.

— Да, — согласился я, — это так.

— Кто бы это ни был, он наверняка мнит себя в полной безопасности. Не забывайте, Гастингс, если бы Джейн Уилкинсон не передумала в последний момент, у нее не было бы алиби. Даже если б она весь вечер провела в своем номере в «Савойе», это было бы трудно доказать. Ее аресто-

вали бы, осудили… и, возможно, повесили.

Я поежился.

— Но есть одно, что ставит меня в тупик, — продолжал Пуаро. — С желанием повесить на нее преступление все ясно. А вот как быть с телефонным звонком? Зачем некто позвонил ей в Чизик и, убедившись в том, что она находится там, тут же отсоединился? Такое впечатление, не правда ли, будто кто-то хотел убедиться в ее присутствии там, прежде чем приступить к… чему? Звонили в половине десятого, почти наверняка до убийства. Тогда намерения звонившего можно объяснить желанием облагодетельствовать, что ли… другого слова я не найду. И звонил не убийца — ведь план убийцы состоял в том, чтобы все подозрения пали на Джейн. Тогда кто? Похоже, у нас имеется два абсолютно разных набора обстоятельств.

Я замотал головой, теряя нить рассуждений. Затем предположил:

— Это могло быть простым совпадением.

— Нет-нет, все не может быть совпадением. Полгода назад было перехвачено письмо. Зачем? Здесь слишком много необъяснимого. И наверняка есть нечто, что свяжет воедино все эти необъяснимые обстоятельства. — Вздохнув, мой друг продолжил: — Та история, что нам рассказал

Брайан Мартин…

— Послушайте, Пуаро, уж это совсем не имеет отношения к убийству.

— Вы слепы, Гастингс, слепы и осознанно не даете воли своей мысли. Разве вы не видите, что здесь вырисовывается схема? Сейчас она запутанная, но постепенно станет четкой…

Мне показалось, что Пуаро излишне оптимистичен. Я не рассчитывал на то, что со временем все прояснится. У меня в голове была полная сумятица.

— Все не так, — вдруг сказал я. — Я не верю, что это дело рук Карлотты Адамс. Она казалась такой… гм, такой милой девушкой.

Еще не договорив, я вспомнил слова Пуаро о любви к деньгам. Любовь к деньгам — не лежит ли она в основе всего, что сейчас выглядит необъяснимым? Я чувствовал, что в тот вечер на Пуаро снизошло вдохновение. Он увидел, что Джейн грозит опасность — из-за ее до странности эгоистичного характера. Он увидел, что Карлотту сбивает с пути алчность.

— Я думаю, Гастингс, что она не совершала преступление. Она слишком хладнокровна и уравновешенна для этого. Возможно, ей даже не сказали, что намерен сделать убийца. Возможно,

она не подозревала о том, что ее используют. Но тогда… — Он замолчал и нахмурился. — Если так, она все равно остается соучастницей. Я имею в виду, что она увидит новости. И поймет… — Пуаро издал какой-то хриплый звук. — Быстро, Гастингс. Быстро! Как же слеп я был… идиот! Такси. Срочно.

Я уставился на него. Он замахал руками.

— Такси… быстрее.

Одно как раз проезжало мимо. Мы остановили его и быстро запрыгнули внутрь.

— Вы знаете ее адрес?

— Карлотты Адамс, вы имеете в виду?

– *Mais oui, mais oui*. Быстрее, Гастингс, быстрее. Дорога каждая минута. Неужели вы не понимаете?

— Нет, — ответил я, — не понимаю.

Пуаро еле слышно чертыхнулся.

— Телефонный справочник?.. Нет, ее там не может быть… В театр.

В театре не были расположены давать адрес Карлотты, но Пуаро все же удалось раздобыть его. Она жила в квартире недалеко от Слоун-сквер. Мы поехали туда. Моего друга снедало страшное нетерпение.

— Только бы не опоздать, Гастингс. Только бы

не опоздать.

— Ради чего вся эта спешка? Не понимаю. Что это значит?

— Это значит, что я промедлил. Промедлил с осознанием того, что было очевидно… *Ah, mon Dieu*[24], только бы успеть.

[24] notes: 24
Ах, мой Бог (*фр.*).

Глава 9
Вторая смерть

Хоть и не понимая причины волнения Пуаро, я, хорошо его зная, не сомневался в том, что у него есть для этого основания.

Когда мы прибыли в Роуздью-мэншнз, мой друг выскочил из такси, расплатился с шофером и поспешил к дому. Квартира мисс Адамс располагалась на втором этаже, о чем нас извещала визитная карточка на двери.

Не дожидаясь лифта, которому надо было спуститься с верхнего этажа, Пуаро стал подниматься по лестнице.

Сначала он постучал, потом позвонил. Через несколько мгновений дверь открыла опрятная женщина средних лет с собранными в тугой пучок волосами. Ее глаза покраснели, как будто она плакала.

— Где мисс Адамс? — нетерпеливо произнес Пуаро.

Женщина удивленно посмотрела на него:

— Разве вы не слышали?

— О чем?

Ее лицо залила смертельная бледность, и я понял, что случилось то, чего и боялся Пуаро, — что бы это ни было.

Женщина медленно покачала головой.

— Она мертва. Умерла во сне. Это ужасно.

Пуаро привалился к косяку.

— Опоздали, — пробормотал он.

Его сожаление было настолько бурным, что женщина повнимательнее пригляделась к нему.

— Простите, сэр, вы ее друг? Я не помню, чтобы видела вас здесь раньше.

Мой друг не ответил на ее вопрос. Вместо этого он спросил:

— Вы вызывали врача? Что он сказал?

— Что она приняла чрезмерную дозу снотворного… Ох, какая жалость! Такая молодая! Такая милая! Опасная это штука — сонные порошки. Это был веронал, как он сказал.

Пуаро неожиданно оторвался от косяка и выпрямился. В его манерах появились решительность и властность.

— Мне нужно пройти в квартиру, — сказал он.

Женщина преисполнилась сомнений и подозрений.

— Мне кажется, вам… — начала она.

Но Пуаро не собирался отступать. Он выбрал,

по всей видимости, единственный путь, который мог привести к результату.

— Вы должны впустить меня, — сказал он. — Я — детектив, и мне нужно выяснить обстоятельства смерти вашей хозяйки.

Женщина, охнув, подвинулась в сторону, и мы прошли в квартиру. Пуаро тут же взял ситуацию под контроль.

— То, что я сказал вам, — повелительным тоном произнес он, — строго конфиденциально. Никто не должен об этом знать. Пусть все продолжают думать, будто смерть мисс Адамс — это несчастный случай. Прошу вас, дайте мне имя и адрес врача, которого вы вызывали.

— Доктор Нит, дом семнадцать, Карлайл-стрит.

— А вас как зовут?

— Беннетт… Элис Беннетт.

— Как я вижу, вы были привязаны к мисс Адамс, мисс Беннетт.

— О да, сэр. Она была милой. Я работаю у нее уже год, с тех пор как она поселилась здесь. Она не такая, как все эти актрисульки. Она истинная молодая дама. Изысканная, элегантная… ей нравилось, когда вокруг все было со вкусом.

Пуаро внимательно слушал ее, всем своим видом выражая сочувствие. Теперь в его манерах

не было и намека на нетерпение. Я понимал, что сейчас лучший способ добыть нужные ему сведения — это доброта и ласка.

— Должно быть, для вас это стало страшным шоком, — мягко заметил он.

— Ох, да, сэр. Я принесла ей чай… в половине десятого, как обычно, а она еще лежала… я подумала, что спит. И я поставила поднос. И раздвинула шторы… одно кольцо зацепилось, сэр, и мне пришлось сильно дернуть. Оно с таким шумом загромыхало по карнизу… Я оглянулась и удивилась, что он не разбудил ее. А потом вдруг кое-что привлекло мое внимание. То, как она лежала. Поза неестественная. Я подошла к кровати и дотронулась до ее руки. Она была ледяной, сэр, и я закричала.

Она замолчала, из ее глаз потекли слезы.

— Да-да, — с состраданием сказал Пуаро, — для вас это, наверное, было ужасно. Мисс Адамс часто принимала препараты, чтобы лучше спать?

— Она изредка принимала что-то от головной боли, сэр. Какие-то маленькие таблетки в пузырьке… а вот вчера вечером выпила что-то другое. Во всяком случае, доктор так сказал.

— Вчера вечером к ней кто-нибудь приходил? Какие-нибудь посетители?

— Нет, сэр. Вчера вечером ее не было дома.

— Она сказала вам, куда поехала?

— Нет, сэр. Она вышла из дома около семи.

— А! Как она была одета?

— На ней было черное платье, сэр. Черное платье и черная шляпка.

Пуаро покосился на меня.

— На ней были какие-нибудь драгоценности?

— Только нитка жемчуга, она всегда ее носит, сэр.

— А перчатки… у нее есть серые перчатки?

— Да, сэр. Она надела серые перчатки.

— А! А теперь, будьте любезны, скажите, в каком она была настроении? Какой она была: веселой? Радостной? Грустной? Нервной?

— Мне кажется, сэр, она чему-то радовалась. Постоянно улыбалась, как будто вспоминала хорошую шутку…

— В котором часу она вернулась?

— Чуть позже двенадцати, сэр.

— И в каком настроении была по возвращении? В таком же?

— Она была дико уставшей, сэр.

— Но не расстроенной? И не опечаленной?

— О нет, сэр. Мне кажется, она была чем-то очень довольна, тем, что было сделано, если вы

понимаете, о чем я. Стала звонить кому-то по телефону, потом сказала, что не станет ждать. Что сделает это завтра утром.

— А! — Глаза Пуаро возбужденно заблестели. Он наклонился вперед и с деланым безразличием спросил: — Вы слышали имя того человека, которому она звонила?

— Нет, сэр. Она просто назвала номер и ждала, а потом на коммутаторе сказали: «Я пытаюсь установить соединение», сэр, и она сказала: «Хорошо, — а потом вдруг зевнула и сказала: — О, я не могу ждать. Я слишком устала». — Потом положила трубку и начала раздеваться.

— А какой номер она называла? Вы запомнили? Подумайте. Это может быть важным.

— Простите, но я не помню, сэр. Помню лишь то, что номер был где-то в районе Виктории. Я не прислушивалась, видите ли.

— Она что-нибудь пила или ела, прежде чем лечь спать?

— Выпила стакан горячего молока, сэр, как всегда.

— Кто готовил его?

— Я, сэр.

— Кто-нибудь заходил в квартиру?

— Никто, сэр.

— А раньше, днем?

— Никто не приходил, насколько я помню, сэр. Мисс Адамс куда-то уезжала на обед и на чай. Она вернулась в шесть часов.

— Когда принесли молоко? То молоко, что она пила на ночь?

— Молоко было свежим, сэр. Дневной доставки. Мальчик приносит его в четыре дня и оставляет снаружи. Ой, сэр, я уверена, что с молоком все было в порядке, сэр. Я пила его сегодня утром. Да и доктор четко сказал, что она сама приняла те ужасные порошки.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Пуаро. — Да, вполне возможно, что я ошибаюсь. Я повидаюсь с доктором. Но, видите ли, у мисс Адамс были враги. В Америке все по-другому…

Он замолчал, но добрая Элис уже заглотнула наживку.

— Ой, я знаю, сэр. Я читала про Чикаго, про бандитов и все такое. Дурная это страна; не понимаю, почему полиция ничего с этим не делает. У нас полицейские совсем другие.

Слава богу, Пуаро не стал развивать эту тему, понимая, что островной патриотизм помешает Элис внять каким-либо доводам и объяснениям.

Его взгляд упал на маленький чемодан, даже

не чемодан, а атташе-кейс, лежавший на стуле.

— Мисс Адамс брала вот это с собой, когда уезжала вчера?

— Она взяла его утром, сэр. Когда вернулась после чая, его у нее не было, но потом она принесла его.

— А! Вы позволите открыть его?

Элис Беннетт готова была позволить что угодно. Как и многими осторожными и подозрительными женщинами, ею можно было манипулировать с той же легкостью, что и ребенком, стоило ей преодолеть свое недоверие. Сейчас она согласилась бы на все, что бы ни предложил Пуаро.

Кейс оказался не заперт, и мой друг открыл его. Я подошел и заглянул ему через плечо.

— Видите, Гастингс, видите? — радостно пробормотал он.

Содержимое наводило на размышления.

В кейсе лежали коробка грима, два предмета, в которых я узнал вкладыши в обувь для увеличения роста примерно на дюйм, пара серых перчаток и завернутый в папиросную бумагу парик тонкой работы. Светлые волосы точно такого же оттенка, как у Джейн Уилкинсон, были уложены в такую же, как у нее, прическу с прямым пробором и локонами сзади.

— Вы все еще сомневаетесь, Гастингс? — спросил Пуаро.

До этого момента я сомневался. Теперь же все мои сомнения исчезли.

Мой друг закрыл чемоданчик и обратился к горничной:

— Вам известно, с кем мисс Адамс ужинала вчера вечером?

— Нет, сэр.

— Вам известно, с кем она обедала или пила чай?

— Насчет чая я ничего не знаю, сэр. А вот обедала она, я думаю, с мисс Драйвер.

— С мисс Драйвер?

— Да, с ее близкой подругой. У той шляпный магазин на Моффат-стрит, недалеко от Бонд-стрит. Называется «Дженевьева».

Пуаро записал адрес в своем блокноте под адресом врача.

— Еще одно, мадам. Вы можете вспомнить — что угодно, — что мадемуазель Адамс говорила или делала после своего возвращения в шесть вечера. Не показалось ли вам что-нибудь необычным или важным?

Горничная на минуту или две задумалась.

— Не могу сказать, чтобы я что-то заметила, —

наконец заговорила она. — Я спросила у нее, будет ли она чай, и мисс Адамс ответила, что уже пила.

— О! Она сказала, что уже пила чай, — перебил ее Пуаро. — *Pardon*. Продолжайте.

— После этого она писала письма, пока не уехала.

— Письма, да? Вам известно, кому?

— Да, сэр. Вообще-то письмо было одно — к ее сестре в Вашингтон. Она писала сестре регулярно, два раза в неделю. Она захватила его с собой, чтобы по дороге бросить в ящик. Но забыла.

— Значит, оно все еще здесь?

— Нет, сэр. Я его отправила. Она вспомнила о нем, когда вчера вечером собиралась лечь спать. Я сказала, что сбегаю на почту. Что его еще можно отправить, если наклеить дополнительную марку и бросить в ящик для поздней корреспонденции.

— А! Это далеко?

— Нет, сэр, почта за углом.

— Уходя, вы заперли за собой дверь квартиры?

Беннетт удивленно уставилась на него:

— Нет, сэр. Я просто прикрыла ее… я всегда так делаю, когда хожу на почту.

Пуаро хотел что-то сказать, но потом, кажется,

передумал.

— Вы желаете взглянуть на нее, сэр? — полным слез голосом спросила горничная. — Она лежит там, такая красивая…

Мы прошли вслед за ней в спальню.

Как ни удивительно, Карлотта Адамс выглядела спокойной и более юной, чем в тот вечер в «Савойе». Она напоминала спящего уставшего ребенка.

Пуаро стоял и смотрел на нее, и на его лице было странное выражение. Я увидел, как он перекрестился.

– *J'ai fait un serment*[25], Гастингс, — сказал он, когда мы спускались вниз.

Я не стал спрашивать, что за клятву он дал. Я догадывался.

Минуту или две спустя Пуаро произнес:

— Хоть один груз снят с души. Я не смог бы спасти ее. К тому моменту, когда я узнал о смерти лорда Эджвера, она уже была мертва. Это утешает меня. Да, это утешает.

---

[25] notes: 25
Я дал клятву (*фр.*).

Глава 10
Дженни Драйвер

Следующая наша задача состояла в том, чтобы повидаться с врачом, чей адрес нам дала горничная.

Как оказалось, врач — нервный пожилой мужчина с суетливыми манерами — знал о Пуаро понаслышке и выразил искреннюю радость от возможности познакомиться с ним.

— Что я могу сделать для вас, месье Пуаро? — спросил он после вступительной части.

— Сегодня утром, месье *le docteur*, вас вызвали к постели мисс Карлотты Адамс.

— Ах да, бедняжка… Кстати, умная актриса. Я дважды был на ее представлениях. Тысяча сожалений о том, что она вот так закончила свой путь… Не понимаю, почему молодые девушки увлекаются подобными препаратами.

— Вы считаете, что она пристрастилась к наркотикам?

— Ну, с профессиональной точки зрения я бы так не сказал. Во всяком случае, препарат был введен не подкожно. Никаких следов от укола.

Очевидно, она принимала его перорально. Горничная сказала, что обычно она спала хорошо, но горничным нельзя верить. Я не думаю, что она принимала веронал ежевечерне, но точно то, что она принимала его в течение какого-то времени.

— Что заставляет вас так думать?

— Вот… черт возьми! Куда я ее дел? — Доктор заглянул в небольшой чемоданчик. — А! Вот она. — Он достал маленькую черную кожаную сумочку-кисет. — Естественно, будет проведено дознание. Я забрал ее с собой, чтобы горничная в нее не залезла.

Открыв сумочку, он достал золотую коробочку. На крышке рубинами были выложены инициалы «К. Э.» Коробочка была изящной и дорогой. Врач открыл ее. Она почти до краев была заполнена белым порошком.

— Веронал, — пояснил он. — Взгляните, что написано внутри.

На внутренней стороне крышки было выгравировано:

К. Э. от Д. Париж, нояб. 10. Сладких снов.

— Десятое ноября, — задумчиво произнес Пуаро.

— Именно, а сейчас июнь. Вот, как мне кажется, указание на то, что она принимает средство как

минимум полгода, а так как год не указан, вполне возможно, что она пристрастилась к нему полтора или два с половиной года назад. Или в любое время в этот промежуток.

— Париж. Д., — сказал Пуаро, хмурясь.

— Да. Вам это о чем-нибудь говорит? Кстати, я так и не спросил, каков ваш интерес в этом деле. Догадываюсь, у вас есть веские основания. Вероятно, вы хотите узнать, не было ли это самоубийством? Ну, ответить наверняка не могу. И никто не сможет. По словам горничной, вчера она была бодрой и в отличном расположении духа. Похоже на несчастный случай, и, по моему мнению, это несчастный случай и есть. Веронал — очень нестабильный препарат. Можно принять лошадиную дозу, и она вас не убьет. А можно отойти в мир иной и от маленькой. По этой причине препарат опасен. У меня нет сомнений в том, что на дознании будет установлена смерть от несчастного случая. Боюсь, больше я ничем вам помочь не смогу.

— Вы позволите мне осмотреть сумочку мадемуазель?

— Конечно. Конечно.

Пуаро высыпал содержимое сумочки. Там был тонкой работы носовой платок с монограммой

«К. М. Э.» в углу, пуховка, губная помада, банкнота в один фунт, немного мелочи и пенсне.

Последний предмет Пуаро принялся изучать с величайшим интересом. Пенсне было в золотой оправе, очень строгое, как у ученого.

— Любопытно, — сказал он. — Я не знал, что мисс Адамс носила очки. Возможно, они для чтения?

Доктор взял пенсне.

— Нет, они для улицы, — уверенно заключил он. — Причем линзы довольно мощные. Человек, который носил их, был чрезвычайно близорук.

— Вам случайно не известно, мисс Адамс…

— Я раньше ее никогда не пользовал. Меня вызывали лишь один раз, когда у горничной нарывал палец. Больше я никогда в той квартире не бывал. Мисс Адамс, которую я при том посещении видел мельком, точно была без очков.

Пуаро поблагодарил врача, и мы ушли.

На лице моего друга сохранялось озадаченное выражение.

— Не может быть, чтобы я так ошибался, — признался он.

— Касательно перевоплощения?

— Нет-нет. Этот факт я считаю доказанным. Нет, я имею в виду ее смерть. Совершенно оче-

видно, что у нее имелся веронал. Не исключена вероятность того, что вчера она чувствовала себя уставшей и взвинченной и решила обеспечить себе хороший ночной сон.

Неожиданно он замер как вкопанный — к огромному удивлению прохожих — и ударил рукой о другую руку.

— Нет, нет, нет, нет! — воскликнул он. — Почему вдруг несчастный случай происходит так кстати? Это не было несчастным случаем. Это не было самоубийством. Нет, она сыграла свою роль и тем самым подписала себе смертный приговор. Вероятно, веронал был выбран просто потому, что все знали: она периодически принимает его и он хранится у нее в той коробочке. Но если так, значит, убийца из тех, кто близко знал ее. Кто этот Д, Гастингс? Я многое отдал бы, чтобы узнать, кто этот Д.

— Пуаро, — сказал я, выдергивая его из глубоких раздумий, — может, мы пойдем дальше? Все на нас смотрят.

— Э?.. Гм, наверное, вы правы. Хотя меня не беспокоит, что люди смотрят на меня. Это совсем не мешает процессу мышления.

— Они начинают посмеиваться, — проговорил я.

— Это не имеет значения.

Я не мог с этим согласиться. Я до ужаса боюсь делать нечто, что бросалось бы в глаза. Единственное, что может отвлечь Пуаро, — это страх перед тем, что влага или жара повредят его знаменитым усам.

— Мы возьмем такси, — сказал мой друг, взмахивая тростью.

Одна из машин подъехала к тротуару, и Пуаро велел ехать к «Дженевьеве» на Моффат-стрит.

«Дженевьева» была одним из тех заведений, где в витрине выставлена одна ничем не примечательная шляпка и шарф, а все действие сосредоточено на втором этаже, куда ведет пропахший плесенью лестничный пролет.

Поднявшись наверх, мы подошли к двери с табличкой «Дженевьева. Пожалуйста, проходите» и, подчинившись, оказались в маленькой комнатке, заполненной шляпками. Навстречу нам вышла импозантная блондинка и с подозрением уставилась на Пуаро.

— Мисс Драйвер? — спросил Пуаро.

— Не знаю, может ли мадам принять вас. Пожалуйста, сообщите, какое у вас дело.

Светловолосой красавице не пришлось ходить за хозяйкой. Черная бархатная штора заколыха-

лась, и к нам выпорхнуло маленькое жизнерадостное создание с огненно-рыжими волосами.

— Что там? — не без недовольства осведомилась она.

— Вы мисс Драйвер?

— Да. Как там Карлотта?

— Вы уже слышали печальную весть?

— Что за печальная весть?

— Вчера вечером мисс Адамс скончалась во сне. Передозировка веронала.

Глаза девушки расширились от изумления.

— Какой ужас! — вскричала она. — Бедняжка Карлотта… С трудом верится. Ведь только вчера она была полна жизни.

— Как бы то ни было, это так, мадемуазель, — сказал Пуаро. — Кстати… сейчас почти час. Окажите мне честь, пообедайте со мной и моим другом. Я хочу задать вам несколько вопросов.

Девушка оглядела его с ног до головы. У этого крохотного создания был боевой характер. Она чем-то напоминала мне фокстерьера.

— Вы кто? — без обиняков заявила она.

— Меня зовут Эркюль Пуаро. А это мой друг капитан Гастингс.

Я поклонился.

Мисс Драйвер смотрела на нас, переводя взгляд

с одного на другого и обратно.

— Я слышала о вас, — коротко сказала она. — Я пойду с вами. — Крикнула блондинке: — Дороти!

— Да, Дженни.

— Скоро придет миссис Лестер насчет модели «Роза Декарта». Примерь различные перья. Пока! Надеюсь, я скоро.

Она взяла маленькую черную шляпку, надела ее набок, энергично попудрила носик и, повернувшись к Пуаро, объявила:

— Я готова.

Пять минут спустя мы сидели за столиком в маленьком ресторанчике на Дувр-стрит. Пуаро уже успел сделать заказ, и сейчас перед нами стояли коктейли.

— Итак, — сказала Дженни Драйвер, — я хочу знать, что все это значит. Во что вляпалась Карлотта?

— А она во что-то вляпалась, мадемуазель?

— Кто тут задает вопросы, вы или я?

— По моему видению, вопросы следовало бы задавать мне. — Пуаро улыбнулся. — Как я понимаю, вы с мисс Адамс были близкими подругами.

— Верно.

– *Eh bien*, тогда примите, мадемуазель, мои

заверения в том, что все, что я делаю, я делаю в интересах вашей почившей подруги. Поверьте мне, дело обстоит именно так.

Дженни Драйвер несколько мгновений молчала, обдумывая его слова. Наконец она коротко кивнула:

— Я верю вам. Продолжайте. Что вы хотите знать?

— Как я понимаю, мадемуазель, ваша подруга вчера обедала вместе с вами.

— Всё так.

— Она рассказывала вам, какие у нее были планы на вчерашний вечер?

— Конкретно вчерашний вечер она не упоминала.

— Но что-то сказала?

— Ну, она говорила кое о чем, на что вы намекаете. Только имейте в виду, все это было конфиденциально.

— Это понятно.

— Гм, дайте подумать… Наверное, мне лучше рассказать все своими словами.

— Будьте так любезны, мадемуазель.

— В общем, так. Карлотта была чем-то взбудоражена. Она нечасто бывает такой. Она не из тех, кого легко взбудоражить. Она отказывалась что-

либо объяснять, сказала, что дала слово молчать, но что она кое-что затеяла. Что-то, как я поняла, вроде гигантского розыгрыша.

— Розыгрыша?

— Это она так сказала. Она не сообщила, как, когда или где. Только… — Мисс Драйвер помолчала и нахмурилась. — В общем… видите ли… Карлотта не из тех, кто любит всякие розыгрыши и прочее такого рода. Она серьезная, доброжелательная и трудолюбивая. Я в том смысле, что кто-то втянул ее в эту аферу, это точно. И я думаю… имейте в виду, она этого не говорила…

— Да-да, я все понимаю. Так что вы думаете?

— Я думаю… я уверена… что эта история как-то связана с деньгами. Ничто не могло привести Карлотту в такое возбуждение, кроме денег. Так уж она была устроена. Я в жизни не встречала человека с такой деловой хваткой, как у нее. Так взбудоражить и обрадовать ее могли только деньги — причем большая сумма. У меня сложилось впечатление, что она взялась за что-то на спор… и что была абсолютно уверена в успехе. Только все не совсем так. В том смысле, что Карлотта никогда не спорила. На моей памяти она никогда не заключала пари. В общем, так или иначе, я уверена, что здесь как-то завязаны деньги.

— Но она сама так не говорила?

— Нет. Просто сказала, что в ближайшем будущем сможет сделать кое-что важное. Она собиралась вызвать свою сестру из Америки и встретиться с ней в Париже. Карлотта обожала свою младшую сестру. Утонченную и, как мне кажется, тонко понимающую музыку. Вот что мне известно. Вас *это* интересовало?

Пуаро кивнул:

— Да. Это подтверждает версию. Должен признаться, я надеялся на большее. Я предполагал, что мисс Адамс будет связана обещанием хранить тайну. Но я надеялся, что она, будучи истинной женщиной, решит открыть свою тайну ближайшей подруге.

— Я пыталась разговорить ее, — сказала Дженни. — Но она лишь смеялась в ответ, а потом заявила, что когда-нибудь обязательно расскажет мне.

Пуаро помолчал. Потом сказал:

— Вам известно такое имя: лорд Эджвер?

— Что? Это тот, кого убили? Видела на тумбе с газетами полчаса назад.

— Да. Вы не знаете, была ли мисс Адамс знакома с ним?

— Сомневаюсь. Уверена, что нет… Ой! Подо-

ждите-ка!

— Да, мадемуазель? — встрепенулся Пуаро.

— Что же это было? — Мисс Драйвер нахмурилась и теребила бровь, вспоминая. — Да, вот оно. Один раз она упоминала его. С каким-то ожесточением.

— С ожесточением?

— Да. Она сказала… как же она это сказала? Что таким людям нужно запретить своей жестокостью и отсутствием понимания губить чужие жизни. Она сказала… да, именно так… что он из тех, чья смерть, вероятно, пошла бы на пользу всем.

— Когда она это сказала, мадемуазель?

— О, примерно месяц назад, так мне кажется.

— А почему о нем зашла речь?

Дженни Драйвер еще несколько минут напрягала мозги, но в конечном итоге покачала головой.

— Не могу вспомнить, — призналась она. — То ли его имя случайно упомянули, то ли еще что-то… Возможно, оно было в газетах. В общем, я помню, как мне показалось странным, что Карлотта вдруг так резко ощетинилась против совершенно незнакомого человека.

— Это действительно странно, — задумчиво

сказал Пуаро. И после паузы спросил: — Вы не знаете, у мисс Адамс была привычка принимать веронал?

— Я о таком не знаю. Никогда не видела, чтобы Карлотта принимала его. Да она и не упоминала, что принимает его.

— Вы когда-нибудь видели в ее сумочке золотую коробочку с рубиновыми инициалами «К. Э.»?

— Маленькую золотую коробочку… нет. Точно не видела.

— Вы случайно не знаете, где мисс Адамс находилась в прошлом ноябре?

— Дайте подумать… Она вернулась в Штаты в ноябре… кажется, ближе к концу месяца. А до этого была в Париже.

— Одна?

— Одна, конечно! Извините… вероятно, вы имели в виду совсем другое! Не понимаю, почему любое упоминание о Париже всегда подразумевает какую-нибудь гадость. А ведь это такой красивый, респектабельный город… Только Карлотта была не из тех, кто ездит куда-нибудь на выходные.

— А теперь, мадемуазель, я хочу задать вам очень важный вопрос. Существовал ли мужчина, к которому мисс Адамс проявляла особый

интерес?

— Ответ «нет», — медленно произнесла Дженни. — Сколько я знаю Карлотту, она всегда была с головой погружена в работу и свою утонченную сестру. Она руководствовалась правилом, что «я глава семьи, и я за все в ответе». Так что ответ «нет» — твердо и окончательно.

— А если не так твердо?

— Я бы не удивилась, если б… в последнее время… Карлотта проявила интерес к одному мужчине.

— А!

— Имейте в виду, это только мои догадки. Меня натолкнуло на эту мысль ее поведение. Она стала… другой… не мечтательной, а рассеянной. Да и выглядеть стала по-другому. Более конкретно я объяснить не могу. Любая женщина просто чувствует такие вещи… и, конечно, я вполне могу ошибаться.

Пуаро кивнул.

— Спасибо, мадемуазель. Еще одно. Среди друзей мисс Адамс есть некто с инициалом Д?

— Д, — задумчиво произнесла Дженни Драйвер. — Д? Нет, сожалею. Не могу вспомнить таких.

Глава 11
Эгоистка

Не думаю, что Пуаро ожидал какой-то другой ответ на свой вопрос. И все же он сокрушенно покачал головой. И надолго задумался. Дженни Драйвер поставила локти на стол и подалась вперед.

— Ну, — сказала она, — а теперь мне хоть что-нибудь расскажут?

— Мадемуазель, — проговорил Пуаро, — первым делом позвольте мне сделать вам комплимент. Ваши ответы на мои вопросы были исключительно толковыми. Совершенно очевидно, что вы умны, мадемуазель. Вы спрашиваете, намерен ли я что-либо рассказывать вам. Я отвечаю: не очень много. Я изложу вам несколько голых фактов, мадемуазель. — Помолчав, он тихо продолжил: — Прошлым вечером в своей библиотеке был убит лорд Эджвер. Вчера в десять вечера в дом пришла дама, которой, как я полагаю, была ваша подруга мисс Адамс. На ней был светловолосый парик, и она была загримирована так, чтобы походить на настоящую леди Эджвер, которой,

как вам, вероятно, известно, является Джейн Уилкинсон, актриса. Мисс Адамс — если это была она — пробыла в доме недолго и вышла оттуда в пять минут одиннадцатого, однако вернулась домой только после полуночи. Она легла спать, предварительно приняв слишком большую дозу веронала. И теперь, мадемуазель, вы, надеюсь, видите, какие у меня имелись основания для тех вопросов, что я вам задавал.

Дженни тихо охнула.

— Да, — ответила она. — Теперь вижу. Думаю, вы правы, месье Пуаро. Правы насчет того, что это была Карлотта, я имею в виду. Прежде всего потому, что вчера она купила у меня новую шляпу.

— Новую шляпку?

— Да. Она сказала, что хочет затенить левую сторону лица.

Тут мне надо сделать кое-какие пояснения, поскольку я не знаю, когда мой рассказ будет прочитан. Мне довелось повидать шляпки различных стилей. Колпаки, которые так сильно закрывали лицо, что люди не могли узнать своих близких друзей. Шляпки, сдвинутые на лоб, шляпки, изящно закрепленные на затылке, береты и множество других фасонов. В конкретно этом июне в моде была шляпка, напоминавшая

вывернутую суповую тарелку, и ее носили на одной стороне головы (как будто она съехала); другая же, в том числе лицо и прическа, оставалась открытой для всеобщего обозрения.

— Обычно такие шляпки носят на правой стороне? — спросил Пуаро.

Маленькая модистка кивнула.

— Но у нас в запасе есть несколько штук для левой стороны, — пояснила она. — Потому что есть женщины, которые предпочитают открывать правый профиль или укладывать волосы на одну сторону. А теперь скажите, были ли у Карлотты какие-нибудь основания, чтобы скрыть эту сторону лица?

Я вспомнил, что дверь особняка на Риджент-Гейт открывается влево, так что стоящий у двери дворецкий может разглядеть любого входящего. Еще я вспомнил, что у Джейн Уилкинсон — я заметил это на днях — есть крохотная родинка в углу левого глаза.

Я возбужденно изложил свои соображения. Пуаро согласился и оживленно закивал.

— Всё так. Всё так. *Vouz avez parfaitement raison*[26], Гастингс. Да, это объясняет покупку

---

[26] notes: 26
Вы совершенно правы (*фр.*).

шляпки.

— Месье Пуаро! — вдруг встрепенулась Дженни. — Неужели вы думаете… неужели вы хоть на мгновение допускаете… что это сделала Карлотта? В смысле убила его. Неужели вы такое допускаете? Из-за того, что она говорила о нем с ожесточением?

— Я так не думаю. Но это все же любопытно — то, что она так говорила, я имею в виду. Хотелось бы знать, почему. Что он натворил… что она знала о нем такое, что заставило ее говорить в подобной манере?

— Не знаю… но она не убивала его. Она… О, она была… ну… слишком изысканной.

Пуаро кивнул.

— Да, да. Вы очень правильно выразились. Тут есть психологический аспект. Я согласен. Преступление было совершено по науке — без каких-либо изысков.

— По науке?

— Убийца точно знал, куда наносить удар, чтобы поразить жизненно важные нервные центры у основания черепа, где начинается спинной мозг.

— Похоже на врача, — задумчиво проговорила Дженни.

— Мисс Адамс была знакома с врачами? В смысле был ли у нее в друзьях какой-нибудь определенный доктор?

Дженни покачала головой.

— Никогда о таком не слышала. Здесь, во всяком случае.

— Еще один вопрос. Мисс Адамс носила пенсне?

— Очки? Никогда.

— А! — Пуаро нахмурился.

В моем сознании возник образ: врач, пропахший карболкой, в очках для близоруких с мощными линзами… Абсурд!

— Кстати, мисс Адамс была знакома с Брайаном Мартином, киноактером?

— Ну да. Они были знакомы с детства, как она мне рассказывала. Только не думаю, что Карлотта часто с ним виделась. Раз или два. Она говорила, что, по ее мнению, он стал ужасно напыщенным. — Дженни посмотрела на часы и воскликнула: — Господи, мне пора бежать! Я хоть чем-то помогла вам, месье Пуаро?

— Помогли. Вскоре я опять обращусь к вам за помощью.

— Я к вашим услугам. Ведь кто-то же срежиссировал эту дьявольщину. Нужно выяснить, кто

это такой.

Мисс Драйвер поспешно пожала нам руки, одарила нас лучезарной белозубой улыбкой и ушла с характерной для нее стремительностью.

— Очень интересный персонаж, — сказал Пуаро, расплачиваясь по счету.

— Она мне понравилась, — сказал я.

— Всегда приятно иметь дело с сообразительными людьми.

— И все же немного трудно, — возразил я. — Шок от смерти подруги подействовал на нее не так сильно, как я предполагал.

— Она не из тех, кто заливается слезами, это точно, — согласился со мной Пуаро.

— Вы получили от беседы то, на что рассчитывали?

Он покачал головой:

— Нет… я рассчитывал… я очень рассчитывал… получить ключ к личности этого Д, человека, который подарил ей маленькую золотую коробочку. В этом я потерпел неудачу. К сожалению, Карлотта Адамс оказалась скрытной девушкой. Ей не нравилось судачить о своих подругах или о своих возможных романах. С другой стороны, человек, который предложил этот розыгрыш, мог и не быть ее другом. Он мог быть просто знакомым,

который сделал ей выгодное с финансовой точки зрения предложение — якобы ради «спортивного» азарта. Не исключено, этот человек видел, что она носит с собой золотую коробочку, и при первой возможности выяснил, что в ней.

— Но как, ради всего святого, им удалось заставить ее принять порошок? И когда?

— Ну, был промежуток времени, когда дверь в квартиру оставалась открытой — когда горничная ходила на почту. Но это мало что доказывает для меня. Слишком многое остается на волю случая… А теперь за работу. У нас еще есть два факта, которые предстоит выяснить.

— И какие же?

— Первый — это телефонный звонок на номер в районе Виктории. Мне кажется весьма вероятным, что Карлотта Адамс звонила туда по возвращении, чтобы сообщить об успехе. С другой стороны, где она находилась между пятью минутами одиннадцатого и полуночью? У нее могла быть встреча с инициатором розыгрыша. В этом случае она, вероятнее всего, звонила кому-то из друзей.

— А какой второй?

— А! На него я возлагаю надежды. Письмо, Гастингс. Письмо к ее сестре. Вполне возможно

— я только утверждаю, что это возможно, — в нем она описала всю затею. Она не сочла бы это нарушением обещания, так как письмо прочли бы неделю спустя и в другой стране.

— Удивительно, если так!

— Мы не должны строить на этом версии, Гастингс. Это всего лишь шанс. Нет, мы должны подойти с другого конца.

— Что вы называете другим концом?

— Тщательное изучение всех, кто получал любую степень выгоды от смерти лорда Эджвера.

Я пожал плечами.

— Если не считать его племянника и его жену...

— И человека, за которого хотела выйти жена, — добавил Пуаро.

— Герцога? Он в Париже.

— Совершенно верно. Но вы не можете отрицать, что он — заинтересованное лицо. Есть еще люди, живущие в доме, — дворецкий, слуги. Кто знает, какие у них были обиды? Однако я думаю, что первой целью нашего наступления должна стать беседа с мадемуазель Джейн Уилкинсон. Она прозорлива и вполне может предложить какую-нибудь идею.

Мы снова поехали в «Савой». Наша дама на-

шлась среди коробок и упаковочной бумаги; на спинках стульев были развешены отрезы дорогих черных тканей. Джейн с серьезным и сосредоточенным выражением на лице примеряла перед зеркалом очередную маленькую черную шляпку.

— А, месье Пуаро… Присаживайтесь. Если найдете где. Эллис, расчисть место, хорошо?

— Мадам. Вы очаровательны.

Джейн осталась серьезной.

— Я не хочу строить из себя лицемерку, месье Пуаро. Но ведь человек должен следить за своим внешним видом, как по-вашему? Я в том смысле, что считаю: нужно быть осторожной… Ой, кстати, я получила нежнейшую телеграмму от герцога.

— Из Парижа?

— Да, из Парижа. Сдержанную, естественно, и преисполненную соболезнований, но составленную так, что я могу читать между строк.

— Мои поздравления, мадам.

— Месье Пуаро. — Джейн стиснула руки, ее хрипловатый голос зазвучал тише. Она выглядела ангелом, который вот-вот начнет сетовать на свою высочайшую святость. — Я тут подумала… Все кажется таким сверхъестественным, если вы понимаете, что я имею в виду. Раз — и всем моим

проблемам конец. Ни утомительного развода. Ни тревог и волнений. Дорога свободна, можно отправляться в путь. От всего этого я испытываю что-то вроде религиозного экстаза — если вы понимаете, что я имею в виду.

Я затаил дыхание. Пуаро смотрел на нее, слегка склонив голову набок. Джейн говорила абсолютно серьезно.

— Вы так на это смотрите, мадам, да?

— Все это происходит для меня, — благоговейным шепотом произнесла она. — В последнее время я думала и думала: ах, если б Эджвер умер… И вот он мертв! Это… это почти ответ на молитвы.

Пуаро прокашлялся.

— Не могу сказать, что смотрю на все так же, как вы, мадам. Кто-то все же убил вашего мужа.

Она кивнула:

— Ну, естественно.

— Вам не приходила в голову идея задаться вопросом, кто это может быть?

Джейн удивленно уставилась на него:

— Разве это важно? В том смысле… при чем тут это? Мы с герцогом сможем пожениться через четыре или пять месяцев…

Пуаро стоило огромного труда сдерживать

себя.

— Да, мадам, я знаю. Но если отбросить это, вам не приходила в голову мысль спросить у себя самой, кто убил вашего мужа?

— Нет. — Подобная идея вызывала у нее искреннее удивление. Мы видели, как она размышляет над ней.

— Вам не интересно узнать? — спросил Пуаро.

— Не очень, — призналась Джейн. — Думаю, полиция сама все выяснит. Они очень умны, правда?

— Так утверждают. Я тоже собираюсь поставить перед собой задачу выяснить это.

— Вы? Как забавно…

— Почему забавно?

— Ну, не знаю. — Ее взгляд переместился на одежду. Она накинула атласный плащ и принялась изучать себя в зеркале.

— Так вы не возражаете, а? — спросил мой друг. Его глаза заблестели.

— Естественно, нет, месье Пуаро. Я буду только рада, если вы сумеете все выяснить. Желаю вам успеха.

— Мадам… мне нужно кое-что большее, чем ваши пожелания. Мне нужно ваше мнение.

— Мнение? — рассеянно повторила Джейн,

оглянувшись. — Насчет чего?

— Как вы думаете, кто, вероятнее всего, убил лорда Эджвера?

Джейн покачала головой.

— Не имею ни малейшего представления! — Она для пробы повела плечами и взяла ручное зеркало.

— Мадам! — громко, с нажимом произнес Пуаро. — Кто, по-вашему, убил вашего мужа?

На этот раз ему удалось достучаться до нее. Джейн устремила на него испуганный взгляд.

— Джеральдин, я подозреваю, — сказала она.

— Кто такая Джеральдин?

Но внимание Джейн уже переключилось на другое:

— Эллис, прихвати немного на правом плече. Вот так… Что, месье Пуаро? Джеральдин — это его дочь. Нет, Эллис, на правом плече. Так лучше… О, вам пора идти, месье Пуаро? Я ужасно благодарна вам за все. В смысле за развод, хотя в конечном итоге надобность в нем отпала. Я всегда буду считать, что вы проявили себя замечательно.

Впоследствии я видел Джейн Уилкинсон только дважды. Один раз на сцене, один раз, когда сидел напротив нее на званом обеде. Но, вспоминая ее, я всегда вижу ее такой, как сейчас:

полностью поглощенной туалетами, бездумно произносящей слова, которым предстояло повлиять на дальнейшие действия Пуаро, и истово и всецело сосредоточенной на себе самой.

– *Épatant*[27], — с искренним уважением произнес мой друг, когда мы вышли на Стрэнд.

[27] notes: 27
Поразительно (*фр.*).

Глава 12
Дочь

Когда мы добрались до дома, на столе лежало письмо, присланное с нарочным. Пуаро с присущей ему аккуратностью вскрыл конверт, достал листок и рассмеялся.

— Как у вас говорят… легок на помине? Взгляните, Гастингс.

Я взял письмо.

На листке стоял штемпель «Риджент-Гейт, 17», а текст был написан прямым, очень характерным почерком, который казался легким для прочтения, но, как ни странно, таковым не был.

«*Уважаемый господин* (прочитал я),

Я узнала, что сегодня утром Вы были в доме с инспектором. Сожалею, что у меня не было возможности побеседовать с Вами. Я буду Вам весьма признательна, если Вы сегодня днем уделите мне несколько минут. Надеюсь, это не доставит Вам неудобства.

Искренне Ваша,

Джеральдин Марш».

— Любопытно, — сказал я. — Интересно, почему она вдруг захотела увидеться с вами?

— Любопытно то, что она хочет увидеться со мной? Вы невежливы, друг мой.

Пуаро обладал отвратительной привычкой шутить не вовремя.

— Мы едем туда немедленно, друг мой, — сказал он и, заботливо смахнув воображаемую пылинку со своей шляпы, водрузил ее на голову.

Легкомысленное предположение Джейн Уилкинсон о том, что Джеральдин могла убить отца, показалось мне совершенно абсурдным. Такое мог предположить лишь полнейший тупица. Я так и сказал об этом Пуаро.

— Мозги. Мозги. Что мы на самом деле подразумеваем под этим термином? У вас бы сказали, что у Джейн Уилкинсон мозги кролика. В данном случае этот термин используется как пренебрежительный. Но возьмите кролика. Он живет и размножается, не так ли? А это в природе является признаком умственного превосходства. Очаровательная леди Эджвер не знает истории, географии, не знает она, *sans doute*[28], и классической литературы. Имя Лао-цзы вызовет у

---

[28] notes: 28
Без сомнения (*фр.*).

нее ассоциацию с породистым пекинесом, имя Мольера — с *maison de couture*[29]. Однако когда дело доходит до выбора туалета, до выгодного брака с богачом, до получения желаемого — ее успех становится феноменальным. От мнения философа о том, кто мог убить лорда Эджвера, мне не было бы никакого проку — с его точки зрения, мотивом для убийства было бы величайшее благо для большей части человечества, а так как этого достичь трудно, мало кто из философов становится убийцей. А вот безответственное мнение леди Эджвер может оказаться очень полезным, так как ее взгляды являются материалистическими и базируются на знании худшей стороны человеческой натуры.

— Наверное, в этом что-то есть, — не стал отрицать я.

– *Nous voici*[30], — сказал Пуаро. — Мне очень любопытно, зачем барышне понадобилось так срочно увидеться со мной.

— Вполне естественное желание, — сказал я, стремясь взять реванш. — Вы сами говорили об этом всего четверть часа назад. Естественное

---

[29] notes: 29
Модный дом (*фр.*).

[30] notes: 30
Зд.: Мы на месте (*фр.*).

желание увидеть вблизи нечто уникальное.

Вспомнилось испуганное лицо девушки, стоявшей в дверном проеме. Я не мог забыть горящий взгляд ее темных глаз. Та мимолетная встреча произвела на меня неизгладимое впечатление.

Нас проводили наверх, в большую гостиную, и через минуту или две к нам вышла Джеральдин Марш.

Сейчас напряжение, которое я почувствовал в ней в прошлый раз, лишь усилилось. Высокая, тоненькая, белокожая, с загнанным взглядом черных глаз, эта девушка являла собой поразительный образ.

Она держалась исключительно спокойно — что было примечательно, если учесть ее юный возраст.

— Это очень любезно с вашей стороны, месье Пуаро, что вы приехали так быстро, — сказала Джеральдин. — Сожалею, что не встретилась с вами утром.

— Вы прилегли?

— Да. Мисс Кэрролл — вы знаете, секретарь моего отца — настояла. Она была очень добра.

В голосе девушки прозвучала странная нотка недовольства, и это озадачило меня.

— Чем я могу быть вам полезен, мадемуа-

зель? — спросил Пуаро.

Поколебавшись, она ответила:

— Вы ведь приходили к моему отцу за день до того, как его убили?

— Да, мадемуазель.

— Зачем? Это он… послал за вами?

Пуаро ответил не сразу. И мне сейчас кажется, что тогда он сделал это умышленно. Он хотел подтолкнуть ее к дальнейшим вопросам. Он догадался, что она нетерпелива по характеру. Что она хочет получать все и сразу.

— Он боялся чего-то? Расскажите мне. Расскажите. Я должна знать. Кого он боялся? Почему? Что он сказал вам? Ой, ну почему вы молчите?

Я тогда подумал, что ее спокойствие напускное. Что оно скоро будет сломлено. Она подалась вперед, нервно сплетая и расплетая пальцы лежавших на коленях рук.

— То, что происходило между мной и лордом Эджвером, конфиденциально, — медленно проговорил Пуаро.

Ее взгляд не отрывался от его лица.

— Тогда разговор шел о семье… в том смысле, что он наверняка должен был касаться семьи. О, вот вы сидите тут и мучаете меня! Почему вы не хотите рассказывать? Мне надо знать. Для меня

это важно. Поверьте мне.

И опять Пуаро медленно покачал головой. Очевидно, что он пребывал в глубоком недоумении.

— Месье Пуаро. — Джеральдин выпрямилась. — Я его дочь. Я вправе знать, чего мой отец боялся в последний день своей жизни. Нечестно оставлять меня в неведении. Нечестно по отношению к нему… не рассказывать мне.

— Значит, вы были так сильно привязаны к отцу, мадемуазель? — мягко спросил Пуаро.

Она отпрянула, словно ужаленная.

— Привязана? — прошептала она. — Привязана. Я… я…

Неожиданно ее самообладание рухнуло. Из горла Джеральдин вырвался смех. Девушка откинулась на спинку и продолжала и продолжала хохотать.

— Как забавно, — между приступами смеха сказала она. — Как забавно… спрашивать об этом.

Истерический смех не остался незамеченным. Дверь открылась, и вошла мисс Кэрролл. Она была уверенной в себе и деловитой.

— Успокойся, Джеральдин, дорогая, не надо так. Тише. Я настаиваю. Нет. Прекращай. Я говорю серьезно. Немедленно прекращай.

Ее решительные действия возымели эффект.

Джеральдин перестала смеяться, вытерла глаза и села ровно.

— Простите, — негромко сказала она. — Со мной никогда такого не случалось.

Мисс Кэрролл все еще с беспокойством смотрела на нее.

— Я в порядке, мисс Кэрролл. Это было глупо с моей стороны.

Она вдруг улыбнулась. Улыбка получилась горькой. Девушка сидела с прямой спиной и смотрела в никуда.

— Он спросил у меня, — бесстрастно и четко произнесла она, — была ли я привязана к отцу.

Мисс Кэрролл издала неопределенный звук, похожий на кудахтанье. Он свидетельствовал о ее нерешительности. Джеральдин же презрительно продолжила:

— Интересно, что лучше: говорить правду или лгать? Говорить правду, я думаю. Я не была привязана к отцу. Я ненавидела его.

— Джеральдин, дорогая…

— Зачем притворяться? Вы не ненавидели его, потому что он до вас не дотрагивался! Вы были одной из немногих, кого он не терроризировал! Вы воспринимали его как работодателя, который платил вам хорошее годовое жалованье. Его гнев

и странности вас не интересовали — вы их игнорировали. Я знаю, что бы вы сказали — «каждый должен с чем-то мириться». Вы всегда были жизнерадостны и равнодушны. Вы очень сильная женщина. Вы вообще не человек. Но ведь вы могли в любую минуту уйти из дома. А я не могла. Мое место было здесь.

— Послушай, Джеральдин, я думаю, не стоит углубляться во все это. Часто случается, когда отец и дочь не находят общего языка. И чем меньше об этом будут говорить, тем лучше, я уверена.

Джеральдин повернулась к ней спиной и обратилась к моему другу:

— Месье Пуаро, я ненавидела своего отца. Я рада, что он мертв. Для меня это означает свободу, свободу и независимость. Я ни в малейшей степени не горю желанием найти убийцу. Насколько можно судить, у человека, который убил его, на это имелись причины, причем веские, если оценивать их по его действиям.

Пуаро устремил на нее задумчивый взгляд:

— Это слишком опасный взгляд, чтобы придерживаться его, мадемуазель.

— Если кого-то вздернут, это вернет отца к жизни?

— Нет, — сухо ответил Пуаро. — Но может спа-

сти жизнь другим невинным людям.

— Я не понимаю.

— Человек, который убил один раз, мадемуазель, почти наверняка убьет снова, а может, еще раз и еще.

— Я в это не верю. Нет… только не нормальный человек.

— Вы имеете в виду человека, страдающего манией убийства? Да, это верно. Одна жизнь отнята — возможно, после страшной борьбы с совестью убийцы. Потом — когда возникает угроза — второе убийство дается гораздо легче в моральном плане. При малейшем подозрении следует третье. Так постепенно возникает гордость своим мастерством — убийство становится *métier*[31]. И совершается почти с наслаждением.

Девушка спрятала лицо в ладонях.

— Ужасно. Ужасно. Это неправда.

— Предположим, я сказал бы вам, что это уже случилось? Что убийца — чтобы спасти себя — убил во второй раз?

— Что это значит, месье Пуаро? — вскричала мисс Кэрролл. — Еще одно убийство? Где? Кого?

Мой друг покачал головой.

---

[31] notes: 31
Ремеслом (*фр.*).

— Это было всего лишь иллюстрацией. Прошу простить меня.

— О, ясно. На мгновение я и в самом деле подумала… Итак, Джеральдин, надеюсь, ты закончила нести полнейшую чушь?

— Как я вижу, вы на моей стороне, — сказал Пуаро с легким поклоном.

— Я не верю в смертную казнь, — сказала мисс Кэрролл. — А так я на вашей стороне. Общество нужно защищать.

Джеральдин встала и пригладила волосы.

— Простите, — сказала она. — Боюсь, я выставила себя полной дурой. Вы все еще отказываетесь рассказывать мне, зачем отец вызвал вас?

— Вызвал его? — в искреннем изумлении переспросила мисс Кэрролл.

— Вы меня неправильно поняли, мисс Марш. Я не отказывался. — Пуаро был вынужден открыть карты. — Я лишь размышлял, какая часть той беседы должна оставаться конфиденциальной. Ваш отец не вызывал меня. Я сам попросил его о встрече от имени своего клиента. Этот клиент — леди Эджвер.

— О! Ясно.

На лице девушки появилось странное выражение. Сначала я решил, что это разочарование.

Потом понял, что облегчение.

— Знаете, месье Пуаро, вы меня здорово напугали, — сказала мисс Кэрролл, — когда заговорили о том, что эта женщина будто бы совершила второе убийство.

Пуаро, не ответив ей, обратился к девушке:

— Вы верите, мадемуазель, что убийство совершила леди Эджвер?

Та покачала головой:

— Нет, не верю. Я не могу представить ее… убийцей. Она слишком… искусственная.

— А я не представляю, кто еще мог его совершить, — сказала мисс Кэрролл. — И я сомневаюсь, что женщины ее типа имеют хоть какие-то нравственные принципы.

— Это необязательно была она, — возразила Джеральдин. — Она могла просто прийти, повидаться с ним и уйти, а настоящий убийца — какой-нибудь сумасшедший — пришел после.

— Все убийцы психически неполноценны, в этом у меня нет никаких сомнений, — заявила мисс Кэрролл. — Внутренняя секреция желез.

В этот момент дверь открылась. Вошел мужчина — и тут же замер, смутившись.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я не знал, что тут кто-то есть.

Джеральдин вынуждена была представить мужчин друг другу:

— Мой кузен, лорд Эджвер. Месье Пуаро. Всё в порядке, Рональд. Ты нам не помешал.

— Ты уверена, Дина? Как поживаете, месье Пуаро? Ваши серые клеточки трудятся над нашей семейной тайной?

Я напряг память. Это круглое, приятное и пустое лицо, эти глаза с едва заметными мешками, эти маленькие усики, как остров, примостившиеся в центре лица… Конечно же! Это он сопровождал Карлотту Адамс в тот вечер, когда мы ужинали в номере Джейн Уилкинсон.

Капитан Рональд Марш. Ныне лорд Эджвер.

Глава 13
Племянник

Новый лорд Эджвер оказался наблюдательным и заметил, как я слегка вздрогнул.

— А, вспомнили! — дружелюбно произнес он. — Ужин у тети Джейн. Я немного перебрал, да? Но я тешил себя мыслью, что это прошло незамеченным.

Пуаро стал прощаться с Джеральдин Марш и мисс Кэрролл.

— Я пойду с вами, — весело заявил Рональд.

Спускаясь по лестнице, он продолжал говорить:

— Чудная штука жизнь. Вчера тебя на порог не пускают, а сегодня ты владелец поместья… Мой печальной памяти дядюшка вышвырнул меня из дома, знаете ли, три года назад. Но я думаю, что вы и так об этом знаете, да, месье Пуаро?

— Об этом упоминали, так что да, — сухо ответил тот.

— Еще бы. События такого рода не могли не выплыть наружу. Серьезный сыщик не вправе пропустить такое. — Он хмыкнул, затем распах-

нул дверь в столовую. — Выпейте чего-нибудь перед уходом.

Пуаро отказался. Я тоже. Но молодой человек смешал себе коктейль, при этом продолжая говорить.

— Вернемся к убийству, — жизнерадостно разглагольствовал он. — За одну короткую ночь я превратился из печали кредиторов в надежду торговцев. Вчера мне в лицо смотрела гибель, сегодня у меня полный достаток. Да благословит Господь тетю Джейн. — Он одним глотком опустошил свой стакан и совсем другим тоном обратился к моему другу: — А если серьезно, месье Пуаро, то что вы здесь делаете? Четыре дня назад тетя Джейн мелодраматически вопрошала: «Кто избавит меня от этого высокомерного тирана?», — а потом взяла и сама избавилась! Надеюсь, без вашей помощи? Идеальное преступление, авторство Эркюля Пуаро, бывшей ищейки.

Пуаро улыбнулся:

— Я приехал сюда сегодня в ответ на письмо мисс Джеральдин Марш.

— Осторожный ответ, а? Нет, месье Пуаро, для чего вы здесь на самом деле? Какая причина побуждает вас интересоваться смертью моего

дяди?

— Мне всегда были интересны убийства, лорд Эджвер.

— Но вы их не совершаете. Вы очень осторожны. Вам следовало бы научить осторожности тетю Джейн. Осторожность и чуть больше маскировки. Вы простите меня за то, что я называю ее тетей Джейн? Меня это забавляет. Вы заметили, как она на днях изменилась в лице, когда я назвал ее так? Она не имела ни малейшего понятия, кто я такой.

– *En verité?*[32]

— Да. Меня вышвырнули за три месяца до того, как она здесь появилась.

Глупое жизнерадостное выражение на мгновение исчезло с его лица. И тут же появилось:

— Красивая женщина. Но без хитрости. Грубые методы, а?

Пуаро пожал плечами:

— Вполне возможно.

Рональд посмотрел на него с любопытством:

— Мне кажется, вы считаете, что она этого не делала. Значит, она и вас окрутила, да?

— Я восхищаюсь ее красотой, — ровным голо-

---

[32] notes: 32
В самом деле? (*фр.*)

сом сказал Пуаро. — А еще… ее алиби.

Последнее слово он произнес очень тихо.

— Алиби? — встрепенулся молодой человек.

— Возможно, лорд Эджвер, вы не знаете, что в тот вечер леди Эджвер была на приеме в Чизике как раз в то время, когда ее якобы видели здесь.

Рональд чертыхнулся:

— Значит, она все же поехала! Как это по-женски… В шесть она выпендривается, заявляя, что никакая сила на свете не заставит ее ехать туда, а минут через десять, как я предполагаю, передумывает! Когда планируешь убийство, ни в коем случае нельзя рассчитывать на то, что женщина поступит так, как говорит. Вот так рушится идеальный план убийства. Нет, месье Пуаро, я не беру вину на себя. Ой, только не думайте, что я не могу прочесть те мысли, что крутятся у вас в голове. И кто же Естественный Подозреваемый? Всем известный Порочный и Никчемный Племянник.

Он откинулся на спинку кресла и рассмеялся:

— Я экономлю ваши серые клеточки, месье Пуаро. Вам не понадобится охотиться за кем-нибудь, кто видел меня в обществе тети Джейн, когда та распиналась о своем «никогда-никогда-никогда». Я был там. Так что вы задаетесь вопросом: а правда ли, что Порочный Племянник, нацепив

светлый парик и шляпку, заявился сюда прошлым вечером?

Явно наслаждаясь ситуацией, он оглядел нас обоих. Пуаро, склонив голову набок, внимательно наблюдал за ним. Я же чувствовал себя весьма неуютно.

— У меня был мотив — о да, мотив имелся. И я сделаю вам подарок в виде ценной и важной информации. Вчера утром я навещал своего дядю. Зачем? Чтобы попросить денег. Давайте, облизывайтесь. Именно чтобы попросить денег. А ушел я без них. И вечером того же дня — того же самого дня — лорда Эджвера настигает смерть. Между прочим, хорошее название. «Смерть лорда Эджвера». Хорошо смотрелось бы на книжных полках.

Он помолчал. Пуаро ничего не сказал.

— Честное слово, мне льстит ваше внимание, месье Пуаро. А у капитана Гастингса такой вид, будто он увидел привидение — или вот-вот увидит… Не надо так пугаться, старина. Успокойтесь. Итак, на чем мы остановились? Ах да, на деле против Порочного Племянника. Вина должна пасть на новоявленную тетушку. Племянник, знаменитый тем, что когда-то играл женские роли, исполняет свою лучшую роль. Женским голосом он называется леди Эджвер и маленькими

шажками проходит мимо дворецкого. Ни у кого никаких подозрений. «Джейн», — восклицает мой любимый дядюшка. «Джордж», — взвизгиваю я, бросаюсь ему на шею и аккуратно протыкаю его перочинным ножом. Остальные детали можно опустить, они чисто медицинские. Фальшивая дама уходит. И ложится отдыхать после хорошо сделанной работы.

Он рассмеялся и, встав, налил себе новую порцию виски с содовой, а затем неспешно вернулся в свое кресло.

— Все отлично складывается, не так ли? Но, видите ли, суть дела в другом. В разочаровании! В неприятном ощущении, что тебя провели. А теперь, месье Пуаро, мы подходим к алиби!

Залпом выпив виски, он продолжил:

— Я ужасно люблю алиби. Читая детективный роман, сажусь за стол и делаю пометки, когда речь заходит об алиби. Это алиби просто великолепное. Три сильных еврейских свидетеля. Проще говоря, мистер, миссис и мисс Дортхаймер. Очень богатые и очень музыкальные. У них есть ложа в Ковент-Гардене. В эту ложу они приглашают перспективных молодых людей. Я, месье Пуаро, как раз такой перспективный молодой человек — лучшее, скажем, на что они могут надеяться.

Люблю ли я оперу? Если честно, то нет. Но мне нравится шикарный обед на Гросвенор-сквер перед спектаклем, а еще мне нравится шикарный ужин после, даже если я вынужден танцевать с Рейчел Дортхаймер и потом два дня мучиться от онемения руки. Так что вот, месье Пуаро. Когда из дядюшки утекала жизнь, я нашептывал милую чепуху в украшенное бриллиантовой сережкой ушко белокурой (прошу прощения, темноволосой) Рейчел в ложе Ковент-Гардена. Ее длинный еврейский нос подрагивал от полноты чувств. Теперь вы понимаете, месье Пуаро, почему я могу позволить себе такую откровенность. — Помолчав, он спросил: — Надеюсь, вам не наскучил мой рассказ. Еще есть вопросы?

— Уверяю вас, я совсем не соскучился, — сказал Пуаро. — Раз уж вы так добры, сделайте милость, ответьте на еще один вопрос, который мне хотелось бы задать.

— С радостью.

— Как давно, лорд Эджвер, вы знакомы с мисс Карлоттой Адамс?

Молодой человек ожидал чего угодно, но не этого. Он вдруг подался вперед, на его лице появилось совершенно иное выражение:

— Зачем, ради всего святого, вы хотите это

узнать? Как это связано с тем, о чем мы говорим?

— Мне просто любопытно, вот и всё. Что до другого, то вы так подробно разъяснили все, что можно было разъяснить, что у меня отпала надобность задавать вопросы.

Рональд окинул его внимательным взглядом. Создавалось впечатление, что ему не понравилась покладистость Пуаро. Он предпочел бы, подумал я, чтобы тот был более недоверчив.

— С Карлоттой Адамс? Дайте подумать… Примерно год. Чуть дольше. Я познакомился с ней в прошлом году, когда она давала свое первое представление.

— Вы хорошо ее знали?

— Да, довольно хорошо. Она не из тех, кого можно узнать до конца. Сдержанная, и все такое.

— Но она вам нравилась?

Рональд удивленно уставился на него:

— Жаль, что я не знал о вашем интересе к этой даме… Это потому, что я был с ней в тот вечер? Да, она мне очень нравилась. Умеет сострадать — выслушает человека, а потом заставляет его почувствовать себя значимой фигурой.

Пуаро кивнул:

— Я вас понимаю. Тогда вынужден вас опечалить.

— Опечалить? Чем?

— Она мертва.

— Что? — Рональд подскочил. — Карлотта мертва? — Было видно, что новость ошеломила его. — Вы разыгрываете меня, месье Пуаро. В последний раз, когда мы виделись, Карлотта была в добром здравии.

— А когда вы виделись? — быстро спросил Пуаро.

— Позавчера, кажется… Не помню.

– *Tout de même*[33], она мертва.

— Как-то очень неожиданно… А от чего? Уличное происшествие?

Пуаро бросил взгляд на потолок.

— Нет. Она приняла слишком большую дозу веронала.

— О! Ясно… Бедняжка. Очень печально.

– *N'est ce pas?*[34]

— Я действительно очень сожалею. А ведь она так успешно выступала… Собиралась перевезти сюда свою сестру, строила всякие планы… Проклятье. Даже не могу выразить, как мне жаль.

— Да, — сказал Пуаро. — Печально умирать та-

---

[33] notes: 33
И все же (*фр.*).

[34] notes: 34
Не так ли? (*фр.*)

кой молодой… когда совсем не хочется умирать… когда впереди у тебя безоблачное будущее и есть все для безбедной жизни.

В глазах Рональда промелькнуло любопытство:

— Я не совсем понял вас, месье Пуаро.

— Разве? — Мой друг встал и протянул руку. — Я выражаю свои мысли… возможно, иногда излишне категорически. Мне не нравится, когда молодые лишаются своего права на жизнь, лорд Эджвер. Случившееся мне… небезразлично. Желаю вам хорошего дня.

— О… э-э… до свидания. — Рональд выглядел ошеломленным.

Открыв дверь, я едва не столкнулся с мисс Кэрролл.

— Ой, месье Пуаро, мне сказали, что вы еще не ушли… Я хотела бы поговорить с вами, если можно. Вы не против пройти в мою комнату?

— Речь о девочке, Джеральдин, — сказала секретарша, когда мы вошли в ее святилище и она закрыла дверь.

— Да, мадемуазель?

— Она сегодня наговорила всякой чепухи… Не возражайте, именно чепухи. Именно так я называю это. Полная чепуха. Она переживает.

— Я заметил, что она страдает от перенапряжения, — мягко произнес Пуаро.

— Ну… сказать по правде… у нее была не самая радостная жизнь. Нет, не буду делать вид, что ей жилось хорошо. Если честно, месье Пуаро, лорд Эджвер был своеобразным человеком… он не имел ни малейшего понятия о том, как воспитывать детей. А если еще более честно, то он терроризировал Джеральдин.

Пуаро кивнул:

— Да, я подозревал нечто такое.

— Он был своеобразным человеком. Он… даже не знаю, как сказать… в общем, ему нравилось, когда его боялись. Такое впечатление, что он испытывал от этого нездоровое удовольствие.

— Действительно.

— Он был очень начитанным человеком и обладал значительным интеллектом. Но в некоторых аспектах… ну, сама я с этой стороной его натуры не сталкивалась, но она присутствовала… я не удивлена, что жена бросила его. В смысле эта жена. Только имейте в виду, я ее не одобряю. Я вообще не собираюсь высказывать свое мнение об этой женщине. Но, выйдя замуж за лорда Эджвера, она получила все и даже больше того, что заслуживала. В общем, она бросила его — и все

кости целы, как говорится. А вот Джеральдин не могла уйти от него. Он вообще надолго забывал о ней, а потом вдруг вспоминал. Я иногда думала… хотя, наверное, мне не следует говорить об этом…

— Говорите, мадемуазель, говорите.

— Ну, иногда я думала, что он таким образом мстит матери… своей первой жене. Она была нежным созданием с очень мягким характером. Мне всегда было жаль ее. Я бы не рассказывала об этом, месье Пуаро, если б не сегодняшний глупый срыв Джеральдин. То, что она говорила о своем отце, может показаться странным любому, кто не знает.

— Большое спасибо, мадемуазель. Как я понимаю, лорд Эджвер поступил бы куда лучше, если б не женился.

— Именно так.

— Он подумывал о том, чтобы жениться в третий раз?

— Как же он мог? Ведь его жена была жива.

— Давая ей свободу, он освобождал и самого себя.

— Думаю, ему хватило проблем с двумя женами, — мрачно произнесла мисс Кэрролл.

— Итак, вы считаете, вопрос о третьем браке не

стоял. У него никого не было? Подумайте, мадемуазель. Никого?

Мисс Кэрролл покраснела:

— Не понимаю, почему вы цепляетесь за одно и то же. Естественно, у него никого не было.

Глава 14
Пять вопросов

— Зачем вы стали расспрашивать мисс Кэрролл, не собирался ли лорд Эджвер жениться еще раз? — спросил я, когда мы ехали домой.

— Я просто подумал, *mon ami*, что такая вероятность существовала.

— Почему?

— Я мысленно искал что-то такое, что могло бы объяснить внезапную *volte face*[35] лорда Эджвера в отношении развода. В этом есть нечто любопытное, друг мой.

— Да, — задумчиво протянул я. — Это довольно странно.

— Видите ли, Гастингс, лорд Эджвер подтвердил все то, что нам рассказала мадам. Она нанимала всевозможных адвокатов, но он отказывался хоть на дюйм сдвинуться с места. Нет, он не соглашался на развод. И вдруг уступает!

— Или он нам так сказал, — напомнил я ему.

— Абсолютно верно, Гастингс. Вы сделали

---

[35] notes: 35
Перемена (*фр.*).

совершенно справедливое замечание. Так он сказал. У нас нет никаких доказательств того, что то письмо было написано. *Eh bien*, с одной стороны, этот господин лжет. По какой-то причине он рассказывает нам выдумку, прикрас. Так ли на самом деле? Мы не знаем. Но гипотетически если он все же написал то письмо, то у него должна была иметься для этого причина. Первое, что, естественно, приходит на ум — что он встретил какую-то даму и пожелал на ней жениться. Это великолепно объясняет его внезапную перемену решения. И поэтому, естественно, я навожу справки.

— Мисс Кэрролл категорически отвергла эту идею, — сказал я.

— Да. Мисс Кэрролл… — проговорил Пуаро и замолчал.

— К чему вы ведете? — с нетерпением спросил я.

Пуаро — мастер своим тоном вселять сомнения.

— Какая причина могла побудить ее солгать? — не унимался я.

– *Aucune…*[36] *aucune*. Однако, видите ли, Га-

---

[36] notes: 36
Никакая (*фр.*).

стингс, трудно доверять ее свидетельским показаниям.

— Вы думаете, она лжет? Но зачем? Она кажется мне порядочным человеком.

— Так и есть. Иногда нелегко провести грань между намеренной ложью и бескорыстной неточностью.

— Что вы имеете в виду?

— Одно дело — лгать намеренно. А вот быть абсолютно уверенным в том, что определенные детали не имеют значения для ваших фактов, для ваших идей и вообще для истины, — это, друг мой, особое качество чрезвычайно честного человека. Заметьте, мисс Кэрролл уже сказала нам одну ложь. Она говорила, что видела Джейн Уилкинсон, хотя на самом деле видеть ее не могла. Как подобное произошло? Взгляните на это с такой точки зрения. Она смотрит вниз и видит в холле Джейн Уилкинсон. У нее не возникает ни малейшего сомнения в том, что это действительно Джейн Уилкинсон. Она знает, что это Джейн. Она говорит, что отчетливо видела ее лицо, — она уверена в своих фактах, а вот конкретные детали для нее значения не имеют! Ее внимание обращают на то, что видеть лицо она не могла. Разве? Ну, какая разница, видела она лицо или нет — это

точно была Джейн Уилкинсон. Та же история и с другими вопросами. Она знает, и точка. И на все вопросы отвечает в свете своего знания, а не потому, что помнит факты. К уверенному свидетелю нужно относиться с подозрением, друг мой. А полагаться на сомневающегося свидетеля, который не помнит, не уверен, хочет подумать минутку — ах да, было вот так! — гораздо надежнее!

— О, боже, Пуаро! — воскликнул я. — Вы разрушили все мои представления о свидетелях.

— В ответ на мой вопрос о желании лорда Эджвера жениться еще раз она высмеивает идею просто потому, что такая мысль никогда не приходила ей в голову. Она не берет на себя труд вспомнить, не было ли хоть малейших признаков, указывавших на такое желание. В результате этого мы находимся там, где были раньше.

— Однако ее, кажется, совсем не огорошило ваше замечание о том, что она не могла видеть лицо Джейн Уилкинсон, — напомнил я.

— Да. И поэтому я решил, что мисс Кэрролл из тех, кто склонен к бескорыстной неточности, а не к намеренной лжи. Я не вижу мотивов для намеренной лжи, если только… точно, идея!

— Вы о чем? — оживился я.

Но Пуаро покачал головой:

— Идея сама пришла мне в голову. Только это слишком невозможно… да, слишком невозможно.

Больше он ничего не сказал.

— Кажется, вам понравилась девочка, — заметил я.

— Да. Совершенно очевидно, что она была полна решимости помочь нам. А каково ваше мнение, Гастингс, по поводу высокородной Джеральдин Марш?

— Мне было жаль ее… я всей душой сочувствовал ей.

— Вас, Гастингс, всегда отличало нежное сердце. Вы расстраиваетесь каждый раз, когда красавица в печали.

— А вы разве чувствовали себя по-другому?

Пуаро мрачно покачал головой:

— Нет… у нее была безрадостная жизнь. Это ясно написано у нее на лице.

— Как бы то ни было, — с горячностью произнес я, — вы понимаете, насколько нелепым было предположение Джейн Уилкинсон… о том, что она имеет отношение к убийству.

— Без сомнения, ее алиби вполне убедительно, однако Джепп еще со мной не связывался.

— Мой дорогой Пуаро, вы хотите сказать, что,

увидев ее и поговорив с ней, вы всё еще не удовлетворены и хотите получить алиби?

– *Eh bien*, друг мой, каков результат того, что мы увидели ее и поговорили с ней? Мы понимаем, что она прошла через великие тяготы; она признает, что ненавидела своего отца и рада его смерти, и она глубоко встревожена тем, что он о чем-то говорил с нами вчера утром. И после всего этого вы заявляете: не нужно никакое алиби!

— Ее откровенность доказывает ее невиновность, — сказал я.

— Откровенность — это характерная черта всех членов семьи. Новый лорд Эджвер… каким жестом он выложил карты на стол!

— Это точно, — сказал я, улыбнувшись. — Довольно оригинальный метод.

Пуаро кивнул:

— Он… как у вас говорится… выбил почву перед нашими ногами.

— У нас из-под ног, — поправил его я. — Да, все это выставило нас в глупом виде.

— Очень любопытная мысль. Возможно, вы и выглядели глупо. Я ни в малейшей степени не чувствовал себя глупо, да и, думаю, не выглядел таковым. Как раз напротив, друг мой, я смутил его.

— Разве? — усомнился я, не помня никаких признаков смущения.

– *Si*[37], *si*. Я слушаю его… слушаю. И наконец задаю вопрос о чем-то совершенно постороннем, и это, как вы, вероятно, заметили, страшно озадачивает нашего отважного господина. Вы ничего не заметили, Гастингс.

— Я подумал, что его ужас и удивление от вести о смерти Карлотты Адамс были неподдельными, — сказал я. — А вы, как я предполагаю, назовете это хорошей игрой?

— Определить невозможно. Но я согласен, все это действительно выглядело неподдельным.

— Почему, как вы считаете, он столь цинично бросил нам в лицо все эти факты? Ради развлечения?

— Такое всегда возможно. У вас, англичан, крайне странное представление о юморе. Но это могло быть и стратегией. Если факты скрывают, они приобретают подозрительное значение. Если же факты открыто признают, они воспринимаются как менее важные по сравнению с их реальной значимостью.

— К примеру, его ссора с дядей в то утро?

---

[37] notes: 37
Да (*итал.*).

— Именно. Он знает, что этот факт рано или поздно вылезет наружу. *Eh bien*, он сам вытаскивает его на всеобщее обозрение.

— Он не так глуп, как кажется.

— О, он совсем не глуп. У него достаточно мозгов, только он не всегда ими пользуется. Как я сказал, он отлично видит, каков расклад, и открывает карты. Вы же играете в бридж, Гастингс. Скажите мне, когда так поступают?

— Вы сами играете в бридж, — рассмеялся я. — И сами отлично знаете — когда все взятки ваши и вы хотите сэкономить время и перейти к новому кругу.

— Да, *mon ami*, это истинная правда. Но иногда бывает другая причина. Я один или два раза обращал на это внимание, когда играл с *les dames*. Возможно, есть небольшие сомнения. *Eh bien, la dame*, она бросает на стол карты, говорит «все остальные мои», собирает карты и начинает сдавать. Возможно, другие игроки соглашаются с таким исходом, особенно если они не очень опытные. Заметьте, подвох не так очевиден. Чтобы понять, где он, нужно подумать. И где-то в середине следующего кона один из игроков говорит себе: «Да, но она должна была бы, хотела она того или нет, побить ту четвертую бубну у болвана, и

тогда ей пришлось бы ходить с маленькой трефы, но в этом случае сыграла бы моя девятка».

— И что вы думаете?

— Я думаю, Гастингс, что излишняя бравада — очень интересная штука. Еще я думаю, что время обедать. *Une petite omelette, n'est ce pas?*[38] А после этого, часов в девять, я хотел бы сделать еще один визит.

— Куда?

— Сначала, Гастингс, мы пообедаем. И пока не перейдем к кофе, не будем обсуждать это дело. Во время еды мозг должен служить желудку.

Пуаро сдержал слово. Мы зашли в небольшой ресторанчик в Сохо, где его хорошо знали, и там нам подали великолепнейший омлет, камбалу, курицу и *Baba au Rhum*[39], любимое лакомство Пуаро.

Затем, когда мы пили кофе, сидевший напротив Пуаро тепло улыбнулся мне.

— Мой добрый друг, — сказал он, — я завишу от вас гораздо больше, чем вы думаете.

Это неожиданное признание и озадачило меня, и обрадовало. Раньше Пуаро ничего подобного

---

[38] notes: 38
По маленькому омлету, не так ли? (*фр.*)

[39] notes: 39
Ромовая баба (*фр.*).

мне не говорил. Иногда в глубине души я испытывал легкую обиду. Казалось, он из кожи вон лез, чтобы принизить мои умственные способности.

Хотя я не считал, что его собственные способности ослабевают, я все же вдруг осознал, что в последнее время мой друг стал зависеть от моей помощи сильнее, чем можно было предположить.

— Да, — мечтательно произнес он, — возможно, вы не всегда понимаете, как это происходит, но вы часто, очень часто указываете верный путь.

Не веря своим ушам, я, запинаясь, произнес:

— Послушайте, Пуаро, я безумно рад… я в той или иной степени многому научился у вас…

Он покачал головой.

– *Mais non, ce n'est pas ça*[40]. Вы ничему не научились.

— О! — ошарашенно произнес я.

— Так и должно быть. Ни один человек не должен учиться у другого. Каждая личность должна предельно развивать свои способности, а не пытаться подражать кому-то. Я не хочу, чтобы из вас получился второй — и худший — Пуаро. Я хочу, чтобы вы были лучшим Гастингсом. И вы и есть

---

[40] notes: 40
Вовсе нет, это не так (*фр.*).

лучший Гастингс. Я нахожу, что вы являетесь почти совершенной иллюстрацией нормального разума.

— Надеюсь, во мне нет отклонений, — сказал я.

— Нет-нет. Вы идеально и совершенно сбалансированы. Вы олицетворяете здравомыслие. Вы понимаете, что это значит для меня? Когда преступник готовится совершить преступление, его первые усилия направлены на обман. Кого он стремится обмануть? Образ, который сложился в его сознании, — это образ нормального человека. Не исключено, что такого и не существует — это просто математическая абстракция. Но вы очень близко подошли к пониманию того, что это возможно. Бывают моменты, когда у вас происходит всплеск способностей, когда вы поднимаетесь над средним уровнем, и моменты — надеюсь, вы простите меня, — когда вы опускаетесь в интересные глубины тупости; но при этом для всех вы, как ни удивительно, остаетесь нормальным. *Eh bien*, какая мне от этого польза? А вот такая. Я вижу, как в вашем сознании, словно в зеркале, отражается именно то, во что пытается заставить меня поверить преступник. Это ужасно полезно и поучительно.

Я не все понял. Мне показалось, что в словах

Пуаро совсем нет похвалы. Однако мой друг быстро развеял это впечатление.

— Я плохо выразился, — сказал он. — Вы умеете заглянуть в сознание преступника, чего я сам не умею. Вы показываете мне, во что преступник заставляет меня поверить. Это великий дар.

— Заглянуть в сознание, — повторил я. — Да, наверное, я наделен проницательностью.

Я устремил на него взгляд. Пуаро курил свои крохотные сигаретки и с величайшим дружелюбием смотрел на меня.

– *Ce cher*[41] Гастингс, — сказал он, — я и в самом деле искренне привязан к вам.

Мне было приятно это слышать, однако я смутился и поспешил сменить тему.

— Ладно вам, — деловито произнес я, — давайте поговорим о деле.

– *Eh bien*. — Пуаро откинулся на спинку, прищурился и медленно выдохнул дым. — *Je me pose des questions*[42].

— И?.. — с энтузиазмом откликнулся я.

— Вы, без сомнения, тоже?

— Естественно, — ответил я, тоже откинулся на

---

[41] notes: 41
Дорогой (*фр.*).

[42] notes: 42
Я задаю себе вопросы (*фр.*).

спинку, прищурился и выдал: — Кто убил лорда Эджвера?

Пуаро тут же сел прямо и замотал головой:

— Нет-нет. Вовсе нет. Разве это вопрос, а? Вы как те, кто читает детективный роман и по очереди подозревает всех героев безо всякого на то основания. Когда-то, согласен, я и сам вынужден был так поступить. Но то был исключительный случай. Как-нибудь я расскажу вам о том деле. Это предмет моей гордости… Но о чем мы говорили?

— О вопросах, которые вы задаете себе, — сухо напомнил я.

Я не мог избавиться от ощущения, что нужен Пуаро лишь в качестве компаньона, перед которым можно хвастаться. Эти слова так и рвались у меня с языка, но я сдержался. Если ему так нравится вразумлять кого-то — пусть.

— Начинайте, — предложил я. — А мы послушаем.

Его тщеславию только это и было надо. Пуаро опять откинулся на спинку и заговорил:

— Первый вопрос мы уже обсудили. Почему лорд Эджвер изменил свое отношение к разводу? Парочка идей напрашивается сама собой. Одну вы знаете.

Второй вопрос, что я задаю себе: что случилось

с тем письмом? Кто был заинтересован в том, чтобы лорд Эджвер и его жена юридически оставались связанными друг с другом?

Третий: что означало выражение на его лице, когда вы вчера утром оглянулись, выходя из библиотеки? У вас есть какие-нибудь ответы, Гастингс?

Я покачал головой:

— Я так и не понял его.

— Вы уверены, что вам это не привиделось? Иногда, Гастингс, ваше воображение становится *un peu vif*[43].

— Нет, не привиделось, — твердо произнес я. — Я уверен, что не ошибся.

– *Bien*. Тогда этот факт требует объяснения. Мой четвертый вопрос касается пенсне. Ни Джейн Уилкинсон, ни Карлотта Адамс не носили очки. Тогда что те делали в сумочке Карлотты Адамс?

Теперь пятый вопрос. Зачем кому-то понадобилось телефонным звонком выяснять, находится ли Джейн Уилкинсон в Чизике, и кто этот человек?

Вот, друг мой, вопросы, которые мучают меня. Если б я мог на них ответить, мой разум возли-

---

[43] notes: 43
Слишком живым (*фр.*).

ковал бы. Если б я мог сложить версию, которая приемлемо объясняла бы все факты, мое *amour propre* так не страдало бы.

— Есть и еще вопросы, — сказал я.

— Например?

— Кто вдохновил Карлотту Адамс на этот розыгрыш? Где она находилась вечером до и после десяти часов? Кто этот Д, что подарил золотую коробочку?

— Эти вопросы и так очевидны, — сказал Пуаро. — В них нет нюансов. Это просто то, чего мы не знаем. Все они касаются фактов. Мы можем получить ответы на них в любую минуту. Мои же вопросы, *mon ami*, психологические. Маленькие серые клеточки мозга…

— Пуаро, — произнес я в отчаянии, чувствуя, что должен остановить его любой ценой. Я не вынес бы, если б пришлось выслушивать все это снова. — Вы говорили о каком-то визите.

Мой друг посмотрел на часы.

— Верно, — сказал он. — Я телефонирую и выясню, удобно ли.

Он ушел. Вернувшись через несколько минут, сказал:

— Поехали. Всё в порядке.

— Куда мы едем? — спросил я.

— В дом сэра Монтегю Корнера в Чизик. Я хотел бы знать чуть больше о том телефонном звонке.

Глава 15
Сэр Монтегю Корнер

Было почти десять, когда мы добрались до Чизика. Дом сэра Монтегю Корнера был большим и стоял на реке, протекавшей через его владения. Нас пригласили в отделанный красивыми панелями холл. Справа, в открытую дверь, мы увидели столовую с длинным полированным столом, который освещали свечи.

— Соблаговолите пройти за мной.

Дворецкий повел нас по широкой лестнице на второй этаж. Мы вошли в просторную комнату с окнами на реку.

— Месье Эркюль Пуаро, — объявил дворецкий.

У комнаты были правильные пропорции, и в ней царил дух старины. Приглушенный свет ламп с правильно подобранными абажурами создавал уют. В одном углу, рядом с открытым окном, стоял стол для бриджа, и за ним сидели четверо. Когда мы вошли, один из игроков встал и направился к нам.

— Искренне рад познакомиться с вами, месье Пуаро.

Я с интересом взглянул на сэра Монтегю Корнера. У него была типично еврейская внешность и маленькие умные глаза, голову украшал аккуратный тупей[44]. Роста он был невысокого — не более пяти футов и восьми дюймов[45], я бы сказал. Его манеры были в высшей степени жеманными.

— Позвольте представить вам мистера и миссис Уидберн.

— Мы знакомы, — радостно сказала миссис Уидберн.

— И мистера Росса.

Росс оказался молодым человеком лет двадцати двух с приятным лицом и светлыми волосами.

— Я помешал вашей игре. Миллион извинений, — сказал Пуаро.

— Вовсе нет. Мы еще не начинали. Только сдали карты. Кофе, месье Пуаро?

От кофе мой друг отказался, но согласился выпить старого бренди. Его подали нам в огромных бокалах, более похожих на кубки.

Пока мы пили его, сэр Монтегю вел серьезный разговор. Он разглагольствовал о японских гра-

---

[44] notes: 44
Тупей — небольшой парик, накладка.

[45] notes: 45
Около 178 см.

вюрах, о китайском лаке, о персидских коврах, о французских импрессионистах, о современной музыке и о теориях Эйнштейна. После этого замолчал и милостиво улыбнулся нам, явно наслаждаясь своим представлением. В неярком свете сэр Монтегю напоминал алхимика из Средневековья. Комнату украшали изысканные образцы искусства и культуры.

— А теперь, сэр Монтегю, — сказал Пуаро, — я перестану злоупотреблять вашей добротой и перейду к цели своего визита.

Тот неопределенно взмахнул рукой с похожими на когти пальцами, однако было ясно, что ему интересно.

— Нам некуда торопиться. Время бесконечно.

— Здесь это ощущается особо, — вздохнула миссис Уидберн. — Дом так прекрасен…

— Я и за миллион фунтов не согласился бы жить в Лондоне, — сказал сэр Монтегю. — А здесь царит мирная атмосфера старины, которую — увы! — мы утратили в наше суетливое время.

Мне в голову пришла озорная мысль, что, если б кто-то на самом деле предложил сэру Монтегю миллион фунтов, мирная старина отправилась бы в забвение, однако я подавил в себе эти еретические настроения.

— Что значат деньги, в конце концов? — произнесла миссис Уидберн.

— Ах! — задумчиво протянул мистер Уидберн и с рассеянным видом принялся бренчать монетами в своем кармане.

— Чарльз, — с упреком сказала миссис Уидберн.

— Прости, — сказал тот и замер.

— Мне кажется, это непростительно — говорить о преступлении в такой атмосфере, — с виноватым видом заговорил Пуаро.

— Вовсе нет. — Сэр Монтегю опять взмахнул рукой. — Преступление может быть произведением искусства. Детектив может быть художником. Я имею в виду, естественно, не полицию. Сегодня у нас тут побывал инспектор. Он, к примеру, никогда не слышал о Бенвенуто Челлини.

— Он, я полагаю, приходил насчет Джейн Уилкинсон, — сообщила миссис Уидберн.

— Даме повезло, что в тот вечер она была у вас, — сказал Пуаро.

— По всей видимости, — сказал сэр Монтегю. — Я пригласил ее, зная, что она красива и талантлива. А еще я надеялся, что смогу быть ей полезен — ведь она подумывает о том, чтобы заняться управлением… Но судьба рассудила

иначе, и я оказался полезен ей совсем в другом плане.

— Джейн крупно повезло, — сказала миссис Уидберн. — Она ужасно хотела избавиться от Эджвера, а тут кто-то взял да и избавил ее от кучи проблем. Теперь она выйдет за молодого герцога Мертона. Все так говорят. Его мать категорически против.

— На меня она произвела благоприятнейшее впечатление, — снисходительно заявил сэр Монтегю. — В частности, высказала несколько очень умных замечаний насчет греческого искусства.

Я мысленно улыбнулся, представив, как Джейн своим магическим хрипловатым голосом произносит «да», «нет» и «в самом деле, как восхитительно». Вероятно, сэр Монтегю был из тех, кто оценивал умственные способности других по умению с должным вниманием выслушивать его собственные замечания.

— По общему мнению, Эджвер был со странностями, — сказал Уидберн. — Думаю, он сумел нажить себе врагов.

— А правда ли, месье Пуаро, — спросила миссис Уидберн, — что кто-то всадил перочинный ножик в заднюю часть его мозга?

— Истинная правда, мадам. Удар был нанесен

точно и верно — по сути, по науке.

— Я вижу, что вы, месье Пуаро, испытываете наслаждение истинного художника, — сказал сэр Монтегю.

— А теперь, — сказал мой друг, — позвольте мне перейти к цели своего визита. Когда леди Эджвер была здесь на ужине, ее вызвали к телефону. Вот об этом телефонном звонке мне и нужна информация. Возможно, вы разрешите мне опросить вашу челядь по этому поводу?

— Конечно. Конечно. Будьте любезны, Росс, просто нажмите на звонок.

На вызов явился дворецкий. Это был высокий мужчина средних лет с внешностью священника.

Сэр Монтегю объяснил, что требуется. Дворецкий, всем своим видом демонстрируя вежливое внимание, повернулся к Пуаро.

— Кто взял трубку, когда зазвонил телефон? — начал тот.

— Я лично, сэр. Телефон находится в нише за холлом.

— Кого звонивший попросил позвать, леди Эджвер или мисс Джейн Уилкинсон?

— Леди Эджвер, сэр.

— Что конкретно было сказано?

Дворецкий на мгновение задумался:

— Насколько я помню, сэр, я сказал «алло». Голос на том конце спросил, правильно ли, что это Чизик сорок три, четыреста тридцать четыре. Я ответил, что правильно. Он попросил меня не вешать трубку. Потом другой голос спросил, правильно ли, что это Чизик сорок три, четыреста тридцать четыре, и на мой утвердительный ответ сказал: «А леди Эджвер там ужинает?» Я ответил, что ее светлость действительно ужинает тут. Голос сказал: «Мне бы поговорить с ней. Позовите ее, пожалуйста». Я сообщил об этом ее светлости, она сидела за обеденным столом. Ее светлость встала, и я проводил ее до телефонного аппарата.

— А потом?

— Ее светлость взяла трубку и сказала: «Алло, кто говорит?» Затем она сказала: «Да, все верно. Я леди Эджвер». Я уже собирался оставить ее светлость в одиночестве, но тут она сказала, что звонок прервался. Что кто-то расхохотался, а потом бросил трубку. Она спросила у меня, представился ли тот, кто звонил. Никто себя не называл. Вот так все и было, сэр.

Пуаро нахмурился.

— Месье Пуаро, вы действительно думаете, что

звонок как-то связан с убийством? — спросила миссис Уидберн.

— Невозможно сказать наверняка, мадам. Это чрезвычайно любопытное обстоятельство.

— Иногда люди звонят ради розыгрыша. Со мной так однажды было.

– *C'est toujours possible, Madame*[46]. — Мой друг снова обратился к дворецкому: — Голос звонившего был мужским или женским?

— Женским, я думаю, сэр.

— А какой голос, высокий или низкий?

— Низкий, сэр. Произносил слова аккуратно и довольно отчетливо. — Он помолчал. — Вам может показаться это забавным, сэр, но говор был как у иностранца. «Р» звучала очень примечательно.

— Не исключено, Дональд, что это мог быть и шотландец, — сказала миссис Уидберн, улыбаясь Россу.

Тот рассмеялся.

— Не виновен, — сказал он. — Я был за столом.

Пуаро опять заговорил с дворецким.

— Как вы думаете, — спросил он, — вы смогли бы узнать этот голос, если бы снова услышали

---

[46] notes: 46
Такая возможность всегда существует, мадам (*фр.*).

его?

Дворецкий колебался.

— Не могу сказать наверняка, сэр. Допускаю, что узнал бы. Думаю, это возможно, что я узнал бы его.

— Спасибо, друг мой.

— Спасибо, сэр.

Дворецкий поклонился и удалился, важный, как сам папа римский.

Сэр Монтегю Корнер так и лучился дружелюбием и продолжал играть роль почитателя старины. Он уговаривал нас остаться и сыграть в бридж. Я отказался под каким-то предлогом — ставки были выше, чем я рассчитывал. Росс, кажется, с облегчением воспринял перспективу уступить свое место другому игроку. Мы с ним сидели и наблюдали, как остальные играют. Вечер закончился существенным финансовым прибытком для Пуаро и сэра Монтегю.

После этого мы поблагодарили нашего хозяина и откланялись. Росс ушел вместе с нами.

— Странный маленький человечек, — сказал Пуаро, когда мы вышли на улицу.

Ночь была теплой, и мы решили поймать такси по дороге, а не вызывать его по телефону.

— Да, странный маленький человечек, — по-

вторил мой друг.

— И очень богатый маленький человечек, — с нажимом произнес Росс.

— Вероятно, да.

— Кажется, я ему нравлюсь, — сказал Росс. — Надеюсь, это надолго. Это много значит, когда за тобой такой человек, как он.

— Мистер Росс, ведь вы актер?

Тот подтвердил, что это так. Кажется, его опечалило то, что его имя не несет с собой мгновенного узнавания. Как выяснилось, не так давно он привлек к себе внимание публики ролью в какой-то мрачной пьесе, переведенной с русского.

Мы с Пуаро успокоили его, и мой друг вскользь спросил:

— Вы ведь знали Карлотту Адамс, не так ли?

— Нет. Сегодня вечером я видел в газете объявление о ее смерти. Передозировка какого-то препарата или что-то в этом роде. Идиотский способ у всех этих девиц одурманивать себя…

— Все это очень грустно, да. Кстати, она была умна.

— Наверное. — Он проявил характерное отсутствие интереса к чьей-либо судьбе, кроме своей.

— А вы вообще видели ее шоу? — спросил я.

— Нет. Такие представления не в моем вкусе.

Сейчас все на них помешаны, но я думаю, что такая популярность продлится недолго.

— А! — сказал Пуаро. — Вот и такси. — Он помахал тросточкой.

— Я, наверное, пройдусь до метро, — сказал Росс. — Мне от «Хаммерсмит» до дома по прямой.

Неожиданно он издал нервный смешок и сказал:

— Странная штука… Ну, я про тот ужин.

— Да?

— Нас было тринадцать. В последнюю минуту не смог прийти какой-то гость. Мы заметили это только в самом конце.

— А кто первым встал из-за стола? — спросил я.

Росс опять нервно рассмеялся.

— Я, — ответил он.

Глава 16
Обмен мнениями

Когда мы добрались до дома, то обнаружили, что нас ожидает Джепп.

— Вот, подумал заскочить и поболтать с вами, месье Пуаро, прежде чем двигаться дальше, — бодро сообщил он.

– *Eh bien*, мой добрый друг, как дела?

— Ну, не слишком хорошо. И это факт. — Он выглядел расстроенным. — Нашли что-нибудь полезное для меня, а, *мусье* Пуаро?

— У меня есть одна или две маленькие идеи, и я рад поделиться ими с вами, — ответил мой друг.

— Вы и эти ваши идеи!.. В некотором роде, знаете ли, вы сама осторожность. Нет, я готов выслушать их. В вашей такой забавной голове есть много чего интересного.

Пуаро довольно холодно принял этот комплимент.

— У вас есть идеи насчет проблемы с двойной дамой — вот что мне хотелось бы знать? А, *мусье* Пуаро? Что скажете? Кто она?

— Именно об этом я и хочу поговорить с вами.

Он спросил у Джеппа, слышал ли тот о Карлотте Адамс.

— Имя я слышал. Только на ум ничего путного не приходит.

Мой друг пояснил.

— Вот оно что! Это она делает имитации? Только чем она вас так привлекла? Зачем понадобилась вам?

Пуаро рассказал о предпринятых нами шагах и сделанных нами умозаключениях.

— Господи, похоже, вы были правы. Одежда, шляпа, перчатки, все прочее и светлый парик… Да, наверняка так. Скажу вам, вы мастер, месье Пуаро. Ловко сработано! Только я не думаю, что хоть что-то указывает на то, что ее убрали с дороги. Эта мысль кажется мне притянутой за уши. Тут я с вами не согласен. Ваша версия кажется мне немного фантастической. У меня опыта побольше вашего. Я не верю, что за всем этим стоит какой-то злодей. Хорошо, той женщиной была Карлотта Адамс, но я объяснил бы ее действия одним из двух. Она отправилась туда ради собственных целей — может, ради шантажа; ведь она намекала, что получит деньги. Они поспорили. Он разозлился, она разозлилась и прикончила его. А потом, когда вернулась домой, я бы сказал,

поддалась эмоциям. Она же не хотела убивать. Я считаю, что она приняла большую дозу специально, для нее это был самый легкий выход.

— Вы думаете, что эта версия охватывает все факты?

— Ну, естественно, есть многое, чего мы еще не знаем. Просто это хорошая версия, с которой можно работать. Другое объяснение — это то, что розыгрыш и убийство между собой никак не связаны. Что это просто дурацкое совпадение.

Пуаро не мог с этим согласиться, однако он уклончиво произнес:

– *Mais oui, c'est possible*[47].

— Ну, а как вам такое? Розыгрыш вполне невинный. Кто-то случайно узнает о нем и решает, что он ему очень на руку. Неплохая идея, правда? — Джепп помолчал и продолжил: — Но лично я предпочитаю идею номер один. А вот что связывало его светлость и ту девицу, мы так или иначе выясним.

Пуаро рассказал ему об отправленном горничной письме в Америку, и Джепп согласился в том, что оно могло бы оказать огромную помощь делу.

---

[47] notes: 47
Да, такое тоже возможно (*фр.*).

— Я сразу этим и займусь, — сказал он, делая пометку в своем маленьком блокноте. — Отдаю предпочтение версии, что эта дамочка является убийцей, потому что не могу представить, кто еще мог убить, — добавил инспектор, откладывая блокнот. — Капитан Марш теперь стал его светлостью. Его мотив прямо-таки выпирает наружу. Да и плохой послужной список… Постоянно стеснен в средствах и не слишком безупречен в отношении денег. Более того, вчера утром поругался со своим дядей… Между прочим, он сам мне об этом рассказал — что сразу лишает дело пикантности. Да, он был бы самым вероятным нашим клиентом. Но у него есть алиби на вчерашний вечер. Он был в опере с Дортхаймерами. Богатыми евреями с Гросвенор-сквер. Я проверил, и тут всё в порядке. Он пообедал с ними, потом все поехали в оперу, а затем они ужинали в «Собрание». Все так и есть.

— А мадемуазель?

— Дочка, вы имеете в виду? Ее тоже не было дома. Обедала с какими-то людьми по фамилии Картью-Уэст. Они отвезли ее в оперу, потом проводили домой. Вернулась без четверти двенадцать. Это ее полностью исключает. С дамочкой-секретаршей все, кажется, в порядке — очень деловая

и порядочная женщина. Еще есть дворецкий. Не могу сказать, что я высокого мнения о нем. Это противоестественно, чтобы мужчина был таким красавцем. Он вообще сомнительный тип… да и странно, как ему удалось пойти в услужение к лорду Эджверу. Да, я и его проверяю. Только не могу найти у него мотив для убийства.

— Свежие факты так и не выявились?

— Ну, один или два. Трудно сказать, означают они что-нибудь или нет. Во-первых, пропал ключ лорда Эджвера.

— Ключ от парадной двери?

— Да.

— Это очень интересно.

— Вот я и говорю, это может означать и много, и совсем ничего. Как посмотреть. А более важное, на мой взгляд, следующее. Вчера лорд Эджвер обналичил чек — сумма хоть и не очень крупная, но все же. Сто фунтов, между прочим. Деньги он получил во французских купюрах — вот поэтому-то и обналичил чек, ведь сегодня он собирался ехать в Париж. В общем, эти деньги исчезли.

— Кто вам это сказал?

— Мисс Кэрролл. Она сама отнесла чек в банк и получила деньги. Она рассказала мне об этом, а потом я выяснил, что они пропали.

— А где деньги находились вчера вечером?

— Мисс Кэрролл не знает. Она отдала их лорду Эджверу примерно в половине четвертого. Они были в банковском конверте. Он в тот момент находился в библиотеке. Взял конверт и положил его рядом с собой на стол.

— Это определенно наводит на размышления. Это усложняет дело.

— Или облегчает. Кстати… рана.

— Да?

— Врач говорит, что ее нанесли не обычным перочинным ножом. Чем-то похожим, но с лезвием другой формы. И оно было на удивление острым.

— Не бритвой?

— Нет. Чем-то поменьше.

Пуаро в задумчивости нахмурился.

— Новому лорду Эджверу, кажется, нравится его шутка, — заметил Джепп. — Парня здорово развлекает то, что его могут подозревать в убийстве. И ведь он позаботился о том, чтобы мы и в самом деле заподозрили его. На мой взгляд, это немного странно.

— Это может быть от недостатка ума.

— Больше похоже на угрызения совести. Смерть дяди оказалась для него очень кстати. Между прочим, он уже переехал в особняк.

— А где он жил до этого?

— На Мартин-стрит, Сент-Джордж-роуд. Не очень престижный район.

— Сделайте себе пометку, Гастингс.

Я, немного удивившись, выполнил его указание. Если Рональд перебрался на Риджент-Гейт, едва ли нам может понадобиться его прежний адрес.

— Я все же думаю, что убила эта самая Адамс, — сказал Джепп, вставая. — Хорошую работу вы сделали, *мусье* Пуаро, докопавшись до этого. Хотя что тут такого, вы же ходите по театрам и развлекаетесь… Вам в голову приходит такое, что просто не может прийти мне. Жаль, что нет очевидного мотива, но я рассчитываю, что мы скоро выясним его.

— Есть еще один человек с мотивом. Вы не обратили на него внимания, — заметил Пуаро.

— И кто же это, сэр?

— Тот самый джентльмен, который, как утверждают, хотел жениться на жене лорда Эджвера. Я имею в виду герцога Мертона.

— Да, думаю, у него точно есть мотив, — рассмеялся Джепп. — Но господа его ранга редко совершают убийства. Как бы то ни было, он в Париже.

— Значит, вы не рассматриваете его как серьезного подозреваемого?

— А вы, *мусье* Пуаро, рассматриваете?

От души посмеявшись над этой абсурдной идеей, Джепп покинул нас.

Глава 17
Дворецкий

Следующий день прошел в нашем бездействии и бурной активности Джеппа. Он заявился к нам ближе к времени чаепития. Весь пунцовый, инспектор был страшно разгневан.

— Я грубо прокололся.

— Невозможно, друг мой, — попытался успокоить его Пуаро.

— Да, прокололся. Я допустил, чтобы этот… — здесь он позволил себе выругаться, — дворецкий проскользнул у меня сквозь пальцы.

— Он исчез?

— Да. Смылся. Я костерю себя на чем свет стоит за то, что был полнейшим идиотом и даже не заподозрил его.

— Успокойтесь… успокойтесь же.

— Вам легко говорить. Посмотрел бы я на вас, если б начальство устроило вам выволочку! Ох, и мошенником же он оказался… Это не первый раз, когда ему удается ускользнуть. Он — стреляный воробей.

Джепп утер пот со лба. Он являл собой олице-

творение печали. Пуаро издал сочувственные звуки — нечто похожее на кудахтанье наседки. Обладая большими познаниями в английском характере, я налил в стакан виски и содовой и поставил его перед мрачным инспектором. Лицо того немного прояснилось.

— Что ж, — сказал он, — не откажусь.

Дальше его речь зазвучала более жизнерадостно.

— Но даже сейчас я не уверен, что он убийца! Естественно, это плохо выглядит, то, что он вот так удрал, однако для этого могли быть другие причины. Я, видите ли, начал подбираться к нему. Похоже, он замешан в каких-то неблаговидных делах в парочке сомнительных ночных клубов. Не совсем обычных. Из тех, где творятся всякие гадости. По сути, он никудышный человек.

– *Tout de même*, это необязательно означает, что он убийца.

— Именно! Может, он и занимался какими-нибудь грязными делишками, но необязательно убивал. Нет, я еще сильнее убеждаюсь в том, что это дело рук Адамс. Правда, пока мне нечем это доказать. Сегодня мои люди перерыли ее квартиру, только ничего полезного не нашли. Хитрая она была. Не хранила никаких писем, кроме несколь-

ких деловых насчет финансовых контрактов. Все аккуратно подшиты и промаркированы. Парочка качественных старомодных украшений — ничего нового или дорогого. Дневник она не вела. Расчетная и чековая книжка тоже не дали ничего полезного. Проклятье, такое впечатление, что у этой Адамс вообще не было личной жизни!

— Она была сдержанной по характеру, — сказал Пуаро. — С нашей точки зрения, это большая жалость.

— Я поговорил с женщиной, что прислуживала ей. Там тоже ничего. Еще я повидался с ее подругой, той, что держит шляпный магазин.

— А! И что вы думаете о мисс Драйвер?

— Она показалась мне ловкой и осторожной штучкой. Правда, помочь мне не смогла. Что совсем не удивило меня. Мне приходится разыскивать множество пропавших девиц, и их родственники и друзья всегда говорят одно и то же: «Она была доброго и ласкового нрава, и у нее не было друзей-мужчин». Все это всегда оказывается неправдой. Это противоестественно. У девушек должны быть друзья-мужчины. Если с этими девушками всё в порядке. А из-за этой тупоголовой преданности друзей и родственников жизнь следователя превращается в ад. — Он

замолчал, чтобы перевести дыхание, и я снова наполнил его стакан. — Спасибо, капитан Гастингс. Не откажусь. В общем, так. Тут еще охотиться и охотиться. Есть с десяток мужчин, с которыми она ужинала в ресторанах и ходила на танцы, однако ничего не указывает на то, что один значил для нее больше, чем остальные. У нас есть нынешний лорд Эджвер, еще мистер Брайан Мартин, кинозвезда, и с полдюжины других — правда, ничего особенного или существенного. Ваша идея насчет того, что за всей историей стоит какой-то человек, полностью ошибочна. Думаю, вы поймете, *мусье* Пуаро, что она играла в одиночку. Сейчас я ищу связь между ней и убитым. Такая связь должна существовать. Думаю, мне придется ехать в Париж. На той маленькой золотой коробочке было написано «Париж», а погибший лорд Эджвер, как мне рассказала мисс Кэрролл, прошлой осенью несколько раз гонял в Париж, где посещал распродажи и покупал всякие диковинки. Да, думаю, нужно ехать в Париж. Дознание завтра. Естественно, его отложат. После этого я успею на полуденное судно.

— В вас клокочет энергия, Джепп. Я восхищаюсь вами.

— Да, а вы все больше ленитесь. Сидите тут и

думаете! Заставляете работать маленькие серые клеточки, как вы говорите… Ничего хорошего в этом нет, вам все равно придется идти к расследованию. Расследование к вам не придет.

В дверь заглянула маленькая горничная:

— Мистер Брайан Мартин, сэр. Вы заняты или примете его?

— Я ухожу, *мусье* Пуаро, — Джепп поднялся. — Кажется, ваша консультация требуется всем звездам актерского мира.

Мой друг скромно пожал плечами, а Джепп рассмеялся:

— Вы, *мусье* Пуаро, должно быть, уже миллионер. Что вы делаете с деньгами? Копите?

— Вообще-то я практикую бережливость. Кстати, касательно распоряжения деньгами: как ими распорядился лорд Эджвер?

— Вся собственность, что не относится к майорату, отходит к его дочери. Пятьсот — мисс Кэрролл. Других распоряжений нет. Очень простое завещание.

— А оно было составлено… когда?

— После того как от него ушла жена — более двух лет назад. Он, кстати, нарочно исключил ее из него.

— Мстительный человек, — пробормотал Пу-

аро.

С жизнерадостным «пока» Джепп удалился.

Вошел Брайан Мартин. Одет он был безупречно и выглядел чрезвычайно красивым. Правда, я подумал, что вид у него изможденный и совсем не радостный.

— Боюсь, месье Пуаро, что я заставил себя слишком долго ждать, — тут же начал оправдываться он. — К тому же я чувствую себя виноватым в том, что зря отнял у вас время.

– *En verité?*

— Да. Я виделся с обозначенной дамой. Спорил с ней, умолял ее, но все тщетно. Она отказывается даже слышать о том, чтобы я поручил вам это дело. Так что, боюсь, все отменяется. Я очень сожалею… очень сожалею, что побеспокоил вас…

– *Du tout…*[48] *du tout*, — оживленно произнес Пуаро. — Я этого ожидал.

— Э?.. — Молодой человек явно был ошеломлен. — Вы этого ожидали? — с озадаченным видом спросил он.

– *Mais oui.* Когда вы сказали, что посоветуетесь с вашей знакомой, я уже тогда мог предсказать тот исход, что мы имеем сейчас.

---

[48] notes: 48
Отнюдь (*фр.*).

— Значит, у вас есть версия?

— Версия, мистер Мартин, всегда есть у следователя. От него этого ждут. Я же называю это не версией. Я говорю, что у меня есть одна идея. Это первый этап.

— А второй?

— Если идея оказывается верной, тогда я просто знаю! Все очень просто, как вы видите.

— Я был бы рад, если б вы рассказали, какова ваша версия… вернее, ваша идея.

Пуаро покачал головой:

— Это еще одно правило. Следователь никогда никому ничего не рассказывает.

— Неужели нельзя хотя бы намекнуть?

— Нет. Скажу одно: моя идея возникла, как только вы упомянули о золотом зубе.

Брайан Мартин изумленно уставился на него.

— Я в полном замешательстве, — заявил он. — Не могу понять, к чему вы ведете. Намекните хотя бы.

Пуаро улыбнулся и покачал головой:

— Давайте сменим тему.

— Да, но сначала… ваш гонорар… вы должны сообщить мне.

Пуаро с царственным видом взмахнул рукой.

– *Pas un sou!*[49] Я не сделал ничего, чтобы помочь вам.

— Вы потратили свое время…

— Когда дело мне интересно, я не прикасаюсь к деньгам. Ваше дело заинтересовало меня очень сильно.

— Я рад, — неуверенно произнес актер; вид у него был безрадостный.

— Итак, — сказал Пуаро, — давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Тот человек, что я встретил на лестнице, он из Скотланд-Ярда?

— Да, инспектор Джепп.

— Там было темно, поэтому я засомневался. Кстати, он приходил ко мне и расспрашивал о той бедняжке, Карлотте Адамс, которая умерла от передозировки веронала.

— Вы ведь хорошо знали ее… мисс Адамс?

— Не очень. Я познакомился с ней в детстве, в Америке. Пару раз мы пересекались, но встречались редко. Я расстроился, когда услышал о ее смерти.

— Она вам нравилась?

— Да. С ней было легко общаться.

---

[49] notes: 49
Ни единого су (*фр.*).

— Чрезвычайно благожелательный характер… да, я пришел к тому же выводу.

— Как я понимаю, они считают, что это было самоубийство? Я не знал ничего такого, что могло бы помочь инспектору. Карлотта всегда отличалась замкнутостью и о себе ничего не рассказывала.

— Не думаю, что это было самоубийство, — сказал Пуаро.

— Согласен; скорее всего это был несчастный случай.

Повисла пауза. Затем мой друг с улыбкой сказал:

— История со смертью лорда Эджвера становится все более интригующей, не так ли?

— Да, удивительная история. Вы не знаете… у них есть какие-нибудь идеи… насчет того, кто это сделал… теперь, когда ясно, что Джейн ни при чем?

– *Mais oui*, у них есть очень сильные подозрения.

Брайан Мартин встрепенулся:

— Серьезно? И кто же?

— Дворецкий исчез. Вы же понимаете: бегство — это практически признание.

— Дворецкий!.. Честное слово, вы удивили

меня.

— Человек с на удивление привлекательной внешностью. *Il vous ressemble un peu*[50]. — Пуаро склонил голову, как бы отдавая дань красоте актера.

Ну конечно же! Я понял, почему лицо дворецкого показалось мне знакомым.

— Вы льстите мне, — со смехом сказал Брайан Мартин.

— Нет, нет, нет. Разве все девушки, служанки, девочки-подростки, стенографистки, светские барышни — разве все они не восхищаются Брайаном Мартином? Есть ли хоть одна, способная противостоять вам?

— Множество, я полагаю, — ответил Мартин. Он вдруг встал. — Что ж, большое вам спасибо, месье Пуаро. Позвольте еще раз принести свои извинения за доставленные хлопоты.

Он обменялся рукопожатием с нами обоими. Неожиданно я заметил, что Мартин выглядит гораздо старше, чем казалось. Изможденность проявилась более отчетливо.

Меня стало мучить любопытство, и, как только дверь за ним закрылась, я сразу заговорил о том,

---

[50] notes: 50
Он немного похож на вас (*фр.*).

что меня интересовало:

— Пуаро, вы на самом деле ожидали, что он вернется и откажется от идеи расследовать те странные вещи, что случились с ним в Америке?

— Вы же слышали, Гастингс, что я именно это и сказал.

— Но тогда… — Я мысленно выстроил события в логическую цепочку. — Тогда вы должны догадаться, кто та таинственная девушка, с которой ему нужно было посоветоваться.

Он улыбнулся.

— У меня есть одна идея, друг мой. Как я вам говорил, все началось с упоминания о золотом зубе, и, если моя идея верна, я знаю, кто эта девушка. Я знаю, почему она не хочет, чтобы мистер Мартин обращался ко мне. Я знаю правду обо всем этом деле. Вы бы тоже знали, если б воспользовались мозгами, которыми наградил вас Господь. Иногда я склонен думать, что Он по невнимательности прошел мимо вас.

Глава 18
Другой

Я не намерен описывать дознание по поводу смерти лорда Эджвера или Карлотты Адамс. По Карлотте вердикт был «смерть от несчастного случая». По лорду Эджверу дознание отложили после того, как была проведена идентификация личности и выдано медицинское заключение. В результате анализа содержимого желудка было установлено примерное время смерти: не менее чем через час после окончания ужина с возможным продлением еще на час. Получалось, что смерть наступила между десятью и одиннадцатью часами вечера, но все же ближе к десяти часам.

Было сделано все, чтобы наружу не просочился ни один факт, касающийся перевоплощения Карлотты в Джейн Уилкинсон. Описание разыскиваемого дворецкого разместили в газетах, и у всех вроде бы сложилось впечатление, что дворецкий и есть преступник. Его рассказ о визите Джейн Уилкинсон воспринимался как неосмотрительная выдумка. Нигде не упоминались

подтверждающие показания секретаря. Во всех газетах преступлению посвящались целые колонки, но реальной информации в них было мало.

Тем временем, насколько я знал, Джепп развил бурную деятельность. Меня немного раздражала нейтральная позиция Пуаро. В голову закрадывалась мысль, что это связано с приближением старости, причем такие предположения посещали меня не впервые. Его отговорки звучали крайне неубедительно.

— В моем возрасте человек должен оберегать себя от проблем, — объяснял он.

— Послушайте, Пуаро, мой дорогой друг, вы не должны считать себя старым, — возражал я, чувствуя, что его нужно подбодрить. Лечение внушением — таково новое веяние. — Вы, как и раньше, полны сил, энергии. Вы в расцвете лет, Пуаро. На пике своих способностей. Мы могли бы мастерски раскрыть это дело, если б только захотели.

Мой друг сказал, что предпочитает вести расследование, сидя дома.

— Но так ничего не получится, Пуаро.

— Это верно, иногда не получается.

— Объясните мне, почему мы ничего не делаем? Все делает Джепп.

— Что меня в полной мере устраивает.

— А меня совсем не устраивает. Я хочу, чтобы вы занимались делом.

— Я и занимаюсь.

— Что вы делаете?

— Жду.

— Чего вы ждете?

– *Pour que mon chien de chasse me rapporte le gibier*[51], — ответил Пуаро с лукавым блеском в глазах.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду старину Джеппа. Зачем держать собаку и при этом самому лаять? Джепп принесет сюда результат той бурной деятельности, которой вы так восхищаетесь. В его распоряжении есть разнообразные средства, а у меня их нет. Очень скоро он раздобудет нам новость, я в этом не сомневаюсь.

Путем настойчивого наведения справок выяснилось: Джепп действительно медленно собирает весь материал воедино. В Париже у него ничего не получилось, но пару дней спустя инспектор пришел к нам, очень довольный собой.

— Работа продвигается медленно, — сказал

---

[51] notes: 51

Чтобы моя охотничья собака принесла мне дичь (*фр.*).

он. — Но у нас уже есть кое-что существенное.

— Поздравляю вас, друг мой. Что случилось?

— Я обнаружил, что в тот вечер некая светловолосая дама сдала в камеру хранения Юстона атташе-кейс. Когда им предъявили кейс мисс Адамс, они опознали его. Он американского производства, поэтому не совсем обычный.

— А! Юстон. Да, ближайший из больших вокзалов к Риджент-Гейт. Она, несомненно, пошла туда, переоделась и загримировалась в туалете, затем сдала кейс. А когда его забрали оттуда?

— В половине одиннадцатого. Клерк говорит, что та же самая дама.

Пуаро кивнул.

— Я наткнулся на кое-что еще. У меня есть основания считать, что в одиннадцать часов Карлотта Адамс находилась в «Лайонз-Корнер-Хаус» на Стрэнде.

— Ah! *C'est três bien ça!*[52] Как вы узнали об этом?

— Ну, скорее случайно. Видите ли, в газетах упомянули маленькую золотую коробочку с инициалами из рубинов. Об этом написал один репортер — он готовил статью о широком рас-

---

[52] notes: 52
Это очень хорошо! (*фр.*)

пространении наркозависимости среди молодых актрис… В общем, романтическая белиберда для воскресного выпуска. Роковая золотая коробочка со смертоносным содержимым, трогательный образ молодой девушки, перед которой простирается весь мир!.. И в статье он задался вопросом, где она провела свой последний вечер, что чувствовала, и все такое.

В общем, похоже, официантка из «Корнер-Хауса» прочитала статью и вспомнила, что у одной дамы, которую она обслуживала в тот вечер, была в руке как раз такая коробочка. Она запомнила инициалы на ней: К. Э. Разволновалась и рассказала об этом своим подругам — а вдруг газета премирует ее чем-нибудь?

Вся эта история заинтересовала молодого журналиста, и сегодня вечером в «Ивнинг шрик» выйдет добротная слезоточивая статья. Последние часы талантливой актрисы. Ожидание мужчины, который так и не пришел. И довесок — про сострадательную и прозорливую официантку, которая сразу поняла, что с посетительницей не все ладно. Вам, *мусье* Пуаро, ведь знаком этот треп?

— А как получилось, что все это так быстро достигло ваших ушей?

— О, ну, у нас хорошие отношения с «Ивнинг

шрик». Меня осенило, когда их подающий надежды молодой журналист пытался вытянуть из меня новые подробности. И я тут же рванул в «Корнер-Хаус»…

Да, так и должны делаться дела. Я на мгновение ощутил жалость к Пуаро. Вот Джепп, который первым узнал все эти свежие новости — вполне вероятно, что он упустил какие-нибудь важные детали, — а вот Пуаро, который безмятежно выслушивает несвежие новости.

— Я поговорил с официанткой и думаю, что здесь практически нет сомнений. По фотографии она Карлотту Адамс не узнала, но официантка и не разглядывала ту даму, как она сама мне сказала. Дама была молодой, темноволосой и стройной, и она была очень дорого одета. Так сказала официантка. И шляпка на ней была из самых модных. Жаль, что женщины не разглядывают лица так же внимательно, как шляпки…

— Лицо мисс Адамс не так-то просто рассмотреть, — сказал Пуаро. — Оно было подвижно, на нем отражались все чувства… изменчивое, как вода.

— Осмелюсь заметить, что вы правы. Я не занимаюсь анализом таких вещей. Дамочка была одета в черное, как сказала официантка, и у нее с

собой был атташе-кейс. Девушка обратила на это внимание, потому что ей показалось странным, что дорого одетая дама носит с собой кейс. Она заказала яичницу-болтунью и кофе, но официантка думает, что она просто тянула время и ждала кого-то. На руке у нее были часики, и она то и дело на них поглядывала. Официантка заметила коробочку, когда принесла счет. Дама достала ее из своей сумочки, положила на стол и смотрела на нее. Потом открыла крышку и закрыла. И при этом радостно и мечтательно улыбалась. Официантка заметила коробочку потому, что та была очень красивой. «Я бы тоже хотела иметь золотую коробочку с моими инициалами из рубинов!» — сказала она. В общем, мисс Адамс сидела там еще некоторое время после оплаты счета. Потом еще раз посмотрела на часы, сдалась и ушла.

Пуаро хмурился.

— Это было *rendezvous*[53], — пробормотал он. — *Rendezvous* с кем-то, кто не пришел. Интересно, а потом Карлотта Адамс встретилась с этим человеком? Или ей так и не удалось увидеться с ним и она вернулась домой и попыталась дозвониться до него? Хотел бы я знать… о, как бы

---

[53] notes: 53
Свидание (*фр.*).

я хотел знать!

— Это ваша версия, месье Пуаро. Таинственный кукловод на заднем плане… Такой человек — миф! Я не говорю, что она не могла ждать кого-то — такое возможно. Она могла назначить там встречу с кем-то после того, как уладит свое дело с его светлостью. Ну, мы же знаем, что произошло. Она потеряла контроль над собой и пырнула его ножом. Только она не из тех, кто надолго теряет контроль. На вокзале она изменяет внешность, достает кейс, идет на рандеву, и тут ее накрывает, как это называется, «реакция». Ужас от содеянного. И то, что ее приятель не пришел, доканчивает ее. Возможно, он знал, что она в тот вечер собиралась на Риджент-Гейт. Она чувствует, что игра окончена. И тогда она берет свою маленькую коробочку. Большая доза порошка — и конец всему. Во всяком случае, ее не вздернут на виселице. Видите, все просто, как нос у вас на лице.

Рука Пуаро нерешительно потянулась к носу, затем переместилась на усы. Он нежно и с гордостью погладил их.

— Нет никаких доказательств того, что этот таинственный кукловод, держащийся в тени, существует, — сказал Джепп, стремительно развивая свой успех. — Я пока не нашел дока-

зательств связи между ней и его светлостью, но найду обязательно — это вопрос времени. Должен признаться, что Париж меня разочаровал, но девять месяцев — это большой срок. Хотя мой человек будет и дальше наводить справки. Что-нибудь вполне может вылезти. Я знаю, что вы другого мнения. Но вы же тупоголовый старикан, вы сами это знаете.

— Сначала вы оскорбили мой нос, теперь мою голову!

— Фигура речи, вот и всё, — поспешил успокоить его Джепп. — Без обид.

— Ответ на это, — сказал я, — без обид.

Пуаро в непонимании перевел взгляд с одного из нас на другого.

— Приказы будут? — пошутил Джепп, подойдя к двери.

Мой друг милостиво улыбнулся ему.

— Приказа — нет. Предложение — да.

— О, и какое же? Выкладывайте.

— Предложение вам разослать опросные листы в такси. Найти то, которое получило плату по тарифу — или скорее по двум тарифам — от окрестностей Ковент-Гардена до Риджент-Гейт в вечер убийства. Что до времени, то примерно без двадцати минут одиннадцать.

Джепп настороженно скосил глаза. Он вдруг стал напоминать сообразительного терьера.

— Значит, такова идея, да? Ну, сделаю. Вреда не принесет — да и вы иногда знаете, о чем говорите.

Едва он ушел, Пуаро встал и принялся энергично чистить щеткой свою шляпу.

— Не задавайте вопросов, друг мой. Вместо этого принесите мне бензин. Сегодня утром мне на жилет упал кусочек омлета.

Я принес ему бензин и сказал:

— На этот раз я не вижу надобности задавать вопросы. Все кажется совершенно очевидным. Но вы тоже думаете, что все было так?

– *Mon ami*, в настоящий момент все мое внимание сосредоточено на туалете. Прошу простить меня за такие слова, но ваш галстук меня не радует.

— Вполне хороший галстук, — сказал я.

— Возможно… был когда-то. Он превращает вас в того старика, каким вы так любезно изобразили меня. Поменяйте его, умоляю вас, а еще почистите правый рукав.

— Мы что, собираемся к королю Георгу? — саркастически осведомился я.

— Нет. Но сегодня утром я увидел в газетах,

что герцог Мертон вернулся в Мертон-Хаус. Как я понимаю, он — первое лицо среди английской аристократии. И я желаю оказать ему большую честь.

В Пуаро нет ничего от социалиста.

— Мы собираемся заехать к герцогу Мертону?

— Я желаю видеть его.

Это все, что мне удалось вытянуть из него. Когда мой наряд наконец-то порадовал критический взгляд Пуаро, мы отправились в путь.

В Мертон-Хаусе лакей спросил у моего друга, назначено ли ему. Пуаро ответил отрицательно. Лакей удалился с визитной карточкой и быстро вернулся, чтобы сообщить, что его сиятельство очень сожалеет, но крайне занят в это утро. Пуаро сразу же сел на стул.

– *Trés bien*[54], — сказал он. — Я подожду. Если понадобится, буду ждать несколько часов.

Но это, как выяснилось, не понадобилось. Вероятно, был выбран самый короткий путь, чтобы избавиться от назойливого посетителя: Пуаро пригласили предстать пред очи господина, которого он так жаждал видеть.

Герцогу было лет двадцать семь. Его внеш-

---

[54] notes: 54
Очень хорошо (*фр.*).

ность трудно было назвать располагающей. Он был худым, щуплым, с неопределенного цвета жидкими волосами, глубокими залысинами, маленьким, печально изогнутым ртом и неясного оттенка мечтательными глазами. В комнате было несколько распятий и картин религиозного содержания. В большом книжном шкафу стояли только труды по теологии. Герцог походил скорее на тощего юного галантерейщика, чем на представителя аристократии. Насколько я знал, он получал образование на дому, будучи чрезвычайно нежным ребенком. И этого человека так яро хотела заполучить в свои сети Джейн Уилкинсон! В высшей степени нелепо. Он держался надменно, его манеры были лишены учтивости.

— Возможно, вам известно мое имя, — начал Пуаро.

— Не доводилось слышать.

— Я изучаю криминальную психологию.

Герцог промолчал. Он сидел за письменным столом — перед ним лежало незаконченное письмо — и нетерпеливо постукивал ручкой по крышке стола.

— По какой причине вы желали меня видеть? — холодно спросил он.

Пуаро сидел напротив него, спиной к окну.

Герцог же — лицом к окну.

— В настоящее время я расследую обстоятельства смерти лорда Эджвера.

На безвольном, с как бы приклеившимся упрямым выражением лице не дрогнул ни один мускул.

— Вот так? Я не был с ним знаком.

— Однако вы, я думаю, знакомы с его женой — с мисс Джейн Уилкинсон?

— Это так.

— Вам известно, что у нее, как предполагают, был веский мотив, чтобы желать смерти своему мужу?

— Мне не известно ничего такого рода.

— Я вынужден спросить вас, ваше сиятельство, напрямик. Намерены ли вы в ближайшем будущем жениться на мисс Джейн Уилкинсон?

— Когда я решу связать себя узами брака с кем-либо и жениться, об этом факте будет объявлено в газетах. Я считаю ваш вопрос дерзостью. — Герцог встал. — Доброго вам утра.

Пуаро тоже встал. Он явно был в замешательстве.

— Я не хотел… я… *Je vous demande pardon…*[55]

---

[55] notes: 55
Я прошу у вас прощения (*фр.*).

— свесив голову и запинаясь, пробормотал он.

— Доброго вам утра, — повторил герцог уже громче.

На этот раз Пуаро капитулировал. Он с безнадежным видом махнул рукой, и мы ушли. Нас с позором изгнали.

Мне было жаль Пуаро. Его известность не помогла. Для герцога Мертона великий сыщик, очевидно, был ниже какого-то там таракана.

— Не очень хорошо получилось, — сочувственно сказал я. — До чего же высокомерный дикарь этот герцог. Кстати, а почему вы так хотели увидеться с ним?

— Я хотел выяснить, действительно ли он и Джейн Уилкинсон намерены пожениться.

— Так она вам сама сказала.

— А! Это она так сказала. Но она, как вы понимаете, из тех, кто говорит лишь то, что отвечает ее цели. Вполне возможно, что это она решила выйти за него, а он, бедняга, пока еще не подозревает об этом.

— Ну, своим ответом он дал вам резкий отпор.

— Он дал мне тот же ответ, что и журналисту, — это да. — Пуаро хмыкнул. — Но я-то знаю! Я точно знаю, как обстоит дело.

— Как вы это поняли? По его манерам?

— Вовсе нет. Вы видели, что он писал письмо?

— Да.

– *Eh bien*, в молодости, во время службы в полиции Бельгии, я узнал, что очень полезно уметь читать вверх ногами. Рассказать вам, о чем он писал в письме? «Моя дражайшая Джейн, мой прекрасный, обожаемый ангел, не могу передать, как много вы значите для меня! Вы, которая так много выстрадала! Ваша нежная душа…»

— Пуаро! — вскричал я, останавливая его.

— Он дописал лишь до этого: «Ваша нежная душа — только я знаю ее».

Я страшно расстроился. Мой друг так простодушно радовался своему успеху…

— Пуаро, — произнес я, — вы не можете делать такие вещи. Заглядывать в личные письма…

— Вы говорите глупости, Гастингс. Это абсурд — говорить, что я «не могу» делать то, что только что сделал!

— Это… не надо играть в игры!

— Я не играю в игры. Вы это отлично знаете. Убийство — не игра. Это серьезное дело. Как бы то ни было, Гастингс, вам не следует использовать эту фразу — «играть в игры». Так больше не говорят. Я недавно это выяснил. Эта фраза мертва. Молодежь смеется, когда слышит ее. *Mais*

oui, молодые красивые барышни посмеются над вами, если вы скажете «играть в игры» и «не по правилам».

Я молчал, не в силах смириться со столь легкомысленным поступком Пуаро.

— В этом не было абсолютно никакой необходимости, — сказал я. — Если б вы сказали ему, что ездили к лорду Эджверу по просьбе Джейн Уилкинсон, он отнесся бы к вам совершенно по-другому.

— А! Но я не мог этого сделать. Джейн Уилкинсон была моим клиентом. Я не могу обсуждать дела своего клиента с посторонними. Берясь за какое-то дело, я гарантирую конфиденциальность. И рассказывать о нем было бы бесчестно.

— О чести заговорили!..

— Именно.

— Она же выходит за него замуж!

— Это не означает, что у нее нет от него секретов. Ваши представления о браке очень старомодны. В общем, то, что вы предлагаете, я сделать не мог. У меня есть честь сыщика, и я должен помнить о ней. Честь — это очень серьезная штука.

— Думаю, на чести держится мир.

Глава 19
Гранд-дама

Визит, который нанесли нам на следующее утро, был, на мой взгляд, самым удивительным явлением во всей этой истории.

Я сидел в своей гостиной, когда ко мне заглянул сияющий Пуаро.

– *Mon ami*, у нас гость.

— И кто же?

— Вдовствующая герцогиня Мертон.

— Крайне необычно! А что она хочет?

— Если вы спуститесь вниз вместе со мной, *mon ami*, то сами и узнаете.

Я быстро присоединился к нему. Мы вошли в комнату вместе.

Герцогиня была маленькой женщиной с греческим носом и властным взглядом. Хотя она была и невысокой, никто не осмелился бы назвать ее коротышкой. Несмотря на туалет немодного черного цвета, герцогиня до мозга костей была *grande dame*[56]. Она также поразила меня своей

---

[56] notes: 56
Гранд-дама (*фр.*).

жесткостью, ощущавшейся во всем ее облике. У нее присутствовали все те качества, которых недоставало ее сыну. Она обладала сокрушительной силой воли. Я буквально чувствовал исходящие от нее волны. Неудивительно, что эта женщина всегда доминировала над теми, с кем ей доводилось общаться!

Герцогиня поднесла к лицу лорнет и принялась изучать сначала меня, потом моего спутника. Затем она заговорила с ним. Судя по голосу, четкому и повелительному, она привыкла командовать и подчинять людей.

— Вы — месье Эркюль Пуаро?

Мой друг поклонился.

— К вашим услугам, мадам герцогиня.

Она перевела взгляд на меня.

— Это мой друг капитан Гастингс. Он помогает мне в моих расследованиях.

В ее глазах на мгновение промелькнуло сомнение. Затем она слегка склонила голову в знак согласия и села в кресло, которое предложил ей мой друг.

— Я пришла к вам, месье Пуаро, чтобы проконсультироваться по одному очень деликатному делу, и вынуждена просить, чтобы все, о чем я скажу, воспринималось как абсолютно конфи-

денциальная информация.

— Это само собой разумеется, мадам.

— Мне вас посоветовала леди Ярдли. Опираясь на то, что она рассказывала о вас, и на ту признательность, что она испытывает, я решила, что вы единственный сможете помочь мне.

— Будьте уверены, я сделаю все возможное, мадам.

Герцогиня все еще колебалась. Затем, сделав над собой усилие, она перешла к сути, причем сделала это с невероятной легкостью, которая, как ни странно, напомнила мне Джейн Уилкинсон в тот знаменательный вечер в «Савойе».

— Месье Пуаро, я хочу, чтобы вы предотвратили женитьбу моего сына на этой актрисе, на Джейн Уилкинсон.

Если Пуаро и изумился, то никак не показал этого. Он задумчиво оглядывал герцогиню, не спеша с ответом.

— Мадам, вы могли бы чуть более определенно выразить то, чего хотите от меня?

— Это непросто. Я чувствую, что этот брак может стать катастрофой. Что он разрушит жизнь моего сына.

— Вы так думаете, мадам?

— Я уверена в этом. Мой сын имеет очень

высокие идеалы, а реальный мир знает плохо. Он никогда не испытывал привязанности к девушкам своего класса. Они казались ему легкомысленными пустышками. Но что касается этой женщины… м-да, она чрезвычайно красива, признаю это. И умеет порабощать мужчин. Она околдовала моего сына. Я надеялась, что эта одержимость пройдет. К счастью, она была несвободна. Однако теперь, когда ее муж мертв… — Герцогиня замолчала. — Они намерены пожениться через несколько месяцев. Теперь на карту поставлено счастье моего сына. — И безапелляционно добавила: — Этому необходимо положить конец, месье Пуаро.

Мой друг пожал плечами:

— Я не утверждаю, мадам, что вы не правы. Я согласен в том, что эта партия не из приемлемых. Но что тут можно сделать?

— Вот вы и решите. — Пуаро медленно покачал головой. — Да-да, вы должны помочь мне.

— Я сомневаюсь, мадам, что хоть что-то поможет. Ваш сын откажется слушать любые доводы против этой дамы! К тому же я сомневаюсь, что найдется достаточно доводов против нее. Сомневаюсь, что в ее прошлом найдутся какие-либо дискредитирующие инциденты. Она была… ска-

жем… очень осторожной.

— Знаю, — мрачно произнесла наша гостья.

— А! Значит, вы уже наводили справки в этом направлении.

Герцогиня слегка покраснела под его пристальным взглядом.

— Я приняла все возможные меры, месье Пуаро, чтобы спасти сына от этого брака. — Все! — с нажимом повторила она. Помолчав, продолжила: — Деньги в этом деле роли не играют. Назовите любую сумму, которую вы сочтете достойным гонораром. Вы — единственный, кто способен добиться результата.

Пуаро опять покачал головой:

— Вопрос не в деньгах. Я ничего не могу сделать — по причине, которую только что вам разъяснил. К тому же я не вижу, что тут вообще можно сделать. Ничем не могу вам помочь, мадам герцогиня. Вы не осудите меня за дерзость, если я дам вам совет?

— Какой совет?

— Не настраивайте против себя сына! Он в том возрасте, когда человек ищет себя. То, что его выбор не совпал с вашим, еще не означает, что вы правы в своей оценке. Если его постигнет неудача — что ж, примите эту неудачу. Будьте рядом,

чтобы поддержать его, когда ему понадобится помощь. Но не отталкивайте его от себя.

— Вы ничего не понимаете.

Она встала. Ее губы дрожали.

— Напротив, мадам герцогиня, я все очень хорошо понимаю. Я понимаю душу матери. Никто не может понять ее лучше, чем я, Эркюль Пуаро. И я говорю вам с полным на то основанием: будьте терпеливы. Будьте терпеливы и спокойны, скрывайте свои чувства. Еще есть шанс, что эти отношения развалятся сами собой. А противодействие лишь обострит упрямство вашего сына.

— До свидания, месье Пуаро, — холодно произнесла герцогиня. — Я разочарована.

— Я глубоко сожалею, мадам, о том, что не могу быть вам полезен. Я в сложной ситуации. Леди Эджвер, видите ли, уже оказала мне честь и сама проконсультировалась со мной.

— О! Ясно. — Ее тон был резким, как удар ножа. — Вы в противном лагере. Это, конечно, объясняет, почему леди Эджвер до сих пор не арестовали за убийство ее мужа.

– *Comment*[57], мадам герцогиня?

— Думаю, вы слышали, что я сказала. Почему

---

[57] notes: 57
Как-как? (*фр.*)

она не арестована? Ведь она была там в тот вечер. Ее видел весь дом — как она входила в его кабинет. Больше к нему никто не приближался, а потом его обнаружили мертвым. И она до сих пор не арестована? Наша полиция прогнила насквозь.

Дрожащими руками она поправила на шее шарф и с едва заметным кивком быстро вышла из комнаты.

— Ух ты! — произнес я. — Вот мегера! Хотя я восхищаюсь ею, а вы?

— Из-за того, что она желает организовать вселенную под свой образ мысли?

— Просто она принимает близко к сердцу благополучие сына.

Пуаро кивнул:

— Это верно. И все же, Гастингс, так ли уж вредно будет для месье *le Duc*[58] жениться на Джейн Уилкинсон?

— А что, неужели вы думаете, что она любит его?

— Вероятно, нет. Почти наверняка нет. Зато она очень любит его социальный статус. Она будет играть свою роль очень тщательно. Джейн

---

[58] notes: 58
Герцога (*фр.*).

Уилкинсон чрезвычайно красивая женщина, а еще она амбициозна. Это не такая уж катастрофа. Герцог мог запросто жениться на молодой девушке своего круга, и эта девушка пошла бы на брак с ним по тем же причинам, что и Джейн Уилкинсон, однако никто не стал бы устраивать вокруг этого такие песни и пляски.

— Это верно, но…

— Предположим, он женится на девушке, которая страстно любит его; какой в этом плюс? Я часто наблюдал, как любящая жена становится для мужчины величайшей бедой. Она устраивает ему сцены ревности, выставляет в нелепом виде, требует, чтобы все свое внимание он отдавал ей. А! Нет, такой брак — не ложе из роз.

— Пуаро, — сказал я, — вы неисправимый старый циник.

– *Mais non*[59], *mais non*, я просто высказываю свои соображения. Видите ли, на самом деле я на стороне доброй мамаши.

Я не удержался от смеха, услышав из его уст такое описание высокомерной герцогини.

Пуаро же остался серьезен.

— Зря вы смеетесь. Это очень важно — все это.

---

[59] notes: 59
Ну уж нет (*фр.*).

Я должен подумать. Я должен многое обдумать.

— Не представляю, что вам это даст, — сказал я.

Пуаро заговорил совсем о другом:

— Гастингс, вы обратили внимание, как хорошо информирована герцогиня? И как она мстительна? Ей известны все улики против Джейн Уилкинсон.

— Доводы обвинения, а не защиты, — сказал я с улыбкой.

— Как она о них узнала?

— Джейн рассказала герцогу. Герцог рассказал ей, — предположил я.

— Да, это возможно. И все же…

Телефон взорвался резким звонком. Я поднял трубку.

Моя роль ограничилась короткими «да» через различные промежутки времени. Наконец я повесил трубку и повернулся к Пуаро:

— Это Джепп. Во-первых, вы «хороши», как всегда. Во-вторых, он получил телеграмму из Америки. В-третьих, он нашел таксиста. В-четвертых, желаете ли вы приехать к нему и услышать, что говорит таксист. В-пятых, вы опять «хороши», и он никогда не сомневался, что вы попали в точку, предположив, что за всем этим стоит какой-то

человек. Я не стал рассказывать ему, что у нас только что побывала гостья, которая твердо уверена: полиция прогнила насквозь.

— Значит, Джепп наконец-то убедился, — проговорил Пуаро. — Любопытно, что эта версия с таинственным кукловодом подтвердилась как раз в тот момент, когда я уже собирался перейти к другой версии.

— К какой?

— К той, что мотив убийства не имеет никакого отношения к самому лорду Эджверу. Представьте человека, люто ненавидящего Джейн Уилкинсон, причем ненавидящего настолько, что он готов подвести ее под виселицу за убийство. *C'est une idée, ça!*[60] — Он вздохнул и вдруг встрепенулся: — Поехали, Гастингс; давайте послушаем, что расскажет нам Джепп.

---

[60] notes: 60
Какова идея, а! (*фр.*)

Глава 20
Таксист

Когда мы приехали, инспектор допрашивал пожилого мужчину с неровно подстриженными усами и в очках. Голос у мужчины был сиплый и жалобный.

— А, вот и вы! — сказал Джепп. — Ну, дела идут как по маслу, я думаю. Этот человек — его фамилия Джобсон — в тот вечер, двадцать девятого июня, подобрал двоих на Лонг-Эйкр.

— Все верно, — хрипло подтвердил Джобсон. — Приятная ночка тогда была. Луна и все такое. Молодая дамочка и господин стояли у станции метро и голосовали.

— Они были в вечерних туалетах?

— Да, господин был в белом жилете, а дамочка — в белом платье, расшитом птицами. Вышли из Королевской оперы, я думаю.

— В каком часу это было?

— Незадолго до одиннадцати.

— Ну, а что дальше?

— Велели ехать на Риджент-Гейт — мол, они покажут, к какому дому. Еще попросили по-

быстрее. Люди всегда так говорят. Как будто мне нравится тащиться. Чем быстрее высадишь одних и подберешь других пассажиров, тем лучше. Почему-то никто об этом не думает. Только если случится авария, еще и меня обвинят в опасном вождении!

— Хватит! — нетерпеливо оборвал его Джепп. — Ведь не было никакой аварии, верно?

— Н-не было, — согласился мужчина таким тоном, словно ему было жаль, что происшествия не случилось. — Нет, вообще-то аварии не было. Короче, я приехал на Риджент-Гейт — дорога заняла у меня не больше семи минут; господин постучал в стекло, и я остановился. Около восьмого дома. Господин и дамочка вылезли. Господин остался стоять у машины и велел мне ждать. Дамочка перешла дорогу и пошла вдоль домов по другой стороне. Господин стоял на тротуаре спиной ко мне, наблюдал за ней. Руки держал в карманах. Минут через пять я услышал, как он что-то сказал — произнес коротко себе под нос — и пошел прочь. Я смотрел ему вслед — я же не хочу, чтоб меня обманули. Со мной такое уже случалось. В общем, я глаз с него не спускал. Он поднялся по ступенькам к одному дому на той стороне и вошел внутрь.

— Просто толкнул дверь и вошел?

— Нет, у него был ключ.

— А какой номер дома?

— То ли семнадцатый, то ли девятнадцатый… В общем, мне показалось странным, что было сказано ждать. Но я ждал. Минут через пять он и дамочка вышли вместе. Они сели в кэб и велели везти их к оперному театру «Ковент-Гарден». Они остановили меня, когда я еще не доехал, и расплатились. Заплатили щедро, я сказал бы. Хотя, как я вижу, я из-за них вляпался в неприятности — похоже, от этой работы сплошные неприятности…

— Ты прав, — сказал Джепп. — Взгляни сюда и ответь, есть ли среди них та дамочка.

Фотографий было штук шесть, и на них были женщины одного типа. Я с интересом смотрел через плечо инспектора.

— Вот она, — сказал Джобсон и без колебаний ткнул пальцем в фотографию Джеральдин Марш в вечернем туалете.

— Уверен?

— Абсолютно. Бледная и темноволосая.

— Теперь мужчина.

Перед таксистом появились фотографии. Он внимательно осмотрел их и покачал головой:

— Ну, наверняка сказать не могу… не уверен.

Вот эти двое подходят.

Среди фотографий был и снимок Рональда Марша, но Джобсон не выбрал его. Вместо этого он указал на двоих мужчин, совсем не похожих на Марша.

Джобсон ушел, а Джепп собрал фотографии и швырнул стопку на стол.

— Неплохо. Жаль, что у меня нет четкого опознания его лордства. Конечно, это старая фотография, сделанная семь или восемь лет назад. Единственная, что мне удалось достать. Да, я хотел бы более четкого опознания, хотя и так все ясно. Парочка алиби разлетается вдребезги. Умно с вашей стороны, *мусье* Пуаро, что вы додумались до этого.

Мой друг скромно опустил глаза.

— Когда я узнал, что она и ее кузен оба были в опере, мне показалось вполне возможным, что они встретились во время одного из антрактов. Компании, с которыми они там были, утверждали бы, что они не покидали театр. Но получасовой антракт дает массу времени, чтобы доехать до Риджент-Гейт и вернуться. Едва новый лорд Эджвер стал выпячивать свое алиби, я сразу понял, что с ним что-то не так.

— А вы хоть и милый, но очень подозрительный

тип, да? — тепло произнес Джепп. — В общем, вы почти правы. В таком мире нельзя быть излишне подозрительным. Теперь всё: его лордство наш. Взгляните на это. — Он показал листок бумаги. — Телеграмма из Нью-Йорка. Они связались с мисс Люси Адамс. Письмо доставили ей с сегодняшней утренней почтой. Она отказалась отдавать оригинал, зато позволила офицеру снять с него копию и переслать нам. Вот она — изобличает все так, что дальше некуда.

Пуаро проявил к письму огромный интерес. Я стал читать через его плечо.

«Далее представлено письмо к Люси Адамс, датированное 29 июня, отправленное с адреса дом 8, Роуздью-мэншнз, Лондон, Ю-З 3. Текст: Дорогая сестричка, прости, что мое прошлое письмо было таким бессвязным. Просто я была занята, много дел. В общем, дорогая моя, успех потрясающий! Отзывы великолепные, билеты раскуплены, все ужасно добры. У меня здесь появилось несколько хороших друзей, и я подумываю о том, чтобы в следующем году арендовать театр на два месяца. Скетч про русскую танцовщицу прошел на ура, да и про американку в Париже тоже, но самые любимые у публики, думаю, это «Сцены в иностранном отеле». Я так возбуждена, что с трудом

понимаю, что пишу, и ты сейчас поймешь почему, но сначала я должна рассказать тебе, что говорили люди. Мистер Хергхаймер был чрезвычайно любезен; он собирается пригласить меня на обед, чтобы встретиться с сэром Монтегю Корнером, который может многое для меня сделать. На днях вечером я познакомилась с Джейн Уилкинсон, она восторженно отзывалась о шоу и о том, как я сымитировала ее. И это подводит меня к тому, о чем я собираюсь тебе рассказать. Она не сильно мне понравилась, потому что в последнее время я много слышала о ней от одного человека; мне кажется, она вела себя жестоко и коварно, но сейчас я не буду вдаваться в подробности. Ты же знаешь, что она сейчас леди Эджвер? В последнее время я и о нем много слышала, и он не самая милая личность, можешь мне поверить. Он ужасно обошелся со своим племянником, капитаном Маршем, о котором я тебе рассказывала: в буквальном смысле отказал ему от дома и прекратил выплачивать пособие. Он сам рассказал об этом, и мне стало дико жаль его. Ему очень понравилось мое шоу, говорит: «Оно точно увлекло бы самого лорда Эджвера. А хотите проверить? На спор?» Я засмеялась и сказала: «Сколько?» Люси, дорогая, от ответа у меня захватило дух. Десять

тысяч долларов. Только подумай, десять тысяч долларов — и за выигрыш в каком-то дурацком пари… «Да я, — сказала я, — смогла бы разыграть короля в Букингемском дворце и даже пошла бы на *lèse majesté*[61] ради этого». В общем, потом мы посовещались и выработали подробный план действий.

А о том, что было дальше, раскусили меня или нет, я расскажу тебе на следующей неделе. Но, моя дорогая Люси, те десять тысяч долларов я получу все равно — и в случае успеха, и в случае неудачи. Ах, сестричка, представляешь, что это значит для нас? Больше времени у меня нет — пора отправляться на «розыгрыш». Люблю, люблю тебя, моя маленькая сестричка.

Твоя Карлотта».

Пуаро отложил письмо. Я видел, что оно тронуло его.

Джепп же, однако, реагировал совсем по-другому.

— Он наш, — торжествующе заявил он.

— Да, — сказал Пуаро. Его голос прозвучал на удивление бесстрастно.

— В чем дело, *мусье* Пуаро?

---

[61] notes: 61
Преступление против монарха (*фр.*).

— Ни в чем, — ответил мой друг. — Все не совсем так, как я думал. — Вид у него был безрадостный. — И все равно это должно быть так, — словно разговаривая с самим собой, пробормотал он. — Да, это должно быть так.

— Естественно, это так. Вы же сами это постоянно говорили.

— Нет, нет. Вы неправильно меня поняли.

— Разве вы не говорили, что за всем этим стоит тот, кто втянул ничего не подозревающую девицу?

— Да, да.

— Ну, а чего еще вы хотите?

Пуаро вздохнул и ничего не сказал.

— Странный вы человек. Вечно вам все не нравится. Я считаю, нам крупно повезло, что эта Адамс написала письмо.

Пуаро выразил свое согласие энергичным до крайности кивком.

– *Mais oui*, как раз этого убийца не ожидал. Когда мисс Адамс согласилась на те десять тысяч долларов, она подписала себе смертный приговор. Убийца думал, что принял все меры предосторожности, однако она по неведению перехитрила его. Мертвые говорят. Да, иногда мертвые говорят.

— Я никогда и не думал, что она пошла на это

по собственной инициативе, — не краснея, заявил Джепп.

— Да, да, — рассеянно проговорил Пуаро.

— Ну что ж, за дело.

— Вы собираетесь арестовать капитана Марша… то есть лорда Эджвера?

— А почему нет? Обвинение против него выглядит вполне доказанным.

— Это верно.

— Похоже, это сильно удручает вас, *мусье* Пуаро. Просто вам нравится, когда все сложно. Вас ничем не удовлетворишь, даже тем, что ваша версия доказана. Вы видите хоть какие-то изъяны в наших доказательствах?

Мой друг покачал головой.

— Была мисс Марш его сообщницей или нет, я не знаю, — сказал Джепп. — Похоже, она обо всем знала, когда ушла вместе с ним из оперы. А если не знала, зачем ему было брать ее с собой? В общем, мы послушаем, что они нам скажут.

— Вы позволите мне присутствовать? — едва ли не подобострастно произнес Пуаро.

— Естественно. Я перед вами в долгу за вашу идею! — Инспектор взял со стола телеграмму.

Я отвел Пуаро в сторону.

— В чем дело?

— Я очень расстроен, Гастингс. Все выглядит уж больно гладко. Но тут точно что-то не так. Где-то, Гастингс, есть факт, который ускользает от нас. Все складывается в замечательную картинку, все получается так, как я представлял, и все же, друг мой, что-то не так.

Он устремил на меня жалобный взгляд.

От растерянности я не знал, что сказать.

Глава 21
История Рональда

Мне было трудно понять Пуаро. Разве все складывается не так, как он предсказывал?

Всю дорогу до Риджент-Гейт мой друг молчал и хмурился и не обращал внимания на расхваливавшего самого себя Джеппа. Наконец он со вздохом вышел из своего оцепенения и произнес:

— Во всяком случае, мы выслушаем, что он нам скажет.

— Если он умен, то ничего, — сказал Джепп. — Очень многие подвели себя к виселице тем, что рвались делать заявления. И ведь никто не скажет, что мы их не предупреждали! Все чисто и гладко. Чем больше на них вины, тем нетерпеливее они в своем желании заговорить и выложить нам всю ту ложь, что, по их мнению, относится к делу. Они не знают, что сначала нужно обязательно проговорить свою ложь с адвокатом. — Он вздохнул и продолжил: — Адвокаты и коронеры — злейшие враги полиции. Сколько раз коронер путал мне абсолютно идеальное дело и позволял

виновному ускользнуть… С законниками-то особо не поспоришь. Им платят за умение хитростью и уловками вывернуть все наизнанку.

По прибытии на Риджент-Гейт мы выяснили, что намеченная нами жертва дома. Семейство все еще сидело за обедом. Джепп заявил о желании поговорить с лордом Эджвером в приватной обстановке. Нас проводили в библиотеку.

Через минуту или две к нам присоединился хозяин. На его лице сияла веселая улыбка, которая угасла, когда он оглядел нас. Его губы сжались в тонкую линию.

— Здравствуйте, инспектор, — сказал он. — Чему обязан?

Джепп разъяснил цель визита в типичной для него манере.

— Так вот оно как, да? — сказал Рональд. Он подтянул к себе кресло и сел. Затем достал портсигар. — Думаю, инспектор, мне нужно сделать заявление.

— Как пожелаете, милорд.

— Я понимаю, что это чертовски глупо с моей стороны. И все же я его сделаю. «Нет причин бояться правды» — так всегда говорят герои романов.

Джепп ничего не сказал. Его лицо ничего не

выражало.

— Вон там есть удобный стол и стул, — сказал молодой человек. — Ваш помощник может сесть там и стенографировать все.

Думаю, Джепп не привык к тому, чтобы кто-то заботился о его удобстве. Предложение лорда Эджвера было принято.

— Итак, начнем, — заговорил молодой человек. — Будучи наделен некоторым интеллектом, я сильно подозреваю, что мое алиби распалось. Испарилось, как дым. Такие полезные Дортхаймеры уходят со сцены. Водитель такси, как я понимаю?

— Нам все известно о ваших передвижениях в тот вечер, — строго предупредил Джепп.

— Восхищаюсь Скотланд-Ярдом. И все же, знаете ли, если б я действительно планировал акт насилия, то не брал бы такси и не просил бы водителя везти меня прямиком к месту преступления и ждать меня там. Вы об этом подумали?.. А! Вижу, что месье Пуаро подумал.

— Да, мне в голову приходила такая мысль, — сказал Пуаро.

— Преднамеренные убийства совершаются по-другому, — продолжил Рональд. — Нацепляют рыжие усы и очки в роговой оправе, вылезают

на соседней улице и расплачиваются с таксистом. Или едут на метро… ну, в общем, не буду углубляться. Мой адвокат за гонорар в несколько тысяч гиней сделает это лучше меня. Конечно, я вижу ответ. Преступление было совершено по внезапному порыву. Вот я сидел и ждал в кэбе. И вдруг меня осеняет: «Ну-ка, мой мальчик, вставай и берись за дело»…

В общем, я расскажу вам правду. Я настоятельно нуждался в деньгах. Это абсолютно ясно, я думаю. Положение было отчаянным. Я должен был раздобыть деньги к следующему дню, или мне каюк. Я попытал счастья у дяди. Он не испытывал ко мне любви, но я рассчитывал, что честь имени будет иметь для него какое-то значение. С людьми среднего возраста такое иногда случается. Мой дядя оказался прискорбно современным в своем циничном безразличии.

Ну… мне оставалось делать хорошую мину при плохой игре. Я собирался одолжить деньги у Дортхаймера, но потом понял, что надежды там нет. А жениться на его дочери я не мог. К тому же она слишком разумна, чтобы выйти за меня. И тут случайно в опере я встречаю свою кузину. Я редко виделся с ней, но когда жил в доме, она всегда была хорошей девочкой. Я сам не заметил,

как рассказал ей все. Хотя она кое-что слышала от своего отца. И тогда она показала себя во всей красе. Предложила мне свой жемчуг. Он принадлежал еще ее матери.

Рональд замолчал. Мне кажется, в его голосе звучало искреннее чувство. Или же он умел притворяться лучше, чем я считал возможным.

— В общем, я принял предложение этой достойной славословия девочки. За жемчуг я смог бы выручить нужную мне сумму. Я поклялся выкупить его, даже если б ради этого мне пришлось работать в поте лица. Однако ожерелье находилось на Риджент-Гейт. Мы решили сразу же поехать за ним. Поймали такси и уехали.

Мы попросили водителя остановиться на противоположной стороне улицы для того, чтобы никто в доме не услышал шум подъехавшей машины. Джеральдин вылезла и перешла улицу. У нее с собой был ключ. Она собиралась тихо войти в дом, взять жемчуг и принести его мне, рассчитывая, что из всех домочадцев на ее пути может встретиться только, наверное, какой-нибудь слуга. Мисс Кэрролл, дядин секретарь, обычно ложилась спать в половине десятого. А он сам в этот час должен быть в библиотеке… Так вот, Дина зашла в дом. Я стоял на тротуаре и курил

сигарету, то и дело поглядывая на дом и проверяя, не вышла ли она.

А теперь я подхожу к другой части истории. Допускаю, что вы мне не поверите. Мимо меня по тротуару прошел мужчина. Я стал смотреть ему вслед. К моему удивлению, он поднялся на крыльцо и вошел в семнадцатый дом. Во всяком случае, мне показалось, что это семнадцатый дом, но естественно, расстояние было велико. А удивило это меня по двум причинам. Во-первых, мужчина отрыл дверь ключом, а во-вторых, я узнал в нем одного известного актера.

Мое удивление было так велико, что я решил разобраться. Так уж получилось, что у меня в кармане оказался собственный ключ от семнадцатого дома. Три года назад я то ли потерял его, то ли думал, что потерял, и неожиданно нашел его за день или два до тех событий. Я собирался вернуть его дяде и в то утро сунул в карман. Но в пылу нашей с дядей беседы совсем забыл о нем. И, когда переодевался, переложил его вместе с остальным содержимым карманов.

Велев таксисту ждать, я быстро перешел улицу, взбежал на крыльцо семнадцатого дома и открыл дверь своим ключом. В холле было пусто. Вошедшего в дом мужчины нигде видно не было.

Я минуту постоял, оглядываясь. Затем двинулся к двери в библиотеку. Возможно, тот мужчина был с дядей. Если так, то я должен был услышать голоса. Я замер у двери в библиотеку, но ничего не услышал.

Неожиданно я сообразил, что веду себя как полнейший дурак. Конечно же, мужчина зашел в другой дом — следующий по улице! По вечерам Риджент-Гейт плохо освещена. Я чувствовал себя абсолютным идиотом. С какой стати я вдруг пошел за этим типом, я объяснить себе не мог. В результате, стоя под дверью в библиотеку, я прикидывал, как буду выглядеть, если дядя вдруг выйдет из библиотеки и увидит меня. Я не только подолью масла в огонь, но еще и создам проблемы для Джеральдин. А все из-за того, что нечто в манерах того мужчины заставило меня вообразить, будто он не хочет, чтобы кто-то знал о его действиях. К счастью, никто меня не поймал. Я понял, что надо побыстрее выбираться из дома.

Я на цыпочках пошел к входной двери, и в этот момент по лестнице спустилась Джеральдин с жемчугом. Она, естественно, удивилась, когда увидела меня. Я вывел ее из дома и все объяснил…

Рональд помолчал.

— Мы поспешили в оперу. Вернулись, когда уже поднимался занавес. Никто не заподозрил, что мы уезжали. Вечер был жарким, и многие в антракте выходили на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Он опять помолчал.

— Я знаю, что вы скажете. Почему я все сразу не рассказал? А теперь я задам вопрос вам: готовы ли вы, имея явный мотив для убийства, с легкостью признаться в том, что в момент этого самого убийства находились на месте преступления?

Если честно, я просто испугался! Даже если б нам поверили, это создало бы кучу проблем мне и Джеральдин. Мы не имели отношения к убийству, мы ничего не видели и ничего не слышали. Наверняка, подумал я, это сделала тетя Джейн. Ну, и зачем мне впутывать себя? Я рассказал вам о ссоре и о своей потребности в деньгах, потому что знал: вы всё это раскопаете. Если б я попытался это скрыть, то вызвал бы у вас еще больше подозрений и вы, вероятно, стали бы более пристально изучать мое алиби. В общем, я решил, что, если выложу вам все как на духу, это почти загипнотизирует вас и вы будете думать, что все так и было. Дортхаймеры, я знаю, были искренне убеждены в том, что я все время находился в

Ковент-Гардене. То, что один антракт я провел с кузиной, не вызвало у них никаких подозрений. А она всегда могла сказать, что была со мной и что мы не выходили из театра.

— Мисс Марш согласилась все это… утаить?

— Да. Как только до меня дошла печальная весть, я бросился к ней и убедил ее ради собственного блага никому не рассказывать о наших похождениях прошлым вечером. Во время последнего антракта она была со мной, а я — с ней. Мы немного прогулялись по улице, вот и всё. Она поняла меня и согласилась.

Рональд сделал паузу.

— Понимаю, все это выглядит плохо — истина все равно вылезает наружу. Но моя история — правда. Я могу дать вам имя и адрес человека, который этим утром дал мне наличные за ожерелье Джеральдин. А если вы спросите у нее, она подтвердит вам каждое мое слово.

Он откинулся на спину и устремил взгляд на Джеппа.

Лицо инспектора так и осталось бесстрастным.

— Лорд Эджвер, вы утверждаете, что думали, будто преступление совершила Джейн Уилкинсон?

— Ну, а разве вы так не подумали бы? После

всего, что рассказал дворецкий?

— А как насчет вашего пари с мисс Адамс?

— Пари с мисс Адамс? Вы имеете в виду Карлотту Адамс? А она тут при чем?

— Вы отрицаете, что предложили ей сумму в десять тысяч долларов за то, что она в тот вечер выдаст себя за мисс Джейн Уилкинсон и придет в дом?

Рональд изумленно уставился на него:

— Десять тысяч долларов? Ей? Я предложил?.. Чушь. Кто-то морочит вам голову. У меня нет таких денег. Вас занесло не туда. Это она так говорит?.. Ох, черт побери, я совсем забыл, что она умерла. Ведь так?

— Да, — тихо ответил Пуаро. — Она умерла.

Рональд переводил взгляд с одного на другого. До этого любезный и обходительный, он вдруг побелел. Выражение его лица стало затравленным.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Все, что я вам рассказал, правда. Думаю, вы мне не верите — ни один из вас…

И тут, к моему изумлению, Пуаро сделал шаг вперед.

— Нет, — произнес он, — я вам верю.

Глава 22
Странное поведение Эркюля Пуаро

Мы были дома.

— Какого… — начал я.

Пуаро остановил меня экстравагантным жестом — такого я никогда не видел, чтобы он махал обеими руками.

— Умоляю вас, Гастингс! Только не сейчас. Только не сейчас.

После этого мой друг схватил свою шляпу, нахлобучил ее на голову так, будто никогда не подозревал о существовании определенных методов надевания головных уборов, и вылетел из комнаты. Час спустя, когда явился Джепп, он так и не вернулся.

— Наш маленький человечек ушел? — осведомился инспектор.

Я кивнул.

Джепп, опустившись в кресло, промокнул лоб платком. День был теплым.

— Что на него нашло? — спросил он. — Признаюсь, капитан Гастингс, я едва устоял на ногах,

когда он шагнул к его лордству и заявил: «Я вам верю». Такое впечатление, будто он играл в любовной мелодраме. У меня это просто в голове не укладывается…

У меня это тоже не укладывалось в голове, и я об этом сказал.

— А после этого поворачивается и уходит из дома, — добавил Джепп. — Как он вам все это объяснил?

— Никак, — ответил я.

— Совсем никак?

— Абсолютно. Когда я заговорил об этом, он отмахнулся от меня. И я подумал, что лучше оставить его в покое. Когда мы пришли сюда, я начал задавать вопросы. Он опять замахал на меня руками, схватил свою шляпу и куда-то убежал.

Мы посмотрели друг на друга. Джепп многозначительно постучал себя по лбу.

— Наверное, дело в этом, — сказал он.

И снова я был вынужден согласиться. Инспектор и раньше часто высказывал предположение, что Пуаро, как он это называл, «со сдвигом». В тех случаях Джепп просто не понимал ход мыслей моего друга. Сейчас же и я, признаться, не понимал его. Может, у Пуаро и нет никакого «сдвига», но уж больно он непостоянен. Получает

триумфальное подтверждение своей версии — и сразу же отказывается от нее… Этого достаточно, чтобы озадачить и привести в уныние его самых горячих сторонников. Я сокрушенно покачал головой.

— Он всегда был, как я это называю, странным, — сказал Джепп. — Всегда имел свой взгляд на вещи, причем очень своеобразный, надо сказать. Он своего рода гений, признаю. Но все говорят, что гении очень близки к грани и подвержены соскальзыванию на ту сторону в любую минуту. Ему ужасно нравится все усложнять. Простое дело ему неинтересно. Его видение стало каким-то извращенным. Он отклоняется от реальной жизни. Играет в свои игры. Напоминает старушку, раскладывающую пасьянс: если тот не сходится, она мухлюет. А с ним вот как: если расследование идет легко, он начинает мухлевать, чтобы усложнить его! Вот так я все это вижу.

Мне было сложно ответить ему. Я тоже находил поведение Пуаро непостижимым. А так как я был крепко привязан к своему маленькому другу, мною владело беспокойство более сильное, чем я показывал.

Мы так и сидели в мрачном молчании, когда в комнату вошел Пуаро.

Он был спокоен, чему я чрезвычайно порадовался.

Мой друг очень осторожно снял шляпу и вместе с тростью положил ее на стол, затем сел в свое любимое кресло.

— Итак, вы здесь, мой добрый Джепп. Я рад. Я подумывал о том, что нам с вами надо бы увидеться как можно скорее.

Инспектор смотрел на него, не отвечая. Он догадывался, что это только начало, и ждал, когда Пуаро объяснится.

Что мой друг и сделал. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова:

– *Ecoutez*[62], Джепп. Мы ошибаемся. Мы глубоко заблуждаемся. Печально признавать, но мы совершили ошибку.

— Все нормально, — уверенно заявил Джепп.

— Это не нормально. Это прискорбно. Это печалит меня до глубины души.

— Вам нечего печалиться из-за молодого лорда Эджвера. Он в полной мере заслужил все, что его ждет.

— Я печалюсь не из-за него, а из-за вас.

— Из-за меня? Вам незачем беспокоиться обо

---

[62] notes: 62
Послушайте (*фр.*).

мне.

— Но я беспокоюсь. Кто направил вас на этот путь? Эркюль Пуаро. *Mais oui*, именно я отправил вас этой дорогой. Я обратил ваше внимание на Карлотту Адамс, я рассказал вам о письме в Америку. Каждый ваш шаг на этом пути был направлен мною!

— Я так или иначе пошел бы этой дорогой, — холодно заявил Джепп. — Просто вы немного опережали меня, вот и всё.

– *Cela ce peut*[63]. Но меня это не утешает. Если мои идеи принесут вам вред или потерю авторитета, я буду винить в этом только себя.

Джепп явно был удивлен. Думаю, он приписывал Пуаро не совсем благородные мотивы и наверняка решил, что тот завидует той славе, что принесет ему успешно раскрытое дело.

— Всё в порядке, — сказал он. — Я не забуду упомянуть о том, что кое-чем обязан вам в этом расследовании. — И подмигнул мне.

— О, дело не в этом. — Пуаро нетерпеливо цокнул языком. — Мне не нужна никакая слава. Более того, я предупреждаю вас, что никакого успеха нет. Что вам нужно готовиться к полному

---

[63] notes: 63
Такое возможно (*фр.*).

фиаско, причиной которого являюсь я, Эркюль Пуаро.

Глядя на его печальное лицо, Джепп неожиданно разразился хохотом. Что явно оскорбило моего друга.

— Извините, *мусье* Пуаро. — Джепп утер слезы. — Но вы выглядели, как умирающая утка в грозу… Эй, давайте забудем об этом. Я готов взвалить на себя славу или вину за расследование. Оно наделает много шума — в этом вы правы. В общем, я приложу все силы, чтобы добиться обвинительного приговора. Может случиться, что ловкий адвокат вытащит его лордство — с присяжными исход предугадать трудно. Но если и так, мне это никак не навредит. Даже если обвинительного приговора не получится, все и так будут знать, что мы взяли кого надо. Ну, а если случайно третья горничная впадет в истерику и сознается в том, что это сделала она — что ж, я понесу заслуженное наказание и не стану жаловаться на то, что вы сбили меня со следа. Это вполне справедливо.

Пуаро смотрел на него с мягкой грустью:

— До чего же вы самоуверенны! Вы никогда не остановитесь и не спросите у себя: а так ли это? Вы никогда не сомневаетесь… вы не задаетесь

вопросами. Вы никогда не думаете. Это слишком просто!

— Вы абсолютно правы. И именно в этом аспекте вы, да простите мне мои слова, каждый раз съезжаете с катушек. Почему нельзя жить просто? Какой вред от простоты?

Пуаро внимательно оглядел его, вздохнул, всплеснул руками и покачал головой:

– *C'est fini!*[64] Я больше ничего не скажу.

— Прекрасно, — радостно сказал Джепп. — Ну, а теперь вернемся к сути. Хотите знать, чем я занимался?

— Естественно.

— В общем, я повидался с высокородной Джеральдин, и ее история в полной мере совпадает с историей его лордства. Вполне возможно, причастны они оба, но я так не думаю. Мое мнение — он обманул ее, а ведь она почти по уши влюблена в него. Страшно разволновалась, когда узнала, что он арестован.

— Вот как? А секретарь, мисс Кэрролл?

— Не слишком удивилась, я полагаю. Но это только мое мнение.

— Что насчет жемчуга? — спросил я. — Эта

---

[64] notes: 64
Это конец! (*фр.*)

часть истории правдива?

— Абсолютно. Он получил за него деньги утром следующего дня. Думаю, это никак не влияет на главный аргумент. Как я вижу ситуацию, план созрел у него в голове, когда он в опере наткнулся на кузину. Его осенило. Марш в отчаянном положении — и вот он, выход. Полагаю, его лордство подумывал о чем-то в таком роде — именно поэтому у него с собой и оказался ключ. Я не верю в то, что ключ нашелся случайно. Короче, он беседует с кузиной и видит, что ее участие обеспечивает ему дополнительную безопасность. Он играет на ее чувствах, намекает на ожерелье, она развивает эту мысль, и они уезжают. Как только она оказывается в доме, он проникает туда вслед за ней и прямиком идет в библиотеку. Вполне возможно, что его светлость задремал в кресле. В общем, за две секунды он делает свое грязное дело и выходит. Думаю, он не хотел, чтобы девица застала его в доме. Рассчитывал на то, что она выйдет из дома и увидит, как он расхаживает по тротуару возле такси. И я думаю, что, по его плану, таксист не должен был увидеть, как он входит в дом. У того должно было сложиться впечатление, будто его лордство ходит взад-вперед, курит и поджидает свою спутницу. Не забывайте, машина стояла

на противоположной стороне улицы, так что таксист смотрел в другую сторону.

Естественно, на следующее утро парень сдает в залог жемчуг. Ведь ему нужно, чтобы все думали, будто он нуждается в деньгах. Затем, когда разносится весть о преступлении, он запугивает девицу и вынуждает ее скрыть их визит в дом. Они решают сказать, что провели тот антракт вместе в опере.

— Тогда почему они так не сделали? — сухо спросил Пуаро.

Джепп пожал плечами:

— Он передумал. Или решил, что у нее не хватит духу придерживаться такой версии. Ведь у нее нервная натура.

— Да, — задумчиво произнес мой друг, — у нее нервная натура. — Через минуту или две он сказал: — А вам не приходит в голову, что для капитана Марша было бы гораздо проще покинуть оперу во время антракта одному? Тихо войти в дом, используя собственный ключ, убить дядюшку и вернуться в театр — вместо того чтобы связываться с такси, которое ждет снаружи, и с нервной девушкой, которая в любой момент может потерять над собой контроль и выдать его?

Джепп усмехнулся:

— Именно так поступили бы мы с вами. Но мы на порядок умнее капитана Рональда Марша.

— Я в этом не так уж уверен. Он показался мне довольно умным человеком.

— Но он не настолько умен, как месье Эркюль Пуаро! Да я уверен в этом! — Джепп засмеялся.

Мой друг бросил на него холодный взгляд.

— Если он невиновен, зачем тогда убедил девицу Адамс принять тот порошок? — продолжил Джепп. — Причина может быть только одна — чтобы защитить настоящего преступника.

— Вот тут я с вами полностью согласен.

— Ну, я рад, что мы с вами хоть в чем-то договорились.

— Вполне возможно, что это он разговаривал с мисс Адамс, — стал рассуждать Пуаро. — Хотя на самом деле… нет, это идиотизм. — Устремив взгляд на Джеппа, он выпалил свой вопрос: — Какова ваша версия ее смерти?

Инспектор прокашлялся:

— Я склонен считать это… несчастным случаем. Признаю, очень своевременным несчастным случаем. Не вижу, как его лордство мог бы быть причастен к этой смерти. На время после спектакля у него надежное алиби. Он был в «Собранис» с Дортхаймерами почти до начала второго. А

она умерла в своей постели задолго до этого, во сне. Нет, думаю, перед нами пример той сверхъестественной удачи, которая иногда сопутствует преступникам. А если б она не умерла от несчастного случая, он придумал бы, как с ней поступить. Наверняка это входило в его планы. Сначала запугал бы ее до умопомрачения — сказал бы, что ее арестуют за убийство, если она расскажет правду. А потом подкупил бы ее еще одной кругленькой суммой.

— А вам не приходит в голову… — задумчиво проговорил Пуаро, глядя прямо перед собой. — Вам не приходит в голову, что мисс Адамс не допустила бы, чтобы на виселице вздернули совсем другую женщину, если б имела доказательства ее невиновности?

— Никто не стал бы вешать Джейн Уилкинсон. Доказательства ее присутствия на вечеринке у Монтегю Корнера достаточно веские.

— Но убийца-то об этом не знал. Он наверняка рассчитывал, что Джейн Уилкинсон повесят, а Карлотта Адамс будет хранить молчание.

— Вы любите поболтать, да, *мусье* Пуаро? Вы твердо убеждены в том, что Рональд Марш — милый мальчик, который просто не может совершить ничего плохого? Вы верите в его

россказни о каком-то незнакомце, тайком пробравшемся в дом?

Пуаро пожал плечами.

— Вам известно его мнение насчет того, кто это был?

— Я, наверное, мог бы догадаться.

— Ему показалось, как он говорит, что это кинозвезда, Брайан Мартин. Что вы об этом думаете? Человек, который никогда не был знаком с лордом Эджвером.

— Тогда было бы очень любопытно, если б кто-то увидел, как такой человек входит в дом, открывая дверь своим ключом.

— Шах! — вскричал Джепп. В его эмоциональном возгласе слышалось презрение. — А теперь, думаю, вы удивитесь, когда узнаете, что мистера Брайана Мартина в тот вечер не было в Лондоне. Он повез одну молодую даму ужинать в Молси. И вернулись они в Лондон только ближе к полуночи.

— А! — спокойно произнес мой друг. — Нет, я не удивлен. Молодая дама была представительницей его профессии?

— Нет. Это та девица, что держит шляпный магазин. Между прочим, подруга мисс Адамс, мисс Драйвер. Думаю, вы согласитесь, что ее сви-

детельские показания вне подозрений.

— Я их не оспариваю, друг мой.

— По сути, вас обвели вокруг пальца, старина, и вы это знаете. Вся эта история — сплошная небылица, придуманная на ходу. Никто не входил в семнадцатый дом… никто не входил и в другие дома по соседству… О чем это нам говорит? Что его лордство — лжец.

Пуаро покачал головой.

Джепп поднялся. Он воспрял духом и был полон энергии.

— Ладно вам, вы же знаете, что мы правы.

— Кто такой Д? Париж, ноябрь?

Джепп пожал плечами:

— Какая-то древняя история, я думаю. Почему девушка не могла полгода назад получить какую-то вещицу на память? Почему это обязательно должно иметь отношение к преступлению? Не забывайте о чувстве меры.

— Полгода назад, — тихо повторил Пуаро, и его глаза заблестели. — *Dieu, que je suis bête!*[65]

— Это он о чем? — спросил у меня Джепп.

— Слушайте. — Пуаро встал и шлепнул инспектора по груди. — Почему горничная мисс Адамс

---

[65] notes: 65
Господи, какой же я болван! (*фр.*)

не узнала коробочку? Почему ее не узнала мисс Драйвер?

— В каком смысле?

— Да потому, что коробочка была новой! Она появилась у нее только что! «Париж, ноябрь» — без сомнения, это дата, о которой должен напоминать сувенир. Но ее подарили ей сейчас, а не тогда. Ее купили недавно! Совсем недавно! Выясните это, умоляю вас, мой добрый Джепп. Это шанс, это определенно шанс. Купили ее не здесь, а за границей. Вероятно, в Париже. Если ее купили там, вам наверняка удастся найти ювелира. Ведь в газетах было фото и описание коробочки… Да, да, в Париже. Не исключено, что в каком-то другом иностранном городе, но я думаю, что в Париже. Узнайте, умоляю вас. Наведите справки. Я хочу — я искренне желаю — понять, кто этот таинственный Д.

— Вреда от этого не будет, — добродушно заявил Джепп. — Не могу сказать, что эта задача мне по душе. Но сделаю что смогу. Чем больше мы знаем, тем лучше.

И, жизнерадостно покивав нам, он удалился.

Глава 23
Письмо

— А теперь, — сказал Пуаро, — мы отправимся обедать. — Взял меня под руку, весело улыбаясь. — У меня появилась надежда, — объяснил он.

Я радовался, видя, что он снова стал самим собой, хотя моя убежденность в виновности молодого Рональда не ослабла. Я предполагал, что в скором времени мой друг под натиском доводов Джеппа и сам придет к этому выводу. Просьба найти человека, купившего коробочку, была, на мой взгляд, последней попыткой спасти свое лицо.

В таком приподнятом настроении мы и сели обедать.

К своему удивлению, за одним из столиков на другом конце зала я увидел Брайана Мартина и Дженни Драйвер. Вспомнив слова Джеппа, я заподозрил романтическую связь между ними.

Они заметили нас, и Дженни помахала нам.

Когда мы пили кофе, мисс Драйвер оставила своего спутника и подошла к нашему столику.

Она, как всегда, была оживленна.

— Можно мне присесть, месье Пуаро? Я хочу поговорить с вами.

— Конечно, мадемуазель. Я в восторге от встречи с вами. А мистер Мартин присоединится к нам?

— Я попросила его подождать меня. Видите ли, я хочу поговорить о Карлотте.

— Слушаю, мадемуазель.

— Вы ведь спрашивали, не было ли среди ее знакомых мужчины, к которому она относилась как-то по-особенному, верно?

— Да-да.

— Ну, я много думала… Не все события можно понять и осознать сразу. Иногда для этого приходится порыться в памяти — вспомнить множество словечек и фраз, на которые раньше не обращала внимания… Короче, вот чем я занималась. Думала и думала и вспоминала, что она говорила. И пришла к определенным выводам.

— Да, мадемуазель?

— Мне кажется, мужчина, которого она любила — или который ей очень нравился, — это Рональд Марш. Ну, тот, кто унаследовал титул.

— А что заставило вас решить, что это он?

— Однажды Карлотта заговорила о нем, правда,

в общих чертах. Якобы одному человеку крупно не везет, и это сильно влияет на его характер. Что он мог бы вести достойный образ жизни, а катится по наклонной плоскости. Мол, незаслуженно обиженный, который грешил меньше, чем те, кто согрешил против него, — ну, вам наверняка хорошо знаком такой взгляд на мир. Это то, на чем строит свои иллюзии женщина, когда в ней пробуждается чувство к мужчине. Я так часто слышала подобные сентенции! Карлотта была умна, но продолжала твердить эту чушь, словно наивная дурочка, не знающая жизни. «Эй, — сказала я себе, — а в этом что-то есть». Она не называла имени — говорила в общем. Но почти сразу после этого стала рассказывать о Рональде Марше и о том, что с ним, по ее мнению, очень жестоко обошлись. Она держалась беспристрастно и говорила безразличным тоном. Тогда я не связала эти две вещи. Но сейчас… я задумалась. Мне кажется, что она имела в виду Рональда. А вы что думаете, месье Пуаро?

Она устремила на него серьезный взгляд.

— Я думаю, мадемуазель, что вы, вероятно, предоставили мне очень ценную информацию.

— Вот и хорошо. — Дженни захлопала в ладоши.

— Возможно, вы еще не слышали… — Пуаро ласково посмотрел на нее. — Тот джентльмен, о котором вы рассказывали, Рональд Марш… лорд Эджвер… он арестован.

— Ох! — От удивления у нее отвисла челюсть. — Тогда я опоздала со своими размышлениями.

— Ценная информация никогда не бывает запоздалой, — сказал Пуаро. — Во всяком случае, для меня, как вы понимаете. Спасибо, мадемуазель.

Она покинула нас и вернулась к Брайану Мартину.

— Ну что, Пуаро, — сказал я. — Неужели она не поколебала вашу уверенность?

— Нет, Гастингс. Как раз напротив — она лишь укрепила ее.

Несмотря на героическое стремление моего друга отстоять свою точку зрения, я искренне верил, что в глубине души он сдался.

В последующие дни Пуаро ни разу не упомянул о деле Эджвера. Если я заговаривал о нем, он без всякой заинтересованности давал скупые ответы. Другими словами, он просто умыл руки. Какие бы мысли ни роились в его удивительных мозгах, сейчас мой друг был вынужден признать, что его идеи не воплотились в жизнь — что первая

версия по делу оказалась верной и что Рональд Марш абсолютно обоснованно обвиняется в преступлении. Только вот, будучи Пуаро, он не мог открыто признать свое поражение! Поэтому и делал вид, будто утратил интерес к расследованию.

Таково было мое понимание его отношения. И оно вроде бы подтверждалось фактами. Пуаро не проявлял ни малейшего интереса к судебным разбирательствам, которые в данном случае были чисто формальными. Он занялся другим расследованием и, как я сказал, не проявлял никакого интереса, когда упоминалось дело Эджвера.

Прошло почти две недели с тех событий, о которых я рассказал, и мне пришлось убедиться в том, что моя интерпретация его отношения оказалась совершенно ошибочной.

Было время завтрака. У тарелки Пуаро, как всегда, лежала внушительная стопка писем. Он отсортировывал их, перебирая ловкими пальцами. Неожиданно издал довольный возглас, взял письмо с американским штемпелем и вскрыл конверт маленьким ножичком. Я наблюдал за этим действием с большим интересом, так как письмо явно обрадовало его. Содержимое конверта было довольно пухлым.

Пуаро дважды прочел его и поднял глаза.

— Гастингс, хотите взглянуть?

Я взял письмо и начал читать:

«Дорогой месье Пуаро,

Я была тронута вашим добросердечным… вашим очень добросердечным письмом. Все случившееся привело меня в крайнее замешательство. Кроме глубочайшей скорби, что овладела мною, я была чрезвычайно оскорблена намеками в адрес Карлотты — заботливейшей, ласковейшей сестры на свете. Нет, месье Пуаро, она не принимала наркотики. Я уверена в этом. Она испытывала ужас перед вещами такого рода. Я часто слышала, как она говорила об этом. Если Карлотта и сыграла какую-то роль в смерти того человека, то исключительно по неведению, и ее письмо ко мне доказывает это. Я пересылаю вам его, как вы и просили. Мне больно расставаться с последним письмом, написанным ее рукой, но я знаю, что вы обойдетесь с ним бережно и обязательно вернете его мне. Если оно поможет раскрыть тайну ее смерти, как вы утверждаете, что ж, тогда оно обязательно должно быть у вас.

Вы спрашиваете, упоминала ли Карлотта в своих письмах кого-то особо. Она, конечно, рассказывала о многих, но никого не выделяла. Брайан Мартин, которого мы знаем многие годы,

девушка по имени Дженни Драйвер и капитан Рональд Марш — это, как я понимаю, те люди, с которыми она виделась чаще всего.

Жаль, что у меня не получается вспомнить нечто такое, что помогло бы вам. Ваше письмо было исполнено душевного тепла и понимания, и мне кажется, что вы хорошо себе представляете, как много мы с Карлоттой значили друг для друга.

Искренне ваша,
Люси Адамс.

PS. По поводу письма ко мне приходил один офицер из полиции. Я сказала ему, что уже отправила вам письмо. Это, конечно, было неправдой, но я почему-то решила, что очень важно сначала показать его вам. Кажется, Скотланд-Ярду оно понадобилось в качестве улики против убийцы. Отнесите его им. Только, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы они обязательно его вам вернули. Видите ли, это последнее письмо Карлотты ко мне».

— Значит, вы сами написали ей, — сказал я, откладывая письмо. — А зачем, Пуаро? Зачем вы попросили у нее оригинал письма Карлотты Адамс?

Мой друг склонился над сложенными листками, содержавшими то самое письмо, о котором я спрашивал.

— Поистине я не смог бы ответить вам, Гастингс. Наверное, вопреки всему я надеялся, что оригинальное письмо каким-то образом объяснит необъяснимое.

— Не вижу, каким образом у вас получится игнорировать текст того письма. Карлотта сама дала его своей горничной, чтобы та отнесла письмо на почту. Тут нет никакого обмана. Да и, читая его, сразу видишь, что это самое обычное письмо и что оно подлинное.

— Знаю. Я знаю. И это все только усложняет. Потому что, Гастингс, такое письмо просто не может существовать — в его нынешнем виде.

— Чушь.

— Все обстоит именно так. Видите ли, как я уже показывал в своих рассуждениях, должны существовать определенные вещи — они следуют друг за другом в четкой последовательности и составляют вполне понятную систему. И тут появляется письмо. Оно не вписывается в эту систему. Тогда кто ошибается? Эркюль Пуаро или письмо?

— Вы не допускаете, что ошибаться может Эркюль Пуаро? — предположил я, постаравшись

выразить свою мысль поделикатнее.

Мой друг посмотрел на меня с укором:

— Были времена, когда я ошибался, но только не в этом случае. Так что, если кажется, что такое письмо существовать не может, значит, оно действительно не существует. В этом письме есть некоторые факты, которые ускользают от нас. И я пытаюсь их обнаружить.

Он вернулся к изучению письма с помощью маленького карманного микроскопа. Закончив, передал страницы мне. Я, естественно, не нашел в письме ничего неверного. Оно было написано твердым, отлично читаемым почерком и слово в слово соответствовало той копии, что была передана телеграфом.

Пуаро глубоко вздохнул:

— Здесь нет никакой подделки — нет, оно написано той же рукой. И все же, поскольку, как я уже говорил, в таком виде оно не может существовать…

Он замолчал. Затем нетерпеливым жестом потребовал, чтобы я вернул ему листки. Я выполнил его просьбу, и Пуаро опять углубился в изучение.

Внезапно он вскрикнул.

К этому моменту я уже вышел из-за стола и смотрел в окно. Его возглас заставил меня обер-

нуться.

Пуаро в буквальном смысле дрожал от радостного возбуждения. Его зеленые глаза горели. Палец, которым он указывал, подрагивал.

— Видите, Гастингс? Взгляните сюда… быстрее… подойдите и посмотрите.

Я подбежал к нему. Перед ним на столе лежала одна из средних страниц. Я не увидел в ней ничего необычного.

— Неужели не видите? У всех других листов края ровные — это отдельные листки бумаги. А у этого… смотрите… один край неровный… его оторвали, причем так, что сверху получилось больше. Теперь понимаете, что я имею в виду? Эта часть письма была написана на двойном листе, так что одной страницы не хватает.

Я тупо уставился на письмо.

— Но как такое может быть? Ведь все предложения связаны.

— Да-да, все предложения связаны. Именно здесь на первый план и выходит талантливость идеи. Прочтите, и вы увидите. Думаю, лучше всего мне представить факсимиле той страницы… Теперь видите? — сказал Пуаро. — Письмо обрывается там, где она говорит о капитане Марше. Ей жаль его, а потом она говорит: «Ему очень

понравилось мое шоу». Затем на новой странице она пишет: «говорит». Но, *mon ami*, одной страницы не хватает. Тот, кто говорит на новой странице, необязательно соответствует тому, кто говорит на предыдущей. По сути, это совершенно разные люди. И на новой странице — это тот самый человек, который втянул ее в «розыгрыш». Обратите внимание, нигде после этого имя не упоминается. А! *C'est épatant!* Каким-то образом убийца завладевает этим письмом. Оно выдает его. Он, естественно, думает о том, чтобы присвоить его, но тут, читая его, видит другой способ распорядиться им. Убрать одну страницу — и тогда письмо превратится в обвинение против другого человека, который, кстати, тоже имеет все основания желать смерти лорду Эджверу. А! Это же самый настоящий дар небес, как вы говорите! Он отрывает страницу — и полностью меняет суть письма.

Я восхищенно смотрел на Пуаро, не будучи полностью уверен в истинности этой версии. Мне казалось вполне возможным, что Карлотта, начав писать письмо на отдельных листах, вдруг продолжила на оторванной половинке двойного. Но Пуаро так искренне радовался, что у меня просто не хватало духа высказать какое-то проза-

ическое предположение. Как-никак, может быть, он и прав.

И все же я отважился отметить одно или два препятствия, лежавших на пути этой версии.

— Но как этот человек — кто бы он ни был — смог завладеть письмом? Мисс Адамс достала его из своей сумочки и самолично отдала горничной, чтобы та отнесла письмо на почту. Горничная сама нам об этом рассказала.

— В таком случае мы должны допустить две вещи. Либо горничная солгала, либо в тот вечер Карлотта Адамс виделась с убийцей.

Я кивнул.

— Мне кажется, последнее допущение — самое вероятное. Мы всё еще не знаем, где Карлотта Адамс находилась после того, как вышла из квартиры, и до девяти часов, когда оставила кейс в камере хранения Юстона. Думаю, именно в этот промежуток времени она и встретилась с убийцей в каком-то назначенном месте — скорее всего они где-то вместе ужинали. Он дал ей последние инструкции. Что было конкретно в отношении письма, мы не знаем. Можем только догадываться. Не исключено, что она просто держала его в руке, собираясь бросить в ящик. Она могла положить его на столик в ресторане. Убийца видит

адрес и чует опасность. Возможно, он каким-то хитрым способом завладел им, вышел из-за стола, вскрыл, прочитал, оторвал одну страницу и потом либо вернул на стол, либо, заявив, будто она уронила его, отдал ей, когда она уходила. Как все это произошло, для нас не важно, но из этого нам ясны две вещи. Что в тот вечер Карлотта Адамс виделась с убийцей либо до убийства лорда Эджвера, либо после — у нее был небольшой промежуток времени между «Корнер-Хаусом» и возвращением домой. Я предполагаю — хотя могу и ошибаться, — что именно убийца подарил ей золотую коробочку. Это был сентиментальный сувенир в память об их первой встрече. Если оно так, то убийца — этот самый Д.

— Не понимаю, при чем тут золотая коробочка.

— Послушайте, Гастингс, у Карлотты Адамс не было пристрастия к вероналу. Так нам говорит Люси Адамс, и я тоже считаю, что это так. Она была проницательной девушкой с отменным здоровьем и без склонности к таким вещам. Ни ее знакомые, ни ее горничная не опознали коробочку. Тогда почему мы обнаружили ее в ее вещах? Значит, кому-то было нужно создать видимость, будто она приняла веронал и будто она

уже давно сидит на нем — скажем, как минимум полгода. Давайте предположим, что Карлотта на несколько минут встретилась с убийцей после убийства. Они, Гастингс, вместе выпили, чтобы отпраздновать успех своего плана. А в напиток девушки была подмешана значительная доза веронала, рассчитанная так, чтобы Карлотта не проснулась на следующее утро.

— Ужасно, — сказал я, ежась.

— Да, все это очень некрасиво, — сухо произнес Пуаро.

— Вы собираетесь изложить все это Джеппу? — спросил я через пару минут.

— Ни в коем случае. Что у меня для него есть? Наш замечательный Джепп скажет на это: «Опять пальцем в небо! Девушка писала на оторванном листке бумаги!» *C'est tout*[66].

Я с виноватым видом отвел взгляд.

— Что я отвечу на это? Ничего. Все это то, что могло бы случиться. Я знаю только, что все это не случилось, потому что необходимо, чтобы это не случалось.

Пуаро замолчал. На его лице появилось мечтательное выражение.

---

[66] notes: 66
Вот и все (*фр.*).

— Только подумайте, Гастингс, если б тот человек действовал в определенном порядке и в соответствии с какой-то системой, он наверняка отрезал бы страницу, а не оторвал. И тогда мы ничего не заметили бы. Совершенно ничего!

— Напрашивается логичный вывод, что в характере этого человека присутствует небрежность.

— Нет, нет. Возможно, он спешил. Посмотрите, как неаккуратно оторвана страница. О, совершенно точно, его поджимало время. — Помолчав, мой друг добавил: — Ну, одну вещь вы заметили, я надеюсь. У этого человека — у этого Д — имеется надежное алиби на тот вечер.

— Не понимаю, как у него вообще могло быть алиби, если он сначала побывал на Риджент-Гейт, где совершил убийство, а потом встретился с Карлоттой Адамс.

— Именно, — сказал Пуаро. — Как раз это я и имею в виду. Он настоятельно нуждается в алиби, чтобы не было ни малейшего сомнения. И еще один аспект. На самом ли деле его имя начинается на Д? Или Д — это первая буква прозвища или уменьшительного имени, под которым она его знала? — После паузы он тихо продолжил: — Мужчина, чье имя или прозвище начинается с Д. Нам надо его найти, Гастингс. Да, нам нужно

срочно его найти.

Глава 24
Новость из Парижа

На следующий день нам нанесли неожиданный визит.

Объявили о приходе Джеральдин Марш.

Пуаро поприветствовал ее и усадил в кресло. Я испытывал жалость к ней. Ее глаза казались больше, чем раньше. Темные круги под ними наводили на мысль о том, что она не спала. Джеральдин выглядела очень изможденной и усталой для юной девушки — практически подростка.

— Я приехала к вам, месье Пуаро, потому что не знаю, как быть дальше. Я ужасно встревожена и расстроена.

— Да, мадемуазель?

Всем своим видом она вызывала сострадание.

— Рональд рассказал мне, о чем вы говорили с ним в тот день. В тот страшный день, когда его арестовали. — Она поежилась. — Он рассказал мне, как вы неожиданно поддержали его, когда он уже решил, что никто не поверит ему, и как вы сказали: «Я вам верю». Все это правда, месье

Пуаро?

— Правда, мадемуазель, я так и сказал.

— Это-то я знаю. Я имела в виду не какие слова вы сказали, а правда ли то, что вы сказали. Я хочу спросить, вы действительно поверили в его историю?

Она так нервничала, что даже подалась вперед и сцепила руки на коленях.

— То, что я сказал, было правдой, мадемуазель, — тихо ответил Пуаро. — Я не верю, что ваш кузен убил лорда Эджвера.

— Ох! — Ее щеки слегка зарумянились, глаза распахнулись еще шире. — Тогда вы наверняка считаете… что его убил кто-то другой!

– *Evidemment*[67], мадемуазель. — Он улыбнулся.

— Я глупая. Я плохо выражаю свои мысли. Я хотела сказать другое… вам известно, кто этот другой?

Она с нетерпением ждала ответа.

— У меня есть кое-какие идеи, естественно… ну, скажем, подозрения.

— А вы расскажете мне? Пожалуйста… прошу вас.

---

[67] notes: 67
Очевидно (*фр.*).

Пуаро покачал головой:

— Это было бы… наверное… нечестно.

— Значит, вы подозреваете кого-то конкретно?

Мой друг опять покачал головой.

— Если б я знала чуть больше, — взмолилась девушка, — мне было бы гораздо проще. И возможно, я смогла бы помочь вам. Да, серьезно, я могла бы помочь вам.

Ее молящий взгляд обезоруживал, но Пуаро продолжал качать головой.

— Герцогиня Мертон до сих пор убеждена, что это моя мачеха, — задумчиво произнесла девушка и покосилась на Пуаро.

Тот никак не отреагировал на ее взгляд.

— Но я с трудом представляю, как у нее это получилось бы.

— Какого вы мнения о ней? О своей мачехе?

— Ну… я почти не знаю ее. Я училась в школе в Париже, когда отец женился на ней. Когда я вернулась домой, она была со мной вполне мила. В том смысле, что не замечала моего присутствия. Я думала, она пустышка и корыстная.

Пуаро кивнул.

— Вы упомянули герцогиню Мертон. Вы часто видитесь с ней?

— Да. Она всегда была добра ко мне. Послед-

нюю неделю я провела с ней много времени. Мне было очень тяжело — все эти разговоры, репортеры, Рональд в тюрьме… — Ее передернуло. — Я чувствую, что у меня нет настоящих друзей. Но герцогиня была очень заботлива, да и он тоже… в смысле ее сын.

— Вам он нравится?

— Он робкий, мне кажется. Всегда напряжен, с ним трудно общаться. Но его мать много рассказывает о нем, и у меня такое ощущение, будто я очень хорошо знаю его.

— Ясно. Скажите, мадемуазель, вы привязаны к своему кузену?

— К Рональду? Естественно. Он… в последние два года я редко с ним виделась… но до этого он жил в доме. Я… я всегда считала его замечательным. Он любил шутить, придумывал всякие проказы… Ой, наш дом такой мрачный, а его присутствие все меняло!

Пуаро кивал, полный сочувствия, но его следующий вопрос шокировал меня своей жестокостью.

— Вы же не хотите, чтобы его повесили, да?

— Нет, нет. — Девушка вздрогнула. — Только не это. Ох, если б это была она… моя мачеха… Это наверняка она. Герцогиня говорит, что это

точно она.

— А! — произнес Пуаро. — Если б капитан Марш остался в такси… а?

— Да… только что вы имеете в виду? — Она нахмурилась. — Я не понимаю.

— Если б он не пошел за тем человеком в дом. Кстати, вы слышали, как кто-то входил?

— Нет, я ничего не слышала.

— Что вы делали, когда вошли в дом?

— Сразу побежала наверх, чтобы взять ожерелье, как вы знаете.

— Конечно. Вам понадобилось на это некоторое время.

— Да. Я не смогла сразу найти ключ от шкатулки с драгоценностями.

— Так часто бывает. Чем больше спешишь, тем меньше успеваешь. Прошло какое-то время, прежде чем вы спустились вниз, а потом… обнаружили в холле своего кузена?

— Да, он шел от библиотеки. — Джеральдин сглотнула.

— Понимаю. Это вас сильно испугало.

— Да, это так. — Она явно была благодарна за сочувственный тон. — И сильно удивило, видите ли.

— Несомненно.

— Вдруг позади меня раздался голос Рональда: «Ну что, Дина, взяла?» — и я аж подпрыгнула.

— Да, — произнес Пуаро. — Как я уже сказал, жаль, что он не остался снаружи. Тогда таксист смог бы присягнуть в том, что капитан Марш не заходил в дом.

Джеральдин кивнула. Из ее глаз текли слезы и капали на колени. Она встала. Пуаро взял ее за руку.

— Вы хотите, чтобы я спас его… это так?

— Да, о да, прошу вас. Вы не знаете… — Она изо всех сил старалась сохранить контроль над своими чувствами.

— У вас была нелегкая жизнь, мадемуазель, — ласково сказал Пуаро. — Я помню об этом. Да, очень нелегкая. Гастингс, вы вызовете такси для мадемуазель?

Я спустился вниз вместе с Джеральдин и проводил ее до такси. Она уже успела овладеть своими эмоциями и искренне поблагодарила меня.

Вернувшись, я обнаружил, что Пуаро, нахмурившись, расхаживает взад-вперед по комнате. Вид у него был грустный.

Я обрадовался тому, что зазвонил телефон — разговор мог отвлечь его.

— Кто это? А, Джепп… *Bonjour, mon ami*[68].

— Что у него? — спросил я, подходя поближе к аппарату.

Пуаро молча слушал, издавая возгласы, и наконец заговорил:

— Да, а кто заехал за ней? Они знают?

Каков бы ни был ответ, мой друг явно его не ожидал. У него смешно вытянулось лицо.

— Вы уверены?

— ……

— Нет, это немного огорчает, вот и всё.

— ……

— Да, я должен пересмотреть свои идеи.

— ……

– *Comment?*

— ……

— И все равно я был прав насчет этого. Да, деталь, как вы говорите.

— ……

— Нет, я остаюсь при том же мнении. Я настоятельно прошу вас навести справки в ресторанах в окрестностях Риджент-Гейт и Юстона, Тоттенхэм-Корт-роуд и, возможно, Оксфорд-стрит.

— ……

---

[68] notes: 68
Добрый день, друг мой (*фр.*).

— Да, женщина и мужчина. А еще в окрестностях Стрэнда незадолго до полуночи. *Comment?*

— .....

— Ну конечно, я знаю, что капитан Марш был с Дортхаймерами. Но на свете есть и другие люди, кроме капитана Марша.

— .....

— Говорить, что я упрям, как осел, неприлично. *Tout de même*, избавьте меня от этого, очень прошу вас.

— .....

Пуаро повесил трубку.

— Ну? — с нетерпением спросил я.

— Хорошо ли это, вот что мне интересно. В общем, Гастингс, эту золотую коробочку действительно купили в Париже. Заказ на нее пришел в письме в известный парижский магазин, специализирующийся на подобных вещах. Письмо было от леди Аккерли — его подписала Констанс Аккерли. Естественно, такого человека не существует. Письмо пришло за два дня до убийства. В нем содержался заказ на исполненные рубинами инициалы заказчика — предположительно — и на гравировку. Заказ был срочным — его должны были забрать на следующий день. То есть за день до убийства.

— За ней заехали?

— Да, за ней заехали и расплатились наличными.

— А кто заехал? — спросил я, чувствуя, что мы все ближе подбираемся к истине.

— За ней заехала женщина, Гастингс.

— Женщина? — удивленно воскликнул я.

– *Mais oui.* Женщина — невысокая, средних лет и в пенсне.

Озадаченные, мы уставились друг на друга.

Глава 25
Званый обед

Кажется, именно в тот день мы отправились на званый обед, который Уидберны устраивали в «Клариджe».

Ни у Пуаро, ни у меня не было особого желания ехать туда. Между прочим, мы уже получили около шести приглашений. Миссис Уидберн оказалась настойчивой дамой, и ей нравились знаменитости. Не обескураженная неудачами, она в конечном итоге предложила такой широкий выбор дат, что наша капитуляция стала неизбежной. В такой ситуации было проще поскорее отделаться.

После новости из Парижа Пуаро замкнулся. На мои замечания по поводу расследования он давал один и тот же ответ:

— Здесь есть что-то, чего я не понимаю.

Пару раз мой друг бормотал себе под нос:

— Пенсне. Пенсне в Париже. Пенсне в сумочке Карлотты Адамс.

Я искренне радовался тому, что обед немного отвлечет его от размышлений.

Среди приглашенных был молодой Дональд Росс, и он оживленно приветствовал нас. Мужчин было больше, чем женщин, и за столом Дональд оказался рядом со мной.

Джейн Уилкинсон сидела напротив нас, а рядом, между ней и миссис Уидберн, расположился молодой герцог Мертон. Мне показалось — естественно, это могли быть просто мои фантазии, — что он чувствует себя очень неловко. Думаю, окружавшее его общество было ему не по душе. Герцог был консерватор и реакционер по своим взглядам — казалось, он по какой-то чудовищной ошибке попал в наше время из Средневековья. Его одержимость чрезвычайно современной Джейн Уилкинсон стала одной из тех анахроничных шуток, что так любит выкидывать Природа.

Любуясь красотой Джейн и наслаждаясь ее низким, с хрипотцой, голосом, которым она произносила банальности, я думал о том, что капитуляция герцога Мертона меня не удивляет. Но со временем любой человек привыкает к совершенной красоте и чарующему голосу! Мне в голову закралась мысль, что лучик здравого смысла уже начал растворять дурман этой любви. Такое впечатление у меня сложилось от одного

случайного замечания — довольно унизительной оплошности со стороны Джейн.

Кто-то — уже не помню кто — произнес фразу «мнение Париса», и над столом тут же разнесся радостный голос Джейн.

— Парижа? — сказала она. — Париж сейчас сплошной отстой. А вот Лондон и Нью-Йорк котируются.

Как иногда случается, гул голосов за столом на мгновение стих. Повисла неловкая тишина. Я услышал, как справа шумно втянул в себя воздух Дональд. Тут миссис Уидберн принялась оживленно рассказывать про русскую оперу. Остальные тоже заговорили. Джейн оглядывала гостей, искренне не понимая, что только что ляпнула глупость.

Именно тогда я и обратил внимание на герцога. Он покраснел, плотно сжал губы и даже, как мне показалось, слегка отодвинулся от Джейн. Вероятно, осознал тот факт, что женитьба мужчины с его статусом на Джейн Уилкинсон может привести к неловким и неожиданным осложнениям.

Как часто бывает, я заговорил о первом, что пришло мне на ум, со своей соседкой слева, толстой титулованной дамой, которая устраивала детские утренники. Помню, то был вопрос: «Кто

та экстраординарного вида женщина в пурпурном на другом конце стола?» И естественно, это оказалась сестра моей соседки! Пробормотав извинения, я повернулся и заговорил с Россом, который отвечал мне односложно.

Вот так, игнорируемый с обеих сторон, я и заметил Брайана Мартина. Вероятно, он опоздал, так как до этой минуты я его не видел. Актер сидел чуть дальше от меня на той же стороне стола, что и я, и оживленно болтал с красивой блондинкой.

Прошло некоторое время с нашей последней встречи, и сейчас я поразился грандиозным переменам к лучшему в его внешности. Глубокие складки, говорившие о крайнем изможднии, почти исчезли с его лица. Он выглядел моложе и во всех отношениях бодрее; болтал и смеялся со своей визави и, кажется, пребывал в великолепном расположении духа.

У меня не было времени, чтобы понаблюдать за ним, так как моя толстая соседка простила меня и великодушно позволила мне выслушать длинный монолог о прелестях подготавливаемого ею благотворительного детского праздника.

Пуаро был вынужден уехать пораньше, так как спешил на встречу. Он расследовал странное исчезновение сапог одного посла, и встреча была

назначена на половину третьего. Мой друг поручил мне попрощаться за него с миссис Уидберн. Пока я ждал такой возможности — дело оказалось непростым, потому что она была окружена плотным кольцом прощающихся друзей, то и дело восклицавших: «Ах, дорогая», — кто-то тронул меня за плечо.

Это был молодой Росс.

— А месье Пуаро здесь? Я хотел поговорить с ним.

Я объяснил, что Пуаро только что уехал.

Судя по виду, Росс расстроился. Присмотревшись к нему, я увидел, что его что-то сильно тревожит. Он был бледен и напряжен, во взгляде отражалась неуверенность.

— Вы хотели увидеться именно с ним? — спросил я.

— Я… я не знаю, — медленно произнес он.

Ответ был настолько странным, что я удивленно уставился на него. Он покраснел.

— Понимаю, звучит странно. Дело в том, что случилось нечто непонятное. Нечто такое, смысл чего я уяснить не могу. Я… я хотел бы, чтобы месье Пуаро дал мне совет. Потому что, видите ли, я не знаю, что делать… я не хочу беспокоить его, но…

Он был так угнетен и расстроен, что я поспешил

подбодрить его:

— Пуаро уехал на встречу. Но он собирается вернуться к пяти. Вы можете в это время позвонить ему или просто зайти.

— Спасибо. А знаете, я так и сделаю. В пять?

— Лучше сначала позвонить, — сказал я, — и убедиться, прежде чем ехать.

— Хорошо. Я позвоню. Спасибо, Гастингс. Видите ли, мне кажется, это может оказаться… я не уверен, но предполагаю… очень важным.

Я кивнул и повернулся туда, где миссис Уидберн расточала мед своих речей и жала руки.

Исполнив поручение, я уже собирался уйти, когда чья-то рука легла мне на локоть.

— Не прогоняйте меня, — произнес веселый голос.

Это была Дженни Драйвер — она, кстати, шикарно выглядела.

— Здравствуйте, — сказал я. — Откуда вы взялись?

— Я обедала за соседним от вас столом.

— Я вас не видел. Как дела?

— Процветают, спасибо.

— Суповые тарелки продаются хорошо?

— Суповые тарелки, как вы их грубо обозвали, продаются очень хорошо. Когда все насытятся

ими по горло, придется приступить к нудной работе и придумать что-то еще. Например, ракушка с приделанным к ней пером будет отлично смотреться прямо в центре лба.

— Бессовестная.

— Вовсе нет. Кто-то же должен прийти на помощь страусам. А то все они на пособии по безработице.

Она рассмеялась и стала прощаться:

— До свидания. Я дала себе отгул на полдня. Хочу устроить себе короткую прогулку за городом.

— За городом сейчас замечательно, — одобрительно сказал я. — В Лондоне духота.

Я неторопливо прошел через парк и добрался до дома около четырех. Пуаро еще не было. Он вернулся только без двадцати пять. Его глаза блестели, и он явно был чем-то доволен.

— Как я вижу, Холмс, — сказал я, — вам удалось выследить посольские сапоги.

— Как оказалось, это дело о контрабанде кокаина. Очень искусно все провернули. Последний час я провел в дамском салоне красоты. Там была одна девушка с рыжими волосами — она сразу завоевала бы ваше сердце.

Пуаро почему-то придерживается мнения, что я падок на рыжие волосы. Я не стал с ним спорить.

Зазвонил телефон.

— Это, наверное, Дональд Росс, — сказал я, подходя к аппарату.

— Дональд Росс?

— Да, тот молодой человек, с которым мы познакомились в Чизике. Он хочет о чем-то поговорить с вами.

Я взял трубку.

— Алло, говорит капитан Гастингс.

Звонил Росс.

— О, это вы, Гастингс? Месье Пуаро пришел?

— Да, он здесь. Вы поговорите с ним по телефону или зайдете?

— Тут говорить особо не о чем. Я могу сказать все по телефону.

— Хорошо. Подождите.

Подошел Пуаро, и я передал ему трубку, но остался стоять так близко, что слышал, правда, приглушенно, голос Росса.

— Это месье Пуаро? — Его голос звучал приподнято… даже возбужденно.

— Да, это я.

— Послушайте, я не хочу докучать вам, но кое-что кажется мне немного странным. Это связано со смертью лорда Эджвера.

Я увидел, как Пуаро насторожился.

— Продолжайте, продолжайте.

— Возможно, вам это покажется чушью…

— Нет-нет, все равно рассказывайте.

— Меня побудил позвонить вам Париж. Видите ли… — Я услышал в трубке отдаленный звонок. — Полсекунды, — сказал Росс.

Судя по звуку, трубку положили на стол.

Мы ждали, Пуаро с трубкой у уха, я — стоя рядом.

Я имею в виду в буквальном смысле — мы ждали…

Прошло две минуты… три… четыре… пять.

Пуаро нетерпеливо переступал с ноги на ногу и поглядывал на часы.

Затем он нажал на рычажки и заговорил с коммутатором. А потом повернулся ко мне:

— На том конце трубку не положили, но ответа нет. Они не могут получить ответ. Быстрее, Гастингс, ищите адрес Росса в телефонной книге. Мы должны немедленно ехать туда.

Глава 26
Париж?

Пять минут спустя мы уже запрыгивали в такси. Лицо Пуаро было мрачным.

— Я боюсь, Гастингс, — сказал он. — Я боюсь.

— Вы же не хотите сказать… — начал я и замолчал.

— Нам противостоит некто, кто уже дважды нанес удар. Этот человек без колебаний ударит снова. Он изворачивается и лавирует, как крыса, спасающая свою жизнь. Росс — это опасность. Значит, его надо устранить.

— Действительно ли то, о чем он хотел рассказать, так уж важно? — с сомнением спросил я. — Судя по его виду, он так не считал.

— Значит, он ошибался. Теперь ясно: Росс собирался рассказать нам нечто первостепенной важности.

— Но как об этом могли узнать?

— Ведь он разговаривал с вами. Там, в «Клариджe». Вокруг были люди. Безумие… полнейшее безумие. А! Почему вы не привезли его с собой… надо было охранять его… не подпускать к нему

никого, пока я не выслушаю его.

— Мне и в голову не могло прийти… я даже не думал… — запинаясь, произнес я.

Пуаро взмахнул рукой.

— Не вините себя — разве вы могли знать? Я… я должен был предположить. Убийца, видите ли, Гастингс, хитер, как тигр, и так же безжалостен… А! Неужели мы никогда не доедем?

Наконец мы добрались. Росс жил в маленькой квартирке на втором этаже дома, стоявшего на большой площади в Кенсингтоне. Об этом свидетельствовала маленькая карточка, вставленная в рамку возле звонка. Дверь в подъезд оказалась открыта. Внутри был широкий лестничный пролет.

— Как легко войти… Никто и не увидит, — пробормотал Пуаро, поднимаясь по лестнице.

На втором этаже была своего рода перегородка и узкая дверь с автоматическим замком. В центре двери висела карточка Росса.

Мы замерли. Вокруг стояла мертвая тишина.

Я толкнул дверь — к моему удивлению, она открылась.

Мы вошли. С одной стороны холла увидели открытую дверь; другая, перед нами, вела, очевидно, в гостиную.

Мы направились в гостиную. Она представляла собой половину просторного салона и была обставлена дешевой, но удобной мебелью. Там никого не оказалось. На маленьком столике стоял телефон, трубка лежала рядом с аппаратом.

Пуаро шагнул вперед, огляделся и покачал головой.

— Не здесь. Пошли, Гастингс.

Мы вернулись обратно в холл и подошли к другой двери. Это была крохотная столовая. На дальнем конце стола распростерся едва не падающий из кресла Росс.

Пуаро склонился над ним.

Затем выпрямился — его лицо было белым.

— Мертв. Заколот в основание черепа.

Последующие события того дня сохранились в моей памяти как кошмар. Я не мог избавиться от ужасного чувства ответственности за случившееся.

Много позже, уже вечером, когда мы остались вдвоем, я рассказал Пуаро о своих горьких угрызениях совести. Он ответил без промедления:

— Нет-нет, не вините себя. Разве вы могли что-либо заподозрить? Добрый Господь не наделил вас подозрительностью.

— А вы заподозрили?

— Тут другое. Всю свою жизнь, видите ли, я выслеживаю убийц. И знаю, как с каждым разом побуждение к убийству становится сильнее, пока наконец по какой-то тривиальной причине… — Он замолчал.

Мой друг словно успокоился после нашей страшной находки. Пока в квартире работала полиция, пока проводился опрос жильцов дома, пока выполнялись внушающие ужас процедуры, сопутствующие любому убийству, он оставался отстраненным — на удивление спокойным — и держался как сторонний наблюдатель. И сейчас, когда Пуаро замолчал на полуслове, у него в глазах появилось то же самое отстраненное, задумчивое выражение.

— Мы, Гастингс, не можем тратить время на сожаления, — негромко сказал он. — У нас нет времени на «если бы». Несчастный молодой человек, который сейчас мертв, хотел что-то сказать нам. И мы уже знаем, что это было нечто очень важное — в противном случае его не убили бы. Так как он уже ничего не сможет нам рассказать, мы должны сами догадаться. Мы должны сами догадаться — и для этого у нас имеется одна крохотная подсказка.

— Париж, — сказал я.

— Да, Париж. — Пуаро встал и заходил взад-вперед. — В этом деле было много упоминаний о Париже, но, к несчастью, в связи с различными обстоятельствами. Есть слово «Париж», выгравированное на золотой коробочке. Париж в ноябре прошлого года. Тогда там была мисс Адамс; возможно, и Росс тоже там был. Был ли там кто-то еще, кого знал Росс? Кого он видел в обществе мисс Адамс при каких-то особых обстоятельствах?

— Мы не сможем этого узнать, — сказал я.

— Напротив, сможем. И узнаем! Возможности человеческого мозга, Гастингс, безграничны. Какие еще упоминания о Париже связаны с этим делом? Есть невысокая женщина в пенсне, которая заезжала за коробочкой к ювелиру. Знал ли ее Росс? Герцог Мертон находился в Париже, когда было совершено преступление. Париж, Париж, Париж. Лорд Эджвер собирался в Париж… А! Возможно, тут у нас что-то есть. А не убили ли его для того, чтобы помешать поездке в Париж?

Пуаро снова сел и свел брови к переносице. Я буквально ощущал исходившие от него волны усиленной умственной работы.

— Что произошло за обедом? — пробормотал он. — Самое обычное слово или фраза, должно

быть, открыло Дональду Россу значимость тех сведений, которыми он обладал. То есть до того момента он не знал, насколько они важны. Было ли там какое-то упоминание о Франции? О Париже? На вашем конце стола, я имею в виду.

— Слово «Париж» упоминалось, но в совершенно другой связи.

Я рассказал об оплошности Джейн Уилкинсон.

— Это, вероятно, все объясняет, — задумчиво проговорил Пуаро. — Слова «Париж» оказалось достаточно — во взаимосвязи с чем-то другим. Но что это другое? На что смотрел Росс? Или о чем он говорил, когда это слово было произнесено?

— Он рассказывал о шотландских суевериях.

— А его взгляд был направлен… куда?

— Не могу сказать точно. Думаю, он смотрел в тот конец стола, где сидела миссис Уидберн.

— Кто сидел рядом с ней?

— Герцог Мертон, потом Джейн Уилкинсон, потом какой-то незнакомый мне тип.

— Месье *le Duc*… Вполне возможно, что он смотрел на месье *le Duc*, когда было произнесено слово «Париж». Не забывайте, герцог был — или считается, что был, — в Париже в момент преступления. А наш друг Росс неожиданно вспомнил нечто такое, что показало бы, что Мер-

тон в Париже не был.

— Мой дорогой Пуаро!..

— Да, вы воспринимаете это как полнейший абсурд. И все тоже. Был у месье *le Duc* мотив для преступления? Да, причем сильный. Но вот предположить, что он это преступление совершил, — о, какой абсурд! Ведь он так богат, он занимает такое важное положение в обществе, он прославился своим благородным характером… Никто не станет внимательно изучать его алиби. Однако сфабриковать алиби в большом отеле несложно. Пройти мимо стойки администратора, вернуться — такое под силу любому. Скажите, Гастингс, Росс что-нибудь сказал, когда произнесли слово «Париж»? Он проявил какие-то эмоции?

— Я точно помню, как он резко втянул в себя воздух.

— А как он держался, когда разговаривал с вами? Был озадачен? Смущен?

— Именно таким он и был.

– *Précisément*[69]. Ему в голову приходит идея. Он считает ее нелепой! Абсурдной! И все же… он сомневается, стоит ли говорить о ней. Он хочет сначала посоветоваться со мной. Но увы! Когда

---

[69] notes: 69
Точно (*фр.*).

он принимает решение, меня уже там нет.

— Если бы он рассказал мне чуть больше, — посетовал я.

— Да. Если бы… Кто в этот момент был рядом с вами?

— Ну, практически все. Все прощались с миссис Уидберн. Я не обратил внимания…

Пуаро опять встал.

— Неужели я все это время ошибался? — пробормотал он, расхаживая по комнате. — Неужели я ошибался все это время?

Я смотрел на него с сочувствием. Правда, я не знал, какие идеи роились у него в голове. «Закрытый, как устрица», — сказал о нем Джепп, и эти слова инспектора Скотланд-Ярда довольно точно описывали Пуаро. Мне было известно одно: сейчас, конкретно в этот момент, он воюет с самим собой.

— Как бы то ни было, — сказал я, — это убийство нельзя повесить на Рональда Марша.

— Это довод в его пользу, — рассеянно проговорил мой друг. — Однако сейчас это нас не заботит.

Он неожиданно, как и в прошлый раз, сел.

— Я не мог так сильно ошибаться, Гастингс. Помните, я как-то поставил перед собой пять

вопросов?

— Что-то смутно припоминаю.

— Они были следующие. Почему лорд Эджвер изменил свое мнение насчет развода? Как объяснить ситуацию с письмом, которое он якобы, по его словам, написал и которое она, по ее словам, так и не получила? Почему его лицо выражало ярость, когда мы в тот день выходили из дома? Что пенсне делало в сумочке Карлотты Адамс? Зачем некто телефонировал леди Эджвер в Чизик и тут же повесил трубку?

— Да, были такие вопросы, — сказал я. — Теперь я вспомнил.

— Гастингс, все это время я вынашивал одну идею. Идею о том, кто этот человек — тот, что маячит на заднем фоне. На три из тех вопросов я ответил — и ответы соответствуют моей идее. А вот на два, Гастингс, я ответить не могу.

А теперь взгляните, что это означает. Либо я ошибаюсь насчет личности, и этот человек просто не может быть им. Либо ответы на те два вопроса, на которые я не могу ответить, все это время лежат рядом. Так что из двух верно, а, Гастингс?

Поднявшись, Пуаро подошел к столу, отпер ящик и достал письмо, пересланное Люси Адамс

из Америки. Он попросил у Джеппа разрешения подержать его день-два, и тот дал свое согласие. Пуаро разложил его перед собой на столе и, сев, склонился над ним.

Шли минуты. Я, зевнув, взял книгу. Я сомневался, что изучение письма даст Пуаро какой-то результат. Мы уже исследовали его со всех сторон. Кроме подтверждения тому, что в письме говорится не о Рональде Марше, в нем не было ничего, что подсказало бы, кто это может быть.

Я перелистнул страницы своей книги…

Вероятно, задремал…

Внезапно Пуаро издал тихий возглас. Я резко выпрямился.

Выражение, с которым он смотрел на меня, описать было трудно. Его зеленые глаза сияли.

— Гастингс, Гастингс…

— Да, в чем дело?

— Помните, я говорил вам, что если б тот человек действовал в определенном порядке и в соответствии с какой-то системой, он наверняка отрезал бы страницу, а не оторвал?

— Да.

— Я ошибался. Это преступление продумано и имеет четкую систему. Страницу нужно было именно оторвать, а не отрезать. Взгляните сами.

Я взглянул.

– *Eh bien*, видите?

Я покачал головой.

— Вы хотите сказать, что он спешил?

— Спешил или не спешил, все равно было бы то же самое. Неужели вы не видите, друг мой? Страницу нужно было оторвать…

Я покачал головой.

Понизив голос, Пуаро сказал:

— Я глупец. Я был слеп. Но сейчас — сейчас — у нас все получится.

Глава 27
Касательно пенсне

Минуту спустя его настроение изменилось. Он уже был на ногах. Я тоже вскочил — ничего не понимая, но горя желанием действовать.

— Мы возьмем такси. Сейчас только девять. Еще не поздно для визита.

Я поспешил вслед за ним вниз по лестнице.

— Кому мы собираемся нанести визит?

— Мы едем на Риджент-Гейт.

Я решил, что самым мудрым с моей стороны будет помолчать. Пуаро, как я видел, был не настроен отвечать на вопросы. Он пребывал в сильном возбуждении. Сидя рядом со мной в такси, мой друг с нервным нетерпением, что было не характерно для него, барабанил пальцами по коленям.

Я мысленно вспоминал по слову письмо Карлотты Адамс к сестре, уже успев выучить его наизусть. И снова и снова повторял слова Пуаро об оторванной странице.

Однако все это ни к чему не привело. Для меня в словах Пуаро не было никакого смысла. Почему

страницу обязательно надо было оторвать? Нет, я этого не понимал.

На Риджент-Гейт дверь нам открыл новый дворецкий. Мой друг заявил, что хочет видеть мисс Кэрролл, и пока мы вслед за дворецким поднимались по лестнице, я раз в пятидесятый задавался вопросом, куда делся «греческий бог». Пока полиции так и не удалось напасть на его след. Неожиданно по спине у меня пробежали мурашки, когда я предположил, что он, возможно, тоже мертв…

Вид мисс Кэрролл, бодрой, аккуратной и в высшей степени здравомыслящей, отвлек меня от этих мыслей. Визит Пуаро явно удивил ее.

— Я рад, что вы все еще здесь, мадемуазель, — сказал он, склоняясь над ее рукой. — Я боялся не найти вас в этом доме.

— Джеральдин и слышать не желает о моем уходе, — сказала мисс Кэрролл. — Она умоляла меня остаться. И правда, в этот нелегкий период девочка нуждается в близком человеке. А еще больше она нуждается в защитнике. Уверяю вас, месье Пуаро, когда это необходимо, из меня получается очень эффективный защитник.

Ее губы сложились в тонкую линию. Я чувствовал, что она запросто даст отпор журналистам и

прочим охотникам за сенсацией.

— Мадемуазель, вы всегда казались мне образцом результативности. И я восхищаюсь этим. Такое качество — редкость. А вот мадемуазель Марш другая, у нее нет практической жилки.

— Она мечтательница, — сказала мисс Кэрролл. — И совершенно непрактичная. Всегда такой была. К счастью, у нее есть средства к существованию.

— Да, именно.

— Но я полагаю, что вы прибыли сюда не для того, чтобы обсуждать, насколько практичными или непрактичными могут быть люди. Что я могу для вас сделать, месье Пуаро?

Не думаю, что моему другу понравилось, что его в такой вот манере возвращают к сути. Он всегда был привержен окольным путям. Что же касается мисс Кэрролл, то в ее понимании подобный подход был непрактичным. Она, прищурившись, с подозрением смотрела на Пуаро через свои сильные стекла.

— Есть некоторые моменты, по которым я хотел бы получить конкретную информацию. Я знаю, мисс Кэрролл, что вашей памяти можно доверять.

— Я была бы плохим секретарем, если б это

было иначе, — мрачно заявила она.

— Лорд Эджвер был в Париже в прошлом ноябре?

— Да.

— Вы можете назвать дату поездки?

— Мне нужно заглянуть в ежедневник.

Она встала, отперла ящик, достала маленький блокнот, перелистнула страницы и наконец объявила:

— Лорд Эджвер выехал в Париж третьего ноября и вернулся седьмого. Еще он ездил туда двадцатого ноября и вернулся четвертого декабря. Что-то еще?

— Да. С какой целью он туда ездил?

— В первую поездку он хотел взглянуть на кое-какие статуэтки, чтобы потом купить их и выставить на аукцион. Во вторую у него не было четкой цели, насколько я знаю.

— Мадемуазель Марш сопровождала своего отца в этих поездках?

— Она никогда не сопровождала в поездках своего отца, месье Пуаро. Лорду Эджверу такая мысль даже в голову не пришла бы. В то время она жила в конвенте в Париже, но я сомневаюсь, что отец навещал ее там или забирал оттуда, — во всяком случае, меня сильно удивило бы, если б

он так сделал.

— А вы сами не сопровождали его?

— Нет. — Она с подозрением оглядела его и резко осведомилась: — Месье Пуаро, зачем вы задаете мне эти вопросы? С какой целью?

Мой друг не ответил. Вместо этого он сказал:

— Мисс Марш очень привязана к своему кузену, не так ли?

— Честное слово, месье Пуаро, я не понимаю, какое отношение это имеет к вам.

— Она приходила ко мне на днях. Вы знали об этом?

— Нет, не знала. — Кажется, эта новость удивила ее. — Что она сказала?

— Она сказала мне — хотя другими словами, — что очень привязана к своему кузену.

— Ну, а тогда зачем спрашивать у меня?

— Затем, что я хочу знать ваше мнение.

На этот раз мисс Кэрролл решила ответить:

— Очень сильно привязана, на мой взгляд. Так было всегда.

— Вам не нравится нынешний лорд Эджвер?

— Я этого не говорю. От него никакого проку, вот и всё. Он несерьезный человек. Не отрицаю, что он приятен в общении. Он умеет убеждать. Однако я предпочла бы, чтобы Джеральдин обра-

тила свое внимание на кого-то с более твердым характером.

— Например, на герцога Мертона?

— Я не знаю герцога. Как бы то ни было, он, похоже, серьезно относится к обязанностям, которые возлагает на него его положение. Но он бегает за той женщиной — за драгоценной Джейн Уилкинсон.

— Его мать…

— О! Осмелюсь заметить, его мать предпочла бы, чтобы он женился на Джеральдин. Но разве матери могут что-то сделать? Сыновья никогда не женятся на тех девушках, которым отдают предпочтение матери.

— Как вы думаете, кузен мисс Марш тоже испытывает к ней какие-то чувства?

— Сейчас, когда он оказался в этой ситуации, мне безразлично, испытывает он что-либо или нет.

— Вы считаете, что его осудят?

— Нет, не считаю. Я не думаю, что это его рук дело.

— Но ведь его все равно могут осудить?

Мисс Кэрролл не ответила.

— Не стану задерживать вас. — Пуаро поднялся. — Кстати, вы были знакомы с Карлоттой

Адамс?

— Я видела ее игру. Очень способная актриса.

— Да, она была умна. — Пуаро словно бы углубился в размышления. — А! Мне надо надеть перчатки.

Он потянулся за перчатками, которые по приходе оставил на столе, но случайно манжетой задел цепочку от пенсне мисс Кэрролл. Пенсне слетело с ее носа, а перчатки упали на пол. Пуаро, рассыпаясь в извинениях, вернул пенсне хозяйке и поднял перчатки.

— Я должен еще раз попросить прощения за то, что побеспокоил вас, — добавил он. — Я надеялся, что смогу узнать о ссоре лорда Эджвера с кем-нибудь в прошлом году и что это даст мне ключ. Вот откуда мои вопросы о Париже. Тщетная надежда, но мадемуазель, кажется, была твердо уверена в том, что преступление совершил не ее кузен. На удивление твердо. Что ж, спокойной ночи, мадемуазель, и тысяча извинений за беспокойство.

Мы уже были у двери, когда мисс Кэрролл окликнула нас:

— Месье Пуаро, это не мои очки. Я через них ничего не вижу.

– *Comment?* — Мой друг изумленно уставился на нее. Затем на его лице появилась улыбка. — Ка-

кой же я глупец! Мои собственные очки выпали из кармана, когда я наклонился, чтобы поднять перчатки и ваши очки. Я их перепутал. Они, видите ли, очень похожи.

Обе стороны, улыбаясь, произвели обмен, и мы ушли.

— Пуаро, — сказал я, когда мы оказались на улице, — вы же не носите очки.

Он лукаво посмотрел на меня:

— А вы проницательны! Как быстро вы разглядели суть…

— Это то пенсне, что я нашел в сумочке Карлотты Адамс?

— Правильно.

— Почему вы решили, что он может принадлежать мисс Кэрролл?

Пуаро пожал плечами:

— Она единственная носит очки из всех, кто имеет отношение к делу.

— Однако же они не ее, — задумчиво произнес я.

— Так она утверждает.

— До чего же вы подозрительны, старый черт!

— Вовсе нет, вовсе нет. Вероятно, она сказала правду. Думаю, она не лгала. В противном случае едва ли заметила бы подмену. Я сделал все очень

ловко, друг мой.

Мы не торопясь шли по улице. Я предложил взять такси, но Пуаро отказался.

— Мне надо подумать, друг мой. Ходьба помогает мне.

Я промолчал. Близилась ночь, но я не спешил возвращаться домой.

— Ваши вопросы о Париже были для прикрытия? — полюбопытствовал я.

— Не совсем.

— Мы так и не раскрыли тайну инициала Д, — напомнил я. — Странно, что ни у кого из тех, кто связан с делом, нет инициала Д — для имени или для фамилии, кроме… о да! Это странно… кроме Дональда Росса. А он мертв.

— Да, — печально сказал Пуаро. — Он мертв.

Я вспомнил другой вечер, когда мы прогуливались втроем. Вспомнил и еще кое-что…

— Господи, Пуаро! — воскликнул я. — Вы помните?

— Что я помню, друг мой?

— Что Росс сказал о тринадцати гостях за столом. Что он первым встал из-за стола.

Мой друг не ответил. Мне стало неуютно от того, что суеверие оказалось обоснованным.

— Чудно́ это, — тихо сказал я. — Вы должны

признать, что это необычно.

— Э?..

— Я сказал, что это чудно́ — насчет Росса и тринадцати. Пуаро, о чем вы там думаете?

К моему величайшему изумлению и к моему, должен признаться, некоторому недовольству, Пуаро затрясся от смеха. Он хохотал и хохотал. Что-то явно подтолкнуло его к этому изысканному веселью.

— Над чем вы смеетесь, черт побери? — возмущенно спросил я.

— Ох! Ох! Ох! — задыхался Пуаро. — Ни над чем. Я вспомнил загадку, которую слышал на днях. Сейчас расскажу. Кто имеет две ноги, перья и лает, как собака?

— Курица, естественно, — устало ответил я. — Я помню ее с детства.

— Вы, Гастингс, слишком хорошо осведомлены. Вы должны сказать: «Не знаю». И тогда я говорю: «Курица», — а вы говорите: «Куры не лают, как собаки», и я говорю: «А я специально добавил лай, чтобы усложнить». А вдруг, Гастингс, именно так и объясняется буква Д?

— Какая чушь!

— Да, для многих, но с определенным складом ума. Ох, вот если б я мог у кого-нибудь спро-

сить…

Мы проходили мимо большого кинотеатра. На улицу выходили зрители, обсуждая свои дела, своих слуг, своих знакомых противоположного пола и в последнюю очередь фильм, который они только что посмотрели.

С группой зрителей мы ступили на пешеходный переход на Юстон-род.

— Мне понравилось, — вздохнула какая-то девушка. — Мне кажется, Брайан Мартин великолепен. Я не пропускаю ни одного фильма с ним. Это было потрясающе — то, как он пронесся верхом вниз по холму и успел доставить бумаги…

Ее спутник испытывал меньший восторг:

— Дурацкий сюжет. Почему у них не хватило мозгов сразу спросить у Эллис? Так поступил бы любой разумный человек…

Остальной диалог потерялся в уличном шуме. Дойдя до тротуара, я оглянулся и обнаружил, что Пуаро стоит посреди проезжей части, а по обе стороны от него проносятся автобусы. Я инстинктивно закрыл глаза ладонями. Раздался визг тормозов, потом громкая ругань водителя автобуса. Пуаро с величественным видом шел к тротуару. Он выглядел как лунатик.

— Пуаро, — сказал я, — вы с ума сошли?

— Нет, *mon ami*. Просто… просто появилась одна мысль. Там, в одно мгновение.

— Чертовски плохое мгновение, — сказал я. — Оно едва не стало для вас последним.

— Не важно. Эх, *mon ami*… я был слеп, глух и невосприимчив. Теперь я вижу ответы на все те вопросы… да, все пять. Да… я вижу их все. Все так просто, все до смешного просто…

Глава 28
Пуаро задает вопросы

Наше возвращение домой получилось довольно любопытным.

Пуаро явно продвигался по собственному направлению мыслей. Время от времени он что-то бормотал себе под нос. Пару раз мне удалось расслышать слова. Один раз он сказал: «Свечи», в другой — что-то очень похожее на «*douzaine*»[70]. Думаю, если б я обладал блестящими умственными способностями, то наверняка отследил бы ход его мыслей. По сути, направление было абсолютно четким. Однако в то время все это казалось мне бредом.

Едва мы переступили порог дома, как Пуаро бросился к телефону. Он позвонил в «Савой» и попросил соединить его с леди Эджвер.

— Безнадежно, старина, — весело сказал я.

Пуаро, как я часто говорил ему, самый неосведомленный в мире человек.

— Разве вы не знаете? — продолжил я. — Леди

---

[70] notes: 70
Дюжина (*фр.*).

Эджвер играет в новой пьесе. Она в театре. Сейчас только половина десятого.

Пуаро не обратил на меня никакого внимания. Он разговаривал с портье, который разъяснял ему именно то, что я только что сказал.

— А! Вот как? Тогда я хотел бы поговорить с горничной леди Эджвер.

Через несколько минут связь была установлена.

— Это горничная леди Эджвер? Говорит месье Эркюль Пуаро. Вы ведь помните меня, не так ли?

— .....

– *Très bien*. Видите ли, выяснилось нечто крайней важности. Я хотел бы, чтобы вы приехали ко мне.

— .....

— Да, конечно, очень важно. Я дам вам адрес. Слушайте внимательно…

Он повторил это дважды, затем с задумчивым видом повесил трубку.

— Что у вас за идея? — поинтересовался я. — У вас действительно появилась какая-то важная информация?

— Нет, Гастингс, это она даст мне информацию.

— И какую именно?

— Информацию об одном человеке.

— О Джейн Уилкинсон?

— Ба, что касается ее, то вся информация у меня есть. Я знаю ее подноготную, как вы выражаетесь.

— Тогда о ком?

Пуаро ответил мне той самой улыбкой, что всегда меня раздражала, и предложил подождать.

После этого он принялся суетливо наводить порядок в комнате.

Десять минут спустя прибыла горничная. Маленькая, стройная, одетая в черное, она держалась немного нервно и неуверенно, тревожно оглядываясь по сторонам.

Пуаро поспешил к ней.

— А! Вы пришли. Очень любезно. Присаживайтесь, прошу вас, мадемуазель… Эллис, как я понимаю?

— Да, сэр. Эллис.

Она села в кресло, которое подвинул ей Пуаро. Сложив руки на коленях, посмотрела на нас, сначала на одного, потом на другого. Хотя девушка была бледна, ей удавалось сохранять хладнокровие. Губы ее были плотно сжаты.

— Для начала, мисс Эллис, скажите, как долго вы служите у леди Эджвер?

— Три года, сэр.

— Так я и думал. Вы хорошо знаете ее дела.

Эллис не ответила. Выражение на ее лице было неодобрительным.

— Я имею в виду, что вы наверняка представляете, кто вероятнее всего является ее врагом?

Эллис еще плотнее сжала губы:

— Очень многие женщины пытались сделать ей гадость, сэр. Да, все против нее, а всё из-за мерзкой ревности.

— То есть представительницы ее пола не любят ее?

— Да, сэр. Она слишком красивая. И всегда получает что хочет. А в театральной профессии очень много мерзкой ревности.

— А что насчет мужчин?

Эллис позволила себе кислую улыбку:

— Джентльменами она может крутить как угодно, сэр, это факт.

— Согласен с вами, — сказал Пуаро. — Пусть и так, но я все же могу представить некоторые обстоятельства… — Он замолчал.

А потом совершенно другим тоном спросил:

— Вы знаете Брайана Мартина, киноактера?

— О да, сэр.

— Очень хорошо?

— Да, очень хорошо.

— Думаю, я не ошибусь, если скажу, что менее года назад мистер Брайан Мартин был сильно влюблен в вашу хозяйку.

— По уши, сэр. И не «был влюблен», а «влюблен», если хотите знать мое мнение.

— В то время он надеялся, что она выйдет за него замуж… а?

— Да, сэр.

— Она всерьез рассматривала брак с ним?

— Она подумывала об этом, сэр. Если б она освободилась от его светлости, то, я думаю, вышла бы за него.

— А потом, как я понимаю, на сцене появился герцог Мертон?

— Да, сэр. Он совершал тур по Штатам. С ним получилась любовь с первого взгляда.

— Значит, Брайан Мартин был вынужден распрощаться с надеждой?

Эллис кивнула.

— Конечно, мистер Мартин заработал огромные деньги, — пояснила она. — Но у герцога Мертона, кроме денег, было и положение. А ее светлость очень падка на положение. Выйдя за герцога, она стала бы одной из первых дам страны.

В голосе горничной слышалось явное самодо-

вольство. Это позабавило меня.

— Значит, мистер Брайан Мартин получил — как вы говорите — от ворот поворот? И как он это воспринял?

— Он вел себя ужасно, сэр.

— А!..

— Однажды даже угрожал ей револьвером. И устраивал сцены. Мне было жутко страшно, да. А еще он много пил. Он опустился.

— Но в конечном итоге успокоился…

— Так казалось, сэр. Однако он ошивался поблизости. И мне не нравился его взгляд. Я предупреждала ее светлость, а она только смеялась. Ей нравится чувствовать свою власть, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Да. — Пуаро кивнул. — Думаю, я понимаю, что вы имеете в виду.

— В последнее время я редко его видела, сэр. И это хорошо, на мой взгляд. Надеюсь, он начинает приходить в себя.

— Возможно.

Что-то в том, как мой друг произнес это слово, напугало Эллис. Она забеспокоилась:

— Уж не думаете ли вы, что она в опасности, сэр?

— Да, — мрачно ответил Пуаро. — Я думаю,

что она в опасности. Однако она сама в этом виновата.

Он провел рукой по каминной полке и случайно задел вазу с розами. Ваза полетела вниз, вода залила голову и лицо Эллис. Я не замечал за Пуаро неуклюжести и из случившегося сделал вывод о том, что он в состоянии сильного психического возмущения. Мой друг страшно расстроился, побежал за полотенцем, потом осторожно вытирал Эллис лицо и шею и всячески извинялся.

В конечном итоге казначейский билет сменил владельца, и Пуаро отправился провожать Эллис до двери. По пути он благодарил ее за доброту и согласие прийти.

— Час еще ранний, — сказал Пуаро, глянув на часы. — Вы успеете вернуться до прихода вашей хозяйки.

— О, совершенно верно, сэр. Она собирается на ужин, я думаю, да и вообще она не требует, чтобы я постоянно была рядом, если, конечно, не особый случай.

Неожиданно Пуаро сделал шаг в сторону.

— Мадемуазель, прошу простить меня, но вы хромаете!

— Ничего страшного, сэр. Нога немного болит.

— Мозоли? — произнес он доверительно, как

будто тоже страдал от той же болезни.

Очевидно, это действительно были мозоли. Пуаро принялся рассуждать о различных лечебных средствах, которые, по его словам, творили чудеса.

Наконец Эллис ушла.

Меня снедало любопытство.

— Ну, Пуаро? — сказал я. — Ну?

Он улыбкой отреагировал на мое нетерпение:

— На этот вечер, друг мой, больше ничего нет. Завтра рано утром мы позвоним Джеппу и попросим его приехать к нам. Еще мы позвоним мистеру Брайану Мартину. Думаю, он сможет рассказать нам кое-что интересное. А еще я хочу расплатиться перед ним по своим долгам.

— Вот как?

Я внимательно посмотрел на Пуаро. Он как-то странно улыбался своим мыслям.

— Как бы то ни было, — сказал я, — я не верю, что вы подозреваете его в убийстве лорда Эджвера. Особенно после всего, что мы услышали. Это в полной мере было бы на руку Джейн. Убить мужа, чтобы дать возможность даме выйти за другого, — это было бы слишком бескорыстно для любого мужчины.

— Какое глубокое умозаключение!

— Не надо сарказма, — раздраженно сказал я. — И с чем, ради всего святого, вы там возитесь?

Пуаро показал мне предмет:

— С пенсне доброй Эллис, друг мой. Она забыла его.

— Чепуха! Оно было у нее на носу, когда она уходила.

Пуаро покачал головой:

— Ошибка! Полнейшая ошибка! На носу у нее, мой дорогой Гастингс, было то пенсне, что вы нашли в сумочке Карлотты Адамс.

Я охнул.

Глава 29
Пуаро держит речь

Звонить инспектору Джеппу на следующее утро выпало мне.

Его голос звучал довольно удрученно:

— А, это вы, капитан Гастингс… Ну, что на этот раз?

Я передал ему сообщение Пуаро.

— Приехать к одиннадцати? Ну, скажем так, мог бы. У него же нет ничего, чтобы помочь нам со смертью молодого Росса, да? Не побоюсь признаться, что мы были бы рады любой помощи. Мы и близко не приблизились к раскрытию. Просто загадка какая-то…

— Думаю, у него для вас что-то есть, — уклончиво ответил я. — Во всяком случае, он, кажется, очень доволен собой.

— Что нельзя сказать про меня, уж вы поверьте мне… Ладно, капитан Гастингс, я буду у вас.

Моя следующая задача состояла в том, чтобы позвонить Брайану Мартину. Ему я сказал то, что мне было велено: что Пуаро обнаружил нечто интересное, что, как он считает, будет рад услы-

шать мистер Мартин. Когда меня спросили, что именно, я ответил, что не имею ни малейшего представления. Ведь Пуаро мне не рассказывал. После этих слов наступила пауза.

— Хорошо, — наконец сказал Мартин. — Я приду.

И повесил трубку.

Вскоре, к моему некоторому удивлению, Пуаро лично позвонил Дженни Драйвер и тоже попросил ее приехать.

Он был молчалив и мрачен. Я не задавал ему никаких вопросов.

Первым прибыл Брайан Мартин. Он был бодр и в приподнятом настроении, но держался — а может, это был плод моей фантазии — немного скованно. Дженни Драйвер приехала почти сразу после него. Кажется, ее удивило присутствие Мартина, да и тот, на мой взгляд, был немало удивлен.

Пуаро выставил два кресла и пригласил их сесть. Затем посмотрел на свои часы.

— Полагаю, инспектор Джепп будет здесь с минуты на минуту.

— Инспектор Джепп? — Мартин явно был ошеломлен.

— Да… я попросил его прийти… неофициаль-

но… как друга.

— Понятно.

Он погрузился в молчание. Дженни бросила на него быстрый взгляд и отвела глаза. Создавалось впечатление, что она чем-то сильно озабочена.

В следующее мгновение в комнату вошел Джепп.

Он тоже, как мне показалось, был немного удивлен присутствием Брайана Мартина и Дженни Драйвер, но виду не показал. Хозяина дома инспектор поприветствовал в характерной для него шутливой манере:

— Ну, *мусье* Пуаро, к чему вся эта суета? Как я понимаю, у вас появилась одна из ваших замечательных теорий?

Мой друг лучезарно улыбнулся ему:

— Нет-нет… ничего замечательного. Всего лишь простая история — настолько простая, что я, к своему стыду, сразу не разглядел ее. Если позволите, я попрошу вас пройти со мной по расследованию с самого начала.

Джепп вздохнул и посмотрел на часы.

— Если это не затянется больше чем на час… — сказал он.

— Успокойтесь, — сказал Пуаро. — Это не займет так много времени. Ведь вы хотите, не так ли,

узнать, кто убил лорда Эджвера, кто убил мисс Адамс, кто убил Дональда Росса?

— Я хотел бы узнать про последнего, — осторожно произнес Джепп.

— Выслушайте меня, и вы всё узнаете. Я буду немногословен. — «А вот это маловероятно!» — не поверил я. — Я собираюсь пройти шаг за шагом по всему пути. Я расскажу вам, как был одурачен, как показал себя полнейшим глупцом, как понадобились разговор с моим другом Гастингсом и случайное замечание абсолютно чужого человека, чтобы я вернулся на верный путь.

Помолчав, он откашлялся и заговорил голосом, который я называл лекторским:

— Я начну с ужина в «Савойе». Ко мне обратилась леди Эджвер и попросила о частной беседе. Она хотела избавиться от своего мужа. В конце беседы леди Эджвер сказала — несколько опрометчиво, подумал я, — что она приехала бы на такси и самолично кокнула его. Эти слова слышал мистер Брайан Мартин, который вошел как раз в этот момент. — Пуаро обернулся. — А? Ведь так, верно?

— Мы все слышали, — ответил актер. — Уидберны, Марш, Карлотта — все мы.

— О, согласен. Полностью согласен. *Eh bien*, мне

не довелось позабыть об этих словах леди Эджвер, так как на следующее утро мистер Брайан Мартин заехал ко мне с явной целью внедрить эти слова мне в сознание.

— Вовсе нет! — сердито вскричал тот. — Я приехал…

Пуаро поднял руку:

— Вы приехали якобы для того, чтобы рассказать мне неправдоподобную историю о том, что вас преследуют. Сказку, в которую не поверил бы и ребенок. Вероятно, вы взяли в качестве основы какой-то старый фильм. Девушка, чье согласие вы должны получить, человек, которого вы опознали по золотому зубу… *Mon ami*, у молодого человека просто не может быть золотых зубов — в наше время их уже не ставят, тем более в Америке. Золотой зуб — это безнадежно устаревший аспект стоматологии. А вся история — аспект абсурда! Рассказав эту небылицу, вы переходите к реальной цели своего визита — настроить меня против леди Эджвер. Выражусь яснее: вы готовите почву к тому моменту, когда она убьет своего мужа.

— Не понимаю, о чем вы, — пробормотал Брайан Мартин. Он был смертельно бледен.

— Вы высмеиваете идею о том, что он согла-

сится на развод. Вы думаете, что я собираюсь увидеться с ним на следующий день. Но дата встречи меняется. Я еду к нему в то же утро, и он соглашается на развод. Так что у леди Эджвер не остается никакого мотива для убийства. Более того, он рассказывает мне, что уже написал ей по этому поводу.

Однако леди Эджвер заявляет, что не получала никакого письма. Либо она *лжет*, либо *лжет* ее муж, либо кто-то перехватил письмо. Но кто?

Теперь я спрашиваю себя: зачем месье Брайану Мартину понадобилось приезжать ко мне и рассказывать все эти небылицы? Какая внутренняя сила побудила его к этому? И у меня, месье, формируется идея о том, что все это время вы были до умопомрачения влюблены в эту даму. Лорд Эджвер говорит, что, как ему сказала жена, она хочет выйти за актера. Ну, предположим, это действительно так, но дама передумывает. К тому моменту, когда приходит письмо с согласием лорда Эджвера на развод, она уже хочет выйти за другого — не за вас! И тогда, естественно, у вас появляются основания для того, чтобы перехватить письмо.

— Я никогда…

— В свое время вы скажете все, что пожелаете.

А сейчас будете слушать меня.

В каком умонастроении вы должны были бы быть — вы, избалованный идол, который никогда не знал отказа? Как я это вижу, в своего рода яростном недоумении, в стремлении как можно больше навредить леди Эджвер. А разве может быть вред больший, чем обвинение в убийстве и повешение?

— Господь Всемогущий! — выдохнул Джепп.

Пуаро повернулся к нему:

— Вот такая идея стала обретать очертания в моем мозгу. Ее поддержали несколько обстоятельств. У Карлотты Адамс в главных друзьях было двое мужчин — капитан Марш и Брайан Мартин. Вполне возможно, что именно Брайан Мартин, богатый человек, подговорил ее устроить розыгрыш и предложил ей за это десять тысяч долларов. Все это время мне казалось маловероятным, чтобы мисс Адамс поверила, что десять тысяч долларов ей сможет заплатить Рональд Марш. Она знала, что он на мели. Брайан Мартин — гораздо более подходящий вариант.

— Я не… уверяю вас… — хрипло произнес киноактер.

— Когда содержание письма мисс Адамс к сестре было передано по телеграфу из Вашингтона

— *oh la, la!*[71] — я ужасно расстроился. Получалось, что мои умозаключения неправильны. Но позже я совершил открытие. Мне прислали настоящее письмо, и оно оказалось прерванным: один лист куда-то пропал. Так что речь в нем могла идти о ком-то еще, а не о капитане Марше.

Существовало еще одно свидетельство. Капитан Марш, когда его арестовали, абсолютно четко заявил, что в дом, как ему показалось, заходил Брайан Мартин. В устах осужденного это показание не имело веса. К тому же у месье Мартина было алиби. Это же естественно! Этого и следовало ожидать. Если месье Мартин совершил убийство, ему просто необходимо было алиби. И это алиби подтвердил лишь один человек — мисс Драйвер.

— И что из этого? — резко заявила девушка.

— Ничего, мадемуазель, — с улыбкой ответил Пуаро. — Если не считать, что я заметил, как вы в тот же самый день обедали в обществе месье Мартина и что вы, лично придя ко мне, взяли на себя труд заставить меня поверить в то, что будто бы ваша подруга мисс Адамс проявляла особый интерес к Рональду Маршу, а не — хотя так, я уве-

---

[71] notes: 71
Ай-яй-яй! (*фр.*)

рен, и было на самом деле — к Брайану Мартину.

— Ничего подобного, — отважно заявил киноидол.

— Возможно, вы не знали об этом, месье, — спокойно сказал Пуаро, — но я думаю, что это правда. Это, как ничто другое, объясняет ее неприязнь к леди Эджвер. Эта неприязнь была от вашего имени. Вы же рассказали ей о полученном отказе, разве нет?

— Ну… да… мне надо было поделиться с кем-нибудь, и она…

— Искренне вам сочувствовала. Да, она была сострадательным человеком, я сам это заметил. *Eh bien*, что происходит дальше? Рональд Марш, его арестовывают. Вы тут же воспряли духом. Повод для тревоги, которую вы, вероятно, испытывали, исчез. Хотя ваш план потерпел крах из-за того, что леди Эджвер передумала и в последнюю минуту поехала на прием, козлом отпущения становится другой. Вы освобождаетесь от всех опасений. А потом — на званом обеде — слышите, как Дональд Росс, милый, но довольно глупый молодой человек, говорит Гастингсу нечто такое, что показывает вам: угроза все еще существует.

— Это неправда! — закричал актер. По его лицу градом катился пот, в глазах застыло выражение

дикого ужаса. — Поверьте мне, я ничего не слышал… ничего… я ничего не делал…

А потом, думаю, наступило величайшее потрясение того утра.

— Это истинная правда, — тихо сказал мой друг. — Надеюсь, вы достаточно наказаны за то, что пришли ко мне — ко мне, Эркюлю Пуаро, — со своей неправдоподобной историей.

Мы все охнули. Пуаро невозмутимо продолжал:

— Видите, я показываю вам все свои ошибки. Было пять вопросов, которые я задал себе. Гастингс их знает. Ответы на три из них подходили просто отлично. Кто перехватил письмо? Наверняка Брайан Мартин — ответ напрашивался сам собой. Еще один вопрос: что побудило лорда Эджвера внезапно изменить свое мнение и согласиться на развод? Ну, у меня была одна идея. Либо он хотел снова жениться — однако я не смог найти обстоятельств, указывающих на это, — либо тут имеет место какой-то шантаж. Лорд Эджвер был человеком своеобразных вкусов. Вполне возможно, что открылись некие факты его жизни, и они, при том что он не давал своей жене английский развод, могли быть использованы ею вместе с угрозой публичности.

Я думаю, именно это и произошло. Лорд Эджвер не хотел, чтобы его имя связывали с широким скандалом. Он сдался, и ярость на самого себя за вынужденную капитуляцию отражалась на его лице, когда он думал, что его никто не видит. Это также объясняет то, как он с подозрительной поспешностью произнес: «Ничего в письме не имело к этому отношения» — до того, как я даже предположил такую вероятность.

Оставалось два вопроса. Вопрос о пенсне, не принадлежавшем мисс Адамс, но найденном в ее сумочке. И вопрос о том, зачем кто-то звонил по телефону леди Эджвер в Чизик, когда она была там на ужине. Мне никак не удавалось втиснуть месье Брайана Мартина в эти два вопроса.

Поэтому я был вынужден прийти к заключению, что ошибаюсь насчет либо мистера Мартина, либо вопросов как таковых. В отчаянии я снова очень внимательно прочитал письмо мисс Адамс. И обнаружил одну вещь! Да, я кое-что обнаружил!

Взгляните сами. Вот здесь. Видите, лист оторван? Неровно, как это часто бывает. А теперь предположим, что на верхней строчке перед «говорит» было еще коротенькое слово…

А! Вы все поняли! Слово «она»! Устроить розыг-

рыш Карлотте Адамс предложила женщина.

В общем, я составил список всех женщин, так или иначе связанных с делом. Кроме Джейн Уилкинсон, набралось еще четыре: Джеральдин Марш, мисс Кэрролл, мисс Драйвер и герцогиня Мертон.

Из всех четырех больше всего меня интересовала мисс Кэрролл. Она носила очки, она была в доме в тот вечер, своими ошибочными свидетельскими показаниями она уже продемонстрировала желание инкриминировать убийство леди Эджвер, и она была достаточно энергичной и хладнокровной, чтобы такое убийство совершить. С мотивом оставались неясности — но как-никак она проработала у лорда Эджвера несколько лет, и мотив мог существовать, только мы о нем пока не знали.

Я также не мог полностью отмести Джеральдин Марш. Она ненавидела отца — она сама мне так сказала. По натуре она была неврастеником, легко возбудимой. Предположим, в тот вечер она зашла в дом и намеренно ударила ножом отца, а потом спокойно поднялась наверх за жемчугом. Представьте, как она страдала, когда обнаружила, что ее кузен, которого она нежно любила, не остался ждать ее в такси, а вошел в дом…

В связи с этим ее волнение было вполне объяснимо. Его можно было бы объяснить и ее невиновностью, и страхом перед тем, что кузен на самом деле совершил преступление. Был еще один маленький аспект. Золотая коробочка с инициалом Д, найденная в сумочке мисс Адамс. Я слышал, как кузен называл Джеральдин Диной. К тому же в прошлом ноябре она проживала в пансионе в Париже и вполне могла встречаться там с Карлоттой Адамс.

Вам может показаться безумием то, что я добавил в этот список герцогиню Мертон. Но она нанесла мне визит, и я уяснил, что герцогиня принадлежит к фанатичным натурам. Любовь всей ее жизни сосредоточилась на сыне, и она вполне могла, взвинтив себя до крайности, придумать сложный план по устранению женщины, которая грозила разрушить жизнь сына.

Еще была мисс Дженни Драйвер…

Пуаро замолчал, глядя на Дженни. Та смело встретила его взгляд, лишь дерзко склонила голову набок.

— И что же у вас есть на меня? — спросила она.

— Ничего, мадемуазель, кроме того, что вы дружите с Брайаном Мартином… и что ваша фамилия начинается с Д.

— Не очень-то и много.

— Тут есть одна вещь. У вас хватит ума и выдержки, чтобы совершить такое преступление. Если кто в этом и сомневается, то я — нет.

Девушка прикурила сигарету.

— Продолжайте, — жизнерадостно сказала она.

— Было ли алиби месье Мартина настоящим? Это мне и нужно было понять. Если да, то кого Рональд Марш видел входящим в дом? И тут я кое-что вспомнил. Красавец дворецкий на Риджент-Гейт имел огромное сходство с месье Мартином. Вот его-то капитан Марш и видел. И у меня сформировалась теория. Моя идея состоит в том, что это он обнаружил, что хозяин убит. Рядом с хозяином лежал конверт с французскими купюрами на сумму сто фунтов. Он взял эти деньги, выскользнул из дома, спрятал их в безопасном месте — например, у друга, такого же мошенника, — и вернулся, открыв входную дверь ключом лорда Эджвера. А обнаруживать мертвого хозяина предоставил горничной, что та и сделала на следующее утро. Он не видел для себя никакой опасности, так как был твердо убежден, что убийство совершила леди Эджвер. Тем более тех купюр в доме уже не было, их вынесли и об-

меняли до того, как кто-то мог заметить пропажу. Однако, когда у леди Эджвер появилось алиби и Скотланд-Ярд взялся за изучение его прошлого, он струсил и сбежал.

Джепп одобрительно закивал.

— Оставалось пенсне. Если оно принадлежало мисс Кэрролл, тогда вопрос был бы решен. Она могла перехватить письмо, а пенсне могло перекочевать в сумочку Карлотты Адамс либо когда мисс Кэрролл обговаривала детали, либо в вечер убийства.

Но потом выяснилось, что пенсне не имеет никакого отношения к мисс Кэрролл. Мы с Гастингсом шли домой, я пребывал в подавленном настроении, пытаясь систематизировать и упорядочить все факты. И тут случилось чудо!

Гастингс стал рассказывать о всяких событиях, причем он повел рассказ в определенной последовательности. Сообщил о том, что за столом у сэра Монтегю Корнера Дональд Росс был одним из тринадцати гостей и что он первым встал из-за стола. Я был погружен в собственные размышления и не особо прислушивался. В голове у меня просто промелькнула мысль, что, строго говоря, так быть не могло. Возможно, он первым встал из-за стола, когда ужин закончился, но на самом деле

первой встала леди Эджвер, поскольку ее позвали к телефону. Размышляя о ней, я вспомнил одну загадку — загадку, которая, как я предполагал, хорошо сочеталась с ее детской ментальностью. Я пересказал ее Гастингсу. Он отреагировал, как королева Виктория, — не посмеялся. Я задался вопросом, у кого можно в подробностях выяснить, какие чувства испытывал месье Мартин к Джейн Уилкинсон. Она сама ничего рассказывать мне не будет, это я точно знал. Мы как раз переходили дорогу, и один прохожий произнес одно короткое предложение. Он сетовал, обращаясь к своей девушке, почему кто-то там не спросил у Эллис. И меня будто осенило.

Пуаро огляделся.

— Да-да, пенсне, телефонный звонок, невысокая женщина, что забирала золотую коробочку в Париже. Ну конечно, Эллис, горничная Джейн Уилкинсон. Я отследил всю цепочку: свечи, полумрак, миссис ван Дузен… И все понял!

Глава 30
История

Пуаро окинул взглядом всех нас.

— Итак, друзья мои, — сказал он, — позвольте поведать истинную историю о том, что произошло в тот вечер.

Карлотта Адамс покидает свою квартиру в семь часов. Она берет такси и едет в «Пикадилли- Пэлес»…

— Что? — воскликнул я.

— В «Пикадилли-Пэлес». Еще днем она сняла там номер под фамилией миссис ван Дузен. На ней мощные линзы, которые, как мы все знаем, сильно меняют внешность. Как я сказал, она снимает номер и заявляет администратору, что собирается отбыть ночным поездом в Ливерпуль и что ее багаж уже отправлен. В восемь тридцать в гостиницу приезжает леди Эджвер. Ее провожают в номер мисс Адамс. Они меняются одеждой. В светловолосом парике, в платье из белой тафты и в горностаевой накидке Карлотта Адамс — не Джейн Уилкинсон — покидает гостиницу и едет в Чизик. Да-да, такое возможно. Я побывал в доме,

причем вечером. Обеденный стол освещается только свечами, лампы притушены, и все мало знакомы с Джейн Уилкинсон. Так что золотистых волос, низкого, с хрипотцой, голоса и манер вполне достаточно. О, это было совсем нетрудно! И на случай неудачи — если бы кто-то заметил подмену — все было предусмотрено. Леди Эджвер в темном парике, в одежде Карлотты и в пенсне расплачивается по счету, загружает свой кейс в такси и едет к Юстону. В туалете она снимает темный парик и прячет кейс в камеру хранения. Прежде чем ехать на Риджент-Гейт, звонит в Чизик и просит позвать к телефону леди Эджвер. Они договорились обо всем заранее. Если все хорошо и никто ничего не заметил, Карлотта должна просто ответить: «Все верно». Едва ли мне нужно говорить, что мисс Адамс не догадывалась о реальной причине того телефонного звонка. Услышав ответ, леди Эджвер действует дальше. Она едет на Риджент-Гейт, заявляет о своем желании повидаться с лордом Эджвером, называет себя и идет в библиотеку. И совершает первое преступление. Конечно, она не знает, что мисс Кэрролл наблюдает за ней сверху. Она предполагала, что свидетельские показания дворецкого (не забывайте, он никогда ее не видел, к тому же

на ней шляпка, которая скрывает от него ее лицо) будут опровергнуты показаниями двенадцати всем известных и высокопоставленных особ.

Она покидает дом, возвращается на Юстон, снова надевает темный парик и забирает кейс. Теперь ей надо успеть до того момента, когда Карлотта Адамс вернется из Чизика. Они заранее договорились о времени. Она едет в «Корнер-Хаус», периодически глядя на часы — время тянется медленно. Затем готовится ко второму убийству. Кладет маленькую золотую коробочку, заказанную ею из Парижа, в сумочку Карлотты Адамс, которая, естественно, при ней. Возможно, именно тогда она и обнаружила письмо. А может, нашла его раньше… Как бы то ни было, как только она видит адрес, сразу чует опасность. Открывает письмо — и ее подозрения оправдываются.

Допускаю, что ее первым порывом было уничтожить письмо. Но вскоре она находит лучший выход. Если оторвать один лист, то письмо становится обвинением против Рональда Марша — человека, у которого есть веский мотив для преступления. Даже если у него есть алиби, письмо становится обвинением против какого-то другого мужчины, поскольку вверху листа будет оторвано слово «она». Так она и поступает. Затем

прячет письмо в конверт, а конверт убирает в сумочку.

Затем, когда близится назначенный час, идет по направлению к «Савойю». Мимо проезжает машина — предположительно с нею внутри — и она ускоряет шаг, заходит в отель и идет прямиком к лестнице. Она неприметна, так как одета в черное. Маловероятно, что кто-то обратит на нее внимание.

Наверху она идет в свой номер. Карлотта Адамс только что зашла туда. Горничной было велено идти спать — обычное явление, ничего особенного в этом приказе нет. Они снова меняются одеждой, а потом, как я предполагаю, леди Эджвер предлагает выпить — чтобы отпраздновать успех. В выпивке веронал. Она поздравляет свою жертву и обещает завтра же выслать ей чек. Карлотта Адамс едет домой. Ее клонит в сон, она хочет дозвониться до кого-то из друзей — вероятно, до месье Мартина или капитана Марша, у обоих номера в районе Виктории — но оставляет тщетные попытки. Она чувствует себя слишком уставшей. Веронал начинает действовать. Она ложится в кровать — и больше не просыпается. Успех сопутствует и второму преступлению.

Теперь о третьем преступлении. Дело про-

исходит на званом обеде. Сэр Монтегю Корнер упоминает о своей беседе с леди Эджвер в вечер убийства. Ничего особенного. Но кара настигает ее позже. Кто-то говорит о «мнении Париса», а она слышит в слове «Парис» тот единственный Париж, который ей известен, — Париж модных новинок и всяческих излишеств!

Однако напротив нее сидит один молодой человек, который тоже присутствовал в Чизике, — он слышал, как в тот вечер леди Эджвер принимала участие в обсуждении Гомера и греческой цивилизации. Карлотта Адамс была образованной и начитанной девушкой. Молодой человек ничего не понимает. Он изумленно таращится на нее. И вдруг понимает. Перед ним не одна и та же женщина. Он ужасно взволнован. Он сомневается в себе. Ему нужен совет. Он вспоминает обо мне. И заговаривает с Гастингсом.

Даме удается подслушать его. У нее хватает ума понять, что она каким-то образом выдала себя. Она слышит, как Гастингс говорит, что меня не будет до пяти. За двадцать минут до пяти она приходит к Россу. Тот открывает дверь, удивляется при виде ее, но у него и мысли нет бояться этой женщины. Вместе с ней он проходит в столовую. Она выдает ему какую-то легенду. Возможно,

даже падает перед ним на колени и обвивает руками его шею. А потом быстро и уверенно наносит удар — как и в прошлый раз. Возможно, Росс издает сдавленный крик… Итак, он тоже замолкает.

Несколько мгновений стояла тишина. Потом Джепп хрипло произнес:

— Вы хотите сказать… что все это ее рук дело?

Пуаро величественно кивнул.

— Но почему, если он готов был дать ей развод?

— Потому, что герцог Мертон — столп англокатолицизма. Потому, что ему и в голову не пришло бы жениться на женщине, чей муж жив. Этот молодой человек — фанатик принципов. А вот в качестве вдовы она наверняка может выйти за него. Несомненно, она заговаривала с ним о разводе, но герцог не заглотнул наживку.

— Тогда зачем надо было посылать вас к лорду Эджверу?

– *Ah, parbleu!*[72] — Пуаро, всегда очень корректный и склонный держать себя по-английски, вдруг дал волю своему естественному «я». — Да чтобы втереть мне очки! Вбить мне в голову тот

---

[72] notes: 72
А, черт побери! (*фр.*)

факт, что у нее не было мотива для убийства! Да, она рискнула сделать из меня послушное орудие! *Ma foi*[73], у нее получилось! До чего же странный интеллект — непосредственна, как ребенок, и одновременно хитра… А как она играет! Как мастерски изобразила удивление, когда ей было сказано, что муж написал ей письмо! Как искренне клялась, что не получала его! Испытала ли она хоть малейшие угрызения совести за три преступления? Готов поклясться, что нет.

— Я говорил вам, что она собой представляет! — вскричал Брайан Мартин. — Я предупреждал вас! Я знал, что она собирается убить его. Я чувствовал это. И боялся, что ей так или иначе удастся выйти сухой из воды. Она сообразительна, дьявольски сообразительна, какими могут быть люди с низким интеллектом. И я хотел, чтобы она страдала. Я хотел, чтобы ее повесили за это. — Его лицо было пунцовым, голос звучал сдавленно.

— Ну-ну, не надо, — сказала Дженни Драйвер с теми же интонациями, что я слышал от нянечек, обращающихся к маленьким детям в парке.

— А золотая коробочка с инициалом Д и «Париж, ноябрь» внутри? — спросил Джепп.

---

[73] notes: 73
Честное слово (*фр.*).

— Она заказала ее письмом и отправила за ней Эллис, свою горничную. Естественно, та просто забрала посылку, за которую уже было уплачено. Она не знала, что внутри. Еще леди Эджвер одолжила у Эллис ее пенсне, чтобы облегчить перевоплощение в ван Дузен. Она забыла о нем, и оно так и осталось в сумочке Карлотты Адамс. Это была ее единственная ошибка.

О, все эти идеи пришли ко мне, когда я стоял посреди проезжей части. То, что сказал мне водитель автобуса, было не совсем любезным, но оно стоило того. Эллис! Пенсне Эллис. Эллис едет за коробочкой в Париж. Эллис и, следовательно, Джейн Уилкинсон. Очень возможно, что она позаимствовала у Эллис что-то еще, кроме пенсне.

— Что?

— Ножик для мозолей…

Я поежился.

Воцарилась тишина.

Затем Джепп спросил со странной надеждой в голосе:

— Месье Пуаро, это правда?

— Это правда, *mon ami*.

Тут заговорил Брайан Мартин, и я подумал, что он задает типичные для него вопросы.

— Но послушайте! — капризно воскликнул

он. — А как же я? Зачем вы сегодня позвали меня? Для чего напугали чуть ли не до смерти?

Пуаро окинул его холодным взглядом.

— Чтобы наказать вас за наглость, месье! Как посмели вы играть в игры с Эркюлем Пуаро?

Неожиданно Дженни Драйвер рассмеялась. Она все смеялась и смеялась. А потом обратилась к моему другу:

— Вы не представляете, как я рада, что это не Ронни Марш. Он мне всегда нравился. И я рада, просто ужасно рада, что смерть Карлотты не останется безнаказанной! Что до Брайана… м-да, я скажу вам кое-что, месье Пуаро. Я собираюсь выйти за него. Если он думает, что сможет получать разводы и жениться каждые два-три года, как это принято в Голливуде, то совершает величайшую ошибку в своей жизни. Он женится на мне и останется при мне навечно.

Пуаро посмотрел на нее — на ее решительно вздернутый подбородок, на пламенеющие волосы.

— Вполне возможно, мадемуазель, — сказал он, — что произойдет именно так. Я говорил, что у вас достаточно выдержки для чего угодно. Даже для того, чтобы выйти замуж за кинозвезду.

Глава 31
Показательный документ

День или два спустя мне пришлось срочно ехать в Аргентину. Так что мне больше не довелось увидеть Джейн Уилкинсон; о суде над ней и приговоре я прочитал в газете. Неожиданно — во всяком случае, неожиданно для меня — она полностью потеряла самообладание, когда ей предъявили обвинения в связи с истинными обстоятельствами. Пока Джейн Уилкинсон гордилась своей хитростью и играла роль, она не совершала ошибки. Но как только стало ясно, что ее уличили, уверенность покинула ее, и она стала по-детски беспомощной в своих попытках поддерживать обман. При перекрестном допросе она полностью лишилась присутствия духа.

Итак, как я уже сказал, на том званом обеде я в последний раз видел Джейн Уилкинсон. Когда думаю о ней, я вижу ее в одном и том же образе — как она стоит в своем номере в «Савойе» и сосредоточенно, с серьезным видом примеряет дорогой черный туалет. Я убежден, что тогда она не позировала. Что тогда она была абсо-

лютно естественной. Ее план принес успех, и, следовательно, она избавилась от всех тревог и сомнений. Убежден я и в том, что она ни на секунду не испытала сожалений из-за трех совершенных ею преступлений.

Я привожу здесь документ, который Джейн Уилкинсон завещала отправить Пуаро после ее смерти. Думаю, он очень характерен для этой очаровательной и напрочь лишенной совести дамы.

«Дорогой месье Пуаро,

Я думала о многих вещах и чувствую, что было бы неплохо написать о них вам. Я знаю, что иногда вы публикуете отчет о своих расследованиях. Думаю, вам никогда не доводилось публиковать документ, написанный преступниками. А еще мне очень хотелось бы, чтобы все знали, как я это сделала. Я до сих пор считаю, что план был отличный. Если б не вы, все прошло бы гладко. Это сильно огорчило меня, но вы ничего не могли поделать. Уверена, если я пошлю вам это письмо, вы придадите ему широкую огласку. Ведь придадите, да? Я хотела бы, чтобы меня запомнили. И я действительно считаю себя уникальной. Здесь, кажется, так думают все.

Все началось в Америке, когда я познакомилась с Мертоном. И сразу поняла: если бы я была

вдовой, он женился бы на мне. К несчастью, у него было довольно странное предубеждение в отношении разводов. Я пыталась преодолеть его, но это ничего не дало, и мне пришлось соблюдать осторожность, потому что он был в некотором смысле извращенной личностью.

Вскоре я поняла, что мой муж просто должен умереть, но я не знала, как это организовать. В Штатах — думаю, вы знаете — с этим намного лучше. Я думала и думала, но не могла придумать, как все это устроить. И вдруг увидела, как Карлотта Адамс имитирует меня. Я сразу увидела выход. С ее помощью я могла бы получить алиби. В тот же вечер я встретилась с вами, и мне в голову пришла великолепная идея: отправить вас к моему мужу, чтобы вы спросили у него про развод. А я тем временем болтала бы об убийстве своего мужа, потому что я часто замечала: если говоришь правду под видом глупости, тебе никто не верит. Я часто так делала, когда заключала контракты. Еще это помогает выглядеть глупее, чем ты есть на самом деле. При второй встрече с Карлоттой Адамс я подняла этот вопрос. Сказала, что это пари, и она тут же согласилась. Ей нужно изобразить меня на одном приеме, и, если у нее все получится, ей будет выплачено десять тысяч

долларов. Она загорелась и даже предложила кое-какие идеи — например, поменяться одеждой. Видите ли, мы не могли проделать все это здесь из-за Эллис, а у нее дома — из-за ее горничной. Она-то, естественно, не понимала почему. Это создавало определенную неловкость. Я просто сказала: «Нет». Она решила, что это моя глупая прихоть, но сдалась, и мы придумали план с гостиницей. Я взяла пенсне Эллис.

Конечно, очень скоро я поняла, что и ее придется каким-либо образом устранить. Жалко, но как-никак все эти ее перевоплощения были сплошной наглостью. Если б имитация меня не была бы так нужна мне, в ином случае я бы дико рассердилась. У меня было немного веронала, хотя я практически не принимаю его, так что здесь все было просто. А потом меня осенило. Видите ли, было бы значительно лучше, если б все выглядело так, будто она постоянно принимала его. Я заказала коробочку — дубликат той, что мне подарили. Сначала я хотела, чтобы там были ее инициалы и какая-то надпись. Потом подумала, что, если поместить на нее ничей инициал, а внутри написать «Париж, ноябрь», это здорово осложнит дело. Я отправила письмо с заказом из «Ритца», где обедала в один из дней, и

велела Эллис съездить за ней. Она, естественно, не знала, за чем едет.

В ту ночь все прошло гладко. Пока Эллис была в Париже, я взяла ее нож для мозолей, очень удобный и острый. Она этого не заметила, потому что потом я положила нож на место. Один врач в Сан-Франциско однажды показал мне, куда наносить удар. Он рассказывал о спинномозговой пункции и пункции цистерны и сказал, что нужно соблюдать особую осторожность, иначе можно проколоть мозжечково-мозговую цистерну и попасть в продолговатый мозг, где сосредоточены все жизненно важные нервы, а это повлечет за собой немедленную смерть. Я заставила его несколько раз показать, где конкретно находится это место. Я думала, что настанет день, и эти знания мне пригодятся. Ему я сказала, что хочу использовать эту идею в фильме.

Со стороны Карлотты Адамс было непорядочно писать своей сестре. Она дала мне слово никому ничего не рассказывать. Я действительно считаю, что это был очень ловкий ход — оторвать один лист и убрать «она». Все это я придумала сама. И горжусь этой хитростью даже больше, чем всем остальным. Все твердят, что у меня нет мозгов, — а мне кажется, что нужно иметь мозги,

чтобы придумать такое.

Я очень тщательно обдумала каждый свой шаг и сделала именно то, что планировала, когда ко мне пришел человек из Скотланд-Ярда. Эта часть истории доставила мне огромное удовольствие. Я даже начала думать, что он действительно арестует меня. Но я чувствовала себя в безопасности, потому что им пришлось поверить всем тем гостям за ужином, а я не представляла, как они узнают, что мы с Карлоттой поменялись местами.

После этого я почувствовала себя счастливой и довольной. Мне сопутствовала удача, и я верила, что и дальше все будет хорошо. Старая герцогиня была противна мне до ужаса, а вот Мертон был милашкой. Он хотел как можно скорее жениться на мне, и у него не возникло ни малейших подозрений.

Наверное, я никогда не была счастлива так, как в те несколько недель. Племянника моего мужа арестовали, и от этого я чувствовала себя в полной безопасности. И я больше, чем когда-либо, гордилась собой. Ведь это я додумалась оторвать тот листок в письме Карлотты Адамс.

А вот Дональду Россу крупно не повезло. До сих пор не могу понять, как ему удалось раскрыть

меня. Это как-то связано с Парисом-человеком и Парижем-городом. Я и сейчас не знаю, кто такой Парис, — а вот имя для мужчины совершенно дурацкое.

Любопытно, что удача, один раз отвернувшись, продолжает и дальше идти этим путем. Я была вынуждена срочно что-то делать с Дональдом Россом, и у меня все получилось. А могло и не получиться, потому что у меня не было времени на хитрости и на то, чтобы подумать об алиби. Вот тогда я точно почувствовала себя в безопасности.

Конечно, Эллис рассказала мне, что вы посылали за ней и задавали ей вопросы, но я решила, что это как-то связано с Брайаном Мартином. Я и подумать не могла, к чему вы ведете. Вы не спрашивали у нее, ездила ли она за посылкой в Париж. Вероятно, вы считали, что, если она перескажет все это мне, я заподозрю недоброе. Так что для меня это стало полным сюрпризом. Я не могла поверить. Просто мистика, как вам удалось все выяснить.

Я почувствовала, что дела плохи. Невозможно бороться против судьбы. Мне просто не повезло, правда? Интересно, вы хоть чуточку сожалеете о том, что сделали? Я же просто хотела бы счаст-

ливой, но по-своему. Если б не я, вы никогда не влезли бы в это дело. Не думала, что вы так ужасно умны. По вашему виду не скажешь.

Забавно, но я совсем не подурнела. Несмотря на этот кошмарный суд, на те отвратительные вещи, что мне говорил мужчина по другую сторону от меня, и на то, как он забрасывал меня вопросами.

Я стала немного бледнее и похудела, но это мне даже идет. Все говорят, что я на удивление отважна. Теперь перестали вешать на публике, ведь так? Мне жаль.

Уверена, до меня таких женщин-убийц не было.

Вероятно, мне пора прощаться. Все очень странно. Кажется, я ничего не понимаю. Завтра мне предстоит увидеться с капелланом.

Милостиво (ведь я должна миловать своих врагов, верно?) ваша,

Джейн Уилкинсон.

PS. Как вы думаете, меня выставят у мадам Тюссо?»